

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

АЛЬГИНА Ольга Владимировна

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
АНГЛИЙСКОЙ ГАЗЕТНОЙ СТАТЬИ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА**

Специальность 10.02.04 – Германские языки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Доктор филологических наук,
профессор Казакова Т.А.

Санкт-Петербург

2017

<i>Введение</i>	5
<i>Глава 1: Функциональный стиль газетного очерка и проблемы перевода</i>	12
1.1 Понятие текста и виды текста	12
1.1.1 Функциональные стили текста	15
1.1.2 Стилистические особенности медийных текстов.....	20
1.2 Функции лексики в тексте	23
1.2.1 Принципы выделения лексических групп.....	27
1.3 Проблемы перевода медийных текстов	30
1.3.1 Понятие перевода.....	30
1.3.2 Понятие и виды эквивалентности	30
1.3.3 Виды трансформаций	35
1.5 Проблемы перевода газетно-публицистических текстов статей	38
1.6 Газетные статьи в сопоставительно-функциональном аспекте.	48
<i>Выводы по главе 1:</i>	51
<i>Глава 2: Категории адресованности и оценочности в газетных текстах и их перевод</i>	54
2.1. Категории адресованности: универсальный подход	54
2.1.1. Категория адресованности: коммуникативный подход.....	56
2.2. Факторы адресованности в газетном тексте	61
2.2.1. Гендерная адресованность	62
2.2.2. Социально-политический фактор адресованности	65
2.2.3. Национальная и географическая адресованность	72
2.2.4. Другие факторы адресованности: возраст, религиозные убеждения.....	74
2.3. Адресованность и дискурс	76
2.4. Понятие оценочности в газетном тексте	81
2.4.1 Виды оценочности в газетной статье и их реализация в переводе.....	86
<i>Выводы по главе 2:</i>	97
<i>Глава 3: Газетный текст в сопоставительно-переводческом аспекте</i>	101

3.1. Понятие оценки качества перевода	101
3.1.1. Теоретические и практические модели оценки качества перевода.....	101
3.1.2.1 Количественная модель в зарубежных исследованиях	101
3.1.2.2 Неколичественные модели в зарубежных исследованиях	105
3.1.3 Количественная и неколичественная модели оценки качества перевода в отечественных исследованиях.....	109
3.2. Виды лексико-семантических расхождений	116
3.2.1 Лексико-семантические сдвиги при переводе.	120
3.2.1.1. Неоправданные добавления при переводе	120
3.2.1.2 Неоправданные добавления при переводе в политических текстах	120
3.2.1.3 Неоправданные добавления при переводе в экономических текстах...	122
3.2.1.4 Неоправданные добавления при переводе в социальных текстах.....	124
3.2.1.6 Неоправданная эмфатизация значения при переводе	130
3.2.1.7 Неоправданная эмфатизация значения при переводе в политических текстах.....	130
3.2.1.8 Неоправданная эмфатизация значения при переводе в социальных текстах.....	131
3.2.1.9 Смещение оценочного фокуса при переводе.....	133
3.2.1.10 Смещение оценочного фокуса при переводе в экономических текстах	134
3.2.1.11 Смещение оценочного фокуса при переводе в социальных текстах ..	136
3.2.1.12 Неоправданное использование генерализации при переводе	137
3.1.1.13 Неоправданное использование генерализации при переводе в политических текстах	137
3.1.1.14 Неоправданное использование генерализации при переводе в экономических текстах.....	138

3.2.1.15 Проблема разграничения термина и свободного словосочетания (shady business и shadowybusiness), как причина возникновения лексико-семантических сдвигов.....	140
3.2.2. Лексико-семантические смещения при переводе.....	144
3.2.2.1 Неоправданные добавления при переводе.....	144
3.2.2.2 Неоправданное опущение при переводе	148
3.2.2.3 Смещение оценочного фокуса при переводе.....	149
3.2.2.4 Смещение оценочного фокуса при переводе в политических текстах .	149
3.2.2.5 Смещение оценочного фокуса при переводе в экономических текстах	155
3.2.2.6 Смещение оценочного фокуса при переводе в социальных текстах	156
3.3.3. Лексико-семантические искажения при переводе.	160
3.3.3.1 Неоправданные замены при переводе	160
3.3.3.2 Неверное истолкование аллюзий при переводе	161
3.3.3.3 Ошибочный выбор слова при переводе	164
3.3.3.4 Ошибочный выбор слова при переводе в политических текстах.....	164
3.3.3.5 Ошибочный выбор слова при переводе в экономических текстах	166
3.3.3.6 Ошибочный выбор слова при переводе в социальных текстах	167
3.3.3.7 Неоправданное опущение при переводе	168
Выводы по главе 3.....	169
Заключение.....	172
Список сокращений словарей:	176
Список литературы:.....	176
Список словарей и справочных материалов:	193
Список источников примеров:	195

Введение

Данная диссертационная работа посвящена исследованию проблемы оценки и критериев качества перевода в соответствии с адресной направленностью и оценочностью, как текстообразующими факторами газетных сообщений. Оценка качества перевода газетных текстов представляет определенные трудности, поскольку в текстах газетных сообщений как при переводе, так и при оценке качества перевода необходимо учитывать не только информативную, но стилистическую и оценочную составляющие сообщения. В соответствии с этим в работе рассматриваются характеристики функциональных стилей, где особое внимание отводится, в том числе, проблеме передачи стиля газетных статей с английского языка на русский. Как известно, при переводе текста с одного языка на другой невозможно добиться полной эквивалентности, чтобы текст на языке перевода воспринимался читателем так же, как и текст оригинала. Во многом это происходит из-за лингвистических особенностей исходного и переводного языков, культурных различий и других факторов, которые могут повлиять на конечный перевод. В результате этого в диссертации исследуется проблема сдвигов значения, которые неизбежно происходят при передаче текста с одного языка на другой. Данные расхождения исследуются с учетом адресной и оценочной направленности текста, поскольку намеренное или ненамеренное изменение одной из представленных категорий, как правило, приводит к изменению стилистических функций слова в тексте газетной статьи.

Актуальность данной работы заключается в том, что в настоящее время осуществляется большое количество переводов англоязычных статей, посвященных актуальным событиям, происходящим в мире. Однако нередко в переводах допускаются вольности, что приводит к расхождениям в значениях слова, в результате чего неточно выбранный эквивалент при переводе может, во-первых, исказить представленную в тексте информацию, а, во-вторых, совершенно по-иному воздействовать на читателя, введя его в заблуждение и вызвав неверные ассоциации.

Таким образом, появляется необходимость в развитии оптимальной модели оценки качества перевода: что следует считать адекватным или эквивалентным переводом, по каким параметрам следует оценивать переводной текст и какой стратегией воспользоваться при оценке качества перевода.

Научная новизна исследования: поскольку в настоящее время создается большое количество газетных статей, область воздействия которых на аудиторию стремительно расширяется в международных масштабах (в том числе, с учетом т.н. «информационных войн»), то при их переводе необходимо особенно четко соблюдать стилистическую и информационную точность для наиболее полного, адекватного и беспристрастного отражения событий, описанных автором статьи. Таким образом, впервые разрабатывается модель и критерии оценки качества перевода на материале именно газетных статей в соответствии с их адресной и оценочной направленностью.

Объектом исследования данной работы являются англоязычные газетные очерки, статьи и сообщения и их переводы на русский язык.

Предметом исследования в данной работе является характер расхождения между лексико-стилистическими характеристиками при переводе газетных статей и очерков.

Целью данной работы является выявление оптимальных критериев оценки качества перевода газетных статей и усовершенствование модели оценки качества перевода.

Изучение теоретического материала, а также практический анализ газетных статей позволили сформулировать **гипотезу исследования:** определить виды лексико-семантических расхождений при переводе в соответствии со стилистическими и лексическими характеристиками текста, которые могут вызвать трудности при переводе и доказать, что при оценке качества перевода газетных текстов необходимо учитывать две взаимозависимые категории (адресованность и

оценочность), и на основе этого разработать оптимальную модель оценки качества перевода.

Отсюда вытекают следующие **задачи**:

1. выявить адресную направленность текстов различных англоязычных статей.
2. определить стилистические особенности английских статей.
3. рассмотреть существующие модели оценки качества перевода.
4. выявить лексические группы, которые наиболее часто подвергаются лексико-семантическим изменениям при переводе.
5. исследовать зависимость между семантическим расхождением и стилистической функцией слова при переводе.
6. Выявить оценочную составляющую текстов газетных статей

Методологической и теоретической базой настоящего исследования послужили работы в области изучения текста (Гальперин И. Р, Гончарова Е.А., Москальская О.И., Тураева З.Я., Щирова И.А. и др.), в области переводоведения (Бархударов Л.С., Виноградов В. С., Гальперин И. Р., Казакова Т. А., Рецкер Я. И., Федоров А.В., Швейцер А.Д., Baker M., Boase-Beier J., Catford J.C., Jakobson R., Nida E., Taber C.R., Рум А., Venuti L., Vinay, J.P. and J. Darbelnet, Гарбовский Н. К., Toury G., Сдобников В. В, Basnett S., Newmark P. и др.), в области исследования интерпретации текста (Демьянков В.З., Кубрякова Е.С., Минченков А.Г., Попова З.Д., Стернин И.А., Фесенко Т.А. и др.), в области стилистических аспектов текста (Арнольд И.В., Александрова О.В., Валгина Н. С., Введенская Л.А., Гак В.Г., Голуб И.Б., Гуревич В.В., Знаменская Т. А., Кожина Н.М., Мороховский А.Н., Лапшина М.Н., Скребнев Ю. М. и др.), в области адресной направленности текста (Бахтин М.М., Арутюнова Н.Д., Воробьева О. П., Кашкин В.Б., Леонтович О.А., Почепцов Г.Г., Тер-Минасова С.Г., Карасик В.И. и др.), в области исследования оценочности текста (Вольф Е.М., Телия В.Н., Клушина Н. И., Ретунская М.С., Азнаурова Э.С., и др.), в области исследования оценки качества перевода (Казакова Т.А., В.Н.,

Halverson S.L., House J., Williams M., Моисеенко Г., Delpech E. M., Nord Ch., В. В, Калошина Н.А. и др.).

Материалом исследования послужили политические, экономические и социальные газетные статьи современной британской и американской прессы, собранные за период с 2011 по 2017 гг. (The Guardian, The Washington Post, Bloomberg, the Telegraph, the Financial Times, the New York Times, the National Interest, the Daily Beast, the Foreign Policy, и др.) и их переводы (сайт ИноСМИ). На основании анализа английских газетных статей объемом 802 496 знаков было отобрано 980 примеров.

На защиту выносятся следующие положения:

1) Любой текст создается с определенной целью, что позволяет говорить о том, что одним из конститутивных свойств текста вообще, и газетного текста в частности, является его направленность или адресованность. Адресованность зависит от целевой аудитории, к которой обращается автор статьи, соответственно, соответственно существует определенная зависимость между адресной направленностью текста и выбором лексических и синтаксических средств при создании сообщения с целью лучшего воздействия на реципиента.

2) Одним из основных текстообразующих факторов газетного текста является оценочность, которая взаимосвязана с категорией адресованности, поскольку от адресной направленности текста зависит выбор, в том числе, оценочных средств. В результате исследования устанавливается, что оценочность проявляется на трех уровнях: лексическом, идиоматическом и коммуникативно-прагматическом.

3) При переводе категория адресованности оригинального текста может сохраняться или же, наоборот, быть скорректирована с учетом направленности на получателя перевода, что может существенным образом повлиять на восприятие переводного текста реципиентом.

4) В соответствии с адресной и оценочной направленностью сообщения оценка качества перевода газетного текста производится на макроуровне, мезоуровне и

микроуровне. На макроуровне проверяется соответствие коммуникативно-функционального и прагматического компонентов значения исходного и переводного текстов, степень их выраженности в двух текстах, на мезо- и микроуровнях – идиоматическое и лексико-семантическое соответствия лексических единиц. В данной диссертационной работе оценка производится на мезо- и микроуровнях, поскольку осуществление оценки на макроуровне требует отдельного исследования.

5) При анализе перевода на мезо- и микроуровнях выделяются три вида лексико-семантических расхождений: лексико-семантические сдвиги, смещения и искажения, среди которых при передаче текста с одного языка на другой наиболее часто встречаются неоправданные добавления в текст перевода, неоправданные опущения, смещение оценочного фокуса, повышение и понижение регистра речи, неоправданная эмфатизация значения и т.д.

б) Наиболее уязвимыми группами, подвергающимися лексико-семантическим расхождениям при переводе, являются аллюзии, эмоционально-оценочная лексика, экспрессивная лексика, термины.

Цели и задачи работы определили следующие **методы анализа**: лексико-семантический, контекстуальный, сопоставительно-переводческий.

Теоретическая значимость заключается в разработке и последующем исследовании модели оценки качества перевода газетных текстов, содержащих в себе помимо фактической информации, также и оценочный и образный компоненты, которые необходимо учитывать при оценке. Предложенная классификация оценочности может использоваться при исследовании оценочного компонента текстов различных жанров.

Практическая значимость заключается в том, что результаты исследования могут использоваться для практической оценки качества перевода газетных и публицистических текстов, а также использоваться в качестве показательного материала на лекциях и семинарах по переводоведению.

Достоверность полученных результатов обусловлена анализом достаточного количества лингвистического материала, объективным обзором теоретической базы исследования.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены на конференциях: XLIV Международная филологическая конференция. СПбГУ, Санкт-Петербург (10.03.2015-15.03.2015), XLV Международная филологическая конференция. СПбГУ, Санкт-Петербург, конференция «Перевод. Язык. Культура» (заочное участие). ЛГУ им. А.С. Пушкина, г. Пушкин (08.04.2016). Основные результаты исследования опубликованы в 4-х научных работах.

Объем и структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, сопровождаемых выводами, заключения и списка использованной литературы (195 наименования, из них 46 – на иностранных языках), списка использованных словарей (31 позиция) и списка источников материала (102 позиции). Общий объем диссертации составляет 207 страниц.

Во введении обосновываются актуальность и научная новизна работы, определяются цели и задачи, методы анализа диссертационного исследования, раскрывается теоретическая и практическая значимость настоящей работы.

В первой главе Функциональный стиль английской газетной статьи и проблемы перевода излагаются основные теоретические предпосылки данного диссертационного исследования, рассматриваются основные для данного исследования понятия текста и проблемы его определения, особенности различных стилей текстов, где особое внимание уделяется рассмотрению медийного стиля, основные функции лексики и ее функционирование в лексических группах, проблемы перевода, в том числе, медийных текстов, а также исследуются основные стилистические особенности англоязычных и русскоязычных текстов газетных статей.

Вторая глава Категории адресованности и оценочности в газетных текстах и их перевод посвящена проблеме проявления категорий адресованности, взаимосвязи

дискурса и категории адресованности и оценочности в текстах газетных статей, а также их передаче при переводе.

Третья глава Сопоставительно-переводческий анализ газетной статьи посвящена основным подходам к проблеме оценки качества перевода среди отечественных и зарубежных исследователей. В ней рассматриваются три основных вида лексико-семантических расхождений, которые возникают при переводе: лексико-семантические сдвиги, лексико-семантические смещения, лексико-семантические искажения, а также проводится практический анализ лексико-семантических сдвигов, смещений и искажений, проведенный на основе переводов газетных статей с английского языка на русский.

В заключении излагаются основные результаты и итоги диссертационного исследования.

Глава 1: Функциональный стиль газетного очерка и проблемы перевода

1.1 Понятие текста и виды текста

Текст – одно из основных понятий современной лингвистики. Текст, как предмет научного исследования, рассматривается многими науками, такими как поэтика, семиотика, риторика, герменевтика, текстология, стилистика, прагматика. Однако, как объект лингвистического исследования, текст привлек внимание ученых только начиная с середины XX в. Само понятие текста достаточно сложно и многоаспектно, поэтому в данном разделе мы остановимся более подробно на проблеме определении данного понятия, а также упомянем основные конститутивные признаки текста.

На разных этапах развития лингвистики текста ученые давали различные определения этому понятию, однако единого, исчерпывающего определения, которое охватывало бы все аспекты текста, еще не было предложено. Одним из первых изучением текста, как объекта лингвистического учения, занимался А.М. Пешковский, который предложил новое понятие «сложное целое», под которым понимал «сочетание предложений, соединенных союзами, союзными словами или союзными синтаксическими паузами и неразъединенными синтаксическими паузами». (Пешковский 2001: 401) Позднее его идеи были развиты такими учеными, как А.И. Белич (1947), Н.С. Поспелов (1949), И.А. Фигуровский (1948). Например, Н. С. Поспелов определял текст как сложное синтаксическое целое, «как синтаксическая единица, более независимая от окружающего ее контекста связной речи». (Поспелов 1949: 41) Сложное синтаксическое целое структурно оформлено, т.е. имеет «замкнутую синтаксическую структуру», формирует отдельное авторское высказывание «непосредственно адресованное слушателю или читателю». (Поспелов 1949: 41) Таким образом, сложное синтаксическое целое представляет собой определенную последовательность связанных между собой предложений, которые образуют отдельную, более высокую единицу синтаксиса, затрагивающую и коммуникативно-прагматический аспект. Того же мнения касательно текста

придерживаются Н. С. Валгина (Валгина 2003: 365), Е.А. Реферовская (Реферовская 1983: 5), З.Я. Тураева (Тураева, 1986).

Некоторые ученые определяют текст, не просто как множество связанных предложений, т.е. единиц синтаксического уровня, но как определенную, последовательность высказываний, т.е. единиц речевого общения, соотнесенных с определенной ситуацией и экстралингвистической действительностью и всегда адресованное. Так, И. Р. Гальперин дает следующее определение: «это письменное сообщение, объективированное в виде письменного документа, состоящее из ряда высказываний, объединённых разными типами лексической, грамматической и логической связи, имеющее определённый моральный характер, прагматическую установку и соответственно литературно обработанное» (Гальперин, 1974, 67). С такой точкой зрения согласны В. П. Руднев (Руднев 1999: 305), И.А. Щирова, Е.А. Гончарова (Щирова, Гончарова 2006; 13). При этом, говоря о функциях текста, К.А. Филиппов отмечает, что неверно считать, что «общее значение текста складывается из простой суммы значений отдельных предложений» или отдельных иллокуций. Исследователь отмечает, что значение текста складывается из целевой установки текста в совокупности с его функционированием, как «целого». (Филиппов 2003: 143)

Т.А. Казакова дает определение текста со стороны коммуникативно-функционального подхода, понимания под этим понятием: «упорядоченный комплекс знаков, обладающий способностью определенным образом активизировать в восприятии когнитивные или эмоциональные процессы, необходимые для реконструкции смысла». (Казакова 2002; 8) Согласно данному определению посредством текста автор стремится не только сообщить некоторую информацию, но и воздействовать на разум или эмоции адресата.

О.И. Москальская при рассмотрении различных подходов к проблеме определения текста отмечает, что в лингвистике текста данное понятие используется для обозначения двух разных единиц, где понятие «текст» представляет собой «с

одной стороны, любое высказывание, состоящее из одного или более предложений, несущее в себе по замыслу говорящего законченный смысл, с другой стороны, такое речевое произведение, как повесть, роман, газетная или журнальная статья, научная монография документы различного рода и т.п.» (Москальская 1981: 12).

Также в понятие текста входят части целого произведения, а именно главы, параграфы, абзацы. Таким образом, как указывает И.Р. Гальперин «в характеристике текста существенным является параметр объема». (Гальперин 2006: 9) Не смотря на то, что текст может быть сколь угодно большим, в конечном счете «по самой своей природе он обозрим, поскольку конечен». (Гальперин 2006: 9)

И.Р. Гальперин отмечает, что под текстом следует понимать устный или письменный продукт речи. Несмотря на это, исследователь придерживается более узкого подхода, согласно которому под текстом понимается «фиксированное на письме речетворческое произведение» (Гальперин 1977: 4), в которое не входит устная речь. Также ученый говорит, что текст имеет «определенную целенаправленность и прагматическую установку» (Гальперин 1977: 4), и в нем одновременно присутствуют и пересекаются коммуникативная, когнитивная (познавательная) и эмотивная функции. Однако с таким узким пониманием текста не соглашается К. А. Филиппов, отмечая, что исключение из рассмотрения устных текстов «вряд ли отвечает насущным проблемам лингвистического поиска» (Филиппов 2003: 65)

Также стоит упомянуть об основных конститутивных свойств текста, т.е. тех свойствах, которые позволяют «отличить текст от не-текста» (Щирова, Гончарова 2007: 54). К таким свойствам относятся когезия (связность), которая «фиксирует внимание на плане выражения текста» и когерентность (цельность), «обращающая к плану содержания текста» (Щирова, Гончарова 2007: 56). Текст также обладает такими свойствами, как интенциональность (намеренность) и воспринимаемость (т.е. «намерение реципиента получить текст» (Щирова, Гончарова 2007: 62-63), информативность и ситуативность, интертекстуальность.

Таким образом, под текстом мы понимаем сложное синтаксическое целое устной или письменной деятельности, выходящее за пределы одного предложения, обладающее такими свойствами как связность, цельность, интенциональность, информативность, интертекстуальность и имеющая две основные функции (информативную и воздействующую) и целевую установку.

1.1.1 Функциональные стили текста

Тексты весьма разнообразны по своей природе, по жанрам, стилям и функциям. Понятие стиля, также как и понятие, текста весьма сложно. Существует достаточно много определений данного понятия, однако, как и в случае с текстом, пока еще не выработано единого полного определения для функционального стиля (ФС). В этом разделе мы приведем определения ФС некоторых ученых. Как указывает, М.Н. Кожина функциональная стилистика «стремится изучить, в какие системные отношения входят языковые средства при функционировании языка» (Кожина 2008: 87), т.е. функциональная стилистика изучает языковые средства, их употребление не только в чисто лингвистическом аспекте, но в совокупности с коммуникативными задачами отправителя сообщения и внеязыковыми факторами. Исследователь указывает, что стиль – «это одно из свойств текста» (Кожина 2008: 89). По определению М.Н. Кожиной функциональный стиль – это «своеобразный характер речи, той или иной социальной ее разновидности, соответствующей определенной сфере общественной деятельности и соотносительной с ней формой сознания, создаваемой особенностями функционирования в этой сфере языковых средств и специфической речевой организацией» (Кожина 2008: 91). Г.Я. Солганик определяет это понятие, как «разновидность литературного языка, выполняющая определенную функцию в общении». (Солганик 1997) Исследователь также выделяет три основных свойства, которые и определяют «языковой облик» ФС, т.е. принадлежность текста к определенному ФС: 1) каждый функциональный стиль отражает определенную сторону общественной жизни, имеет особую сферу применения, свой круг тем; 2) каждый функциональный стиль характеризуется

определенными условиями общения – официальными, неофициальными и т.д.; 3) каждый функциональный стиль имеет общую установку, главную задачу речи (Солганик 1997: 87). И.В. Арнольд определяет ФС как «подсистему языка, каждая из которых обладает своими специфическими особенностями в лексике и фразеологии, в синтаксических конструкциях, а иногда и в фонетике» (Арнольд 2002: 320) Ю.М. Скребнев выделяет не ФС, а субъязыки (Скребнев 2003: 19), которые служат целям общения. Исследователь отмечает, что количество субъязыков может быть бесконечным.

Интересен подход к определению ФС Е.А. Гончаровой, которая в рамках антропоцентрического подхода к изучению языка, определяет ФС как «выражение определенных мыслительных действий человека с помощью текста/ов, соответствующих по содержанию и форме обстоятельствам когнитивно-речевой деятельности носителя языка и выполняющих коммуникативно-прагматические функции, необходимые и достаточные для целей познания и общения с помощью языковых средств в условиях, заданных коммуникативной ситуацией». (Гончарова 1999: 153)

М.Н. Лапшина определяет ФС, как «общественно осознанную, целенаправленную и функционально обусловленную совокупность приемов отбора и употребления языковых средств, закрепленных за определенной сферой социальной деятельности и направленных на достижение определенной цели». (Лапшина 2013: 230)

Стоит сказать, что на сегодняшний день нет единой классификации функциональных стилей, и разные ученые включают в свои классификации различные стили. Например, И.Р. Гальперин выделяет четыре функциональных стиля, И.В. Арнольд – пять стилей, В.С. Виноградов – шесть, куда помимо пяти основных стилей входят также стиль религиозных текстов, А.Н. Мороховский – пять, М.Н. Лапшина – семь. Интересна классификация текстов В.Г. Адмони, в которой ученый выделяет разовые высказывания, характерные для устной речи и

воспроизводимые высказывания, которые в большей степени относятся к письменным текстам. Среди воспроизводимых высказываний, ученый различает сакральные (мифологические, религиозные и магические) и утилитарные тексты. К утилитарным относятся научные, производственные, административно-правовые, публицистические и рекламные тексты. В отдельную категорию исследователь выносит художественные тексты, также как и тексты в звуковой массовой информации. (Адмони 1994: 71-146)

Несмотря на различную трактовку ФС, а также их количества, все исследователи соглашаются в том, что нет жестких границ в отграничении одного ФС от другого, поскольку все стили сосуществуют вместе, влияют друг на друга и некоторые черты одного из ФС могут проникать в другие ФС. Итак, в данной работе мы воспользуемся классификацией М.Н. Лапшиной, как наиболее полной и четкой. Соответственно, мы кратко рассмотрим характеристики официально-делового, научного, художественного, публицистического, свободно-разговорного, стиля ораторской речи, и отдельно и более подробно рассмотрим газетно-публицистический стиль. При этом стоит отметить, что М.Н. Лапшина выделяет в отдельную группу газетно-информационный стиль, в который входят статьи и сводки, не содержащие субъективных, оценочных компонентов. В данной работе мы будем рассматривать именно газетно-публицистический стиль, куда будут входить не только нейтральные по своему коннотативному содержанию сообщения, но также различные аналитические статьи и очерки, содержащие оценку.

Официально-деловой стиль (ОДС) характерен для различной документации и обслуживает международную, государственную сферы коммуникации. Официально-деловой стиль представлен в таких документах как законы, постановления, уставы, договоры и т.д. В официально-деловом стиле выделяют, по крайней мере, три его разновидности (хотя существуют и более детальные классификации подстилей данного стиля): собственно официально-деловой (канцелярский), юридический (язык законов и указов) и дипломатический. Функцией текстов официально-

делового стиля является «урегулирование, узаконивание отношение между государственными учреждениями, между различными объединениями людей, между индивидуумами». (Граудина 1999: 216-218) Для ОДС характерно использование стилистически нейтральных и книжных средств, употребление терминов, различных штампов, нередко канцеляризмов, обилие сложных конструкций, исключается использования экспрессивных и эмоциональных средств.

Разговорный стиль (РС) используется для неофициального, в том числе бытового общения. В разговорном стиле выделяют литературно-разговорный и фамильярно-разговорный, каждый из которых имеет свои стилистические особенности. (Лапшина 2013) Функцией разговорного стиля является коммуникативная, контактоустанавливающая и эмотивная функции, т.е. функция общения. Как указывает М.Н. Лапшина для РС в целом характерно с одной стороны использование компрессии, редуцированных форм, а с другой тенденция к избыточности на различных уровнях. Для лексики разговорного стиля характерно использование общеупотребительных, нейтральных слов, использование просторечных и разговорных слов, широкое использование слов с эмоционально-оценочной окраской, употребление метафор, использование фразеологизмов, употребление книжных слов со слабой стилистической окраской. (Гойхман 2009: 34-40)

Научный стиль (НС) – это стиль научной литературы, к которой относятся различные научные статьи, монографии учебники, доклады лекции и т.д. (Введенская 2004) В НС можно обнаружить три его разновидности: собственно научный, научно учебный, научно популярный. Основная функция научного стиля – «не только передача логической информации, но и доказательство ее истинности, а часто – новизны и ценности». Функцией научно-популярного подстиля является «заинтересовать неспециалиста научной информацией». (Гойхман 2009: 23-25) Для НС характерна точность, логичность и объективность изложения. Для лексики данного стиля характерно употребление терминологии, использование слов с

абстрактным значением, общенаучной лексики, интернационализмов, клише. При этом в данном стиле исключается использование разговорной, эмоционально и экспрессивно окрашенной лексики. (Введенская 2004: 85-88)

Публицистический стиль используется для отражения различных актуальных политических, социальных, экономических, культурных и др. событий, которые волнуют общество в данный период времени. ПС используется при написании газетных и журнальных, аналитических статей, эссе, очерков. Помимо письменной, также существует и устная форма данного стиля, которая выражается в новостных выпусках и аналитических обзорах радио- и телеэфиров. Как отмечает, Т.М. Балыхина «жанровое разнообразие публицистического стиля обозначается емким именем – средства массовой информации или масс-медиа (СМИ)». (Балыхина 2007). ПС имеет две основные функции: информационную и апеллятивную, т.е. для этого стиля важно не только проинформировать реципиента, но и воздействовать на него, с целью убедить его или вызвать определенную реакцию на сообщение.

Для лексики данного стиля характерно использование эмоционально-оценочных средств, общественно-политической лексики; фразеологии; использование разговорных слов и выражений; использование интернациональной политической лексики; употребление высокой книжной лексики; употребление неологизмов; использование клише, речевых штампов,; употребление слов с негативной оценкой, зачастую стилистически сниженных. (Гойхман 2009: 29-32) Как можно наблюдать, для ПС характерно сочетание стандарта и экспрессии, где могут смешиваться различные пласты лексики: от книжного до разговорного, при этом наблюдается логичность в изложении, лаконичность и высокая информативность.

Художественный стиль – это стиль относится к художественной литературе, к которой можно выделить такие жанры как художественная проза, драматургия, поэзия, литературная критика, публицистика. Стоит отметить, что в художественных текстах используются средства всех стилей, но «все эти стилевые элементы включаются в особую литературную систему и приобретают новую, эстетическую

функцию». (Виноградов 2001: 15-17) Основными функциями художественного стиля являются апеллятивная и эстетическая. Для художественного стиля характерно использование изобразительно-выразительных языковых средств, многостильность; проявление творческой индивидуальности автора. Для различных стилистических целей используются диалектные слова, слова жаргонные, профессиональные, просторечные, архаизмы. Также в художественной литературе употребляются образные средства языка такие как звуковая организация речи, изобразительно-выразительные средства, экспрессивно-стилистическая окраска слова. (Розенталь, 2001: 47-48).

Ораторская речь – «это устное, как правило, подготовленное выступление перед слушателями» (Лапшина 2013: 241). Функциями данного стиля являются информирующая и воздействующая, что сближает данный стиль с публицистическим. Внутри данного стиля выделяют различные жанры (социально-политические речи, академические и т.д.). Для ораторской речи характерны логичность изложения, употребление различных средств выразительности, образность, четкость лаконичность предложений (Лапшина 2013)

Таким образом, под функциональным стилем понимается совокупность языковых средств, употребляемая в определенной речевой ситуации для достижения конкретной цели. В данной работе мы выделяем семь основных стилей, к которым относятся официально-деловой, разговорный, художественный, публицистический, научный и ораторский, газетно-публицистический стили, для каждого из которых характерен ряд своих особенностей.

1.1.2 Стилистические особенности медийных текстов

Медийный стиль, к которому относятся в частности, газетные тексты, является разновидностью газетно-публицистического стиля, для которого характерны логичность повествования, четкое изложение фактов и событий, развернутость высказывания, нередко наличие терминологии из определенных областей (политическая, экономическая и т.д.), деление на логические отрезки. Эти

характеристики приближают данный стиль к научному. С другой стороны для данного стиля характерно употребление эмоционально-экспрессивных, оценочных средств, появляется образ автора, который выражает свое личное мнение по поводу некоторой ситуации или проблемы (что выражается в употреблении личных местоимений, высказывании своей точки зрения), что сближает данный стиль со стилем художественной прозы и публицистикой.

Основной функцией газетного стиля является сообщение определенной информации, которая может быть интересной для реципиента. При этом необходимо помнить, что существуют различные жанры газетно-публицистического стиля, для каждого из которых будут характерны свои функции: для газетных сообщений, коммюнике, репортажей, т.е. текстов, относящихся к газетно-информационному подстилю, главной функцией будет информативная, т.е. беспристрастное изложение фактов, лишённое субъективной оценки. Для различного рода критических или аналитических статей, которые также представлены в газетно-публицистическом стиле помимо информативной, важную роль будет играть также апеллятивная функция, т.е. стремление автора воздействовать на реципиента, вызвать в нем соответствующую оценочную реакцию, убедить в правильности своей точки зрения на ситуацию.

В газетах и СМИ освещаются самые разные темы, которые представляют интерес для массового читателя/зрителя: различные новостные сообщения/сводки, новости из области культуры, искусства, моды и т.д. Освещение информации из разных областей приводит к необходимости использования различных терминов: политических, если речь идет о политических событиях, экономических, если дается экономический анализ и т.д. Делается это для наиболее точного и четкого обозначения различных понятий. Однако эти термины должны быть общеизвестными и понятными для всех, чтобы привлекать внимание не только специалистов узких областей знания, но и представлять интерес для неспециалистов.

Как было сказано, в газетно-публицистическом стиле присутствуют различные жанры, которые могут различаться по форме и содержанию. И.Р. Гальперин выделяет в газетном стиле сообщения (краткие сообщения и коммюнике) и газетные статьи. Т. А. Беневоленская (Беневоленская 1975), Бобков (Бобков 2005; 41) в отдельную группу относят газетный очерк.

Согласно И.Р. Гальперину для *кратких сообщений* характерна особая синтаксическая структура: такие сообщения состоят из одного-двух, максимум трех предложений. Как правило, эти сообщения длинные, состоящие из большого количества придаточных предложений. (Гальперин 1958; 395 – 399)

Газетные статьи представляют собой разновидность газетно-публицистического, точнее, медийного стиля, в которых описываются наиболее «животрепещущие события дня или недели». (Гальперин 1958: 400) Соответственно, в газетных статьях присутствуют основные черты, свойственные публицистическому стилю, однако есть черты, отличные от публицистического, что позволяет рассматривать стиль газеты отдельно. В основном, эти отличия связаны с периодичностью издания, а также с охватом аудитории (как известно, газеты ориентируются на более широкую аудиторию). Как уже было сказано, основными функциями газетных статей являются информативная и воздействующая. В соответствии с этим в газетных статьях достаточно отчетливо присутствует субъективное мнение автора, его оценочное отношение к предмету или теме обсуждения. Для лексики данного стиля в целом характерно употребление нейтральных слов, однако для выражения личной точки зрения нередко используются эмоционально-оценочные и экспрессивные лексические единицы (ЛЕ); использование образных средств (метафоры, эпитеты, сравнения, аллюзии); употребление фразеологизмов, терминов, газетных штампов, клише. Также для создания определенного стилистического эффекта с целью лучшего воздействия на читателя может употребляться и разговорная лексика.

К газетным статьям относятся передовые статьи, обзоры, критические статьи, фельетоны, очерки, каждая из которых имеют некоторые отличительные свойства.

Итак, основными функциями газетного стиля являются информативная и апеллятивная. Тексты средств массовой информации, в том числе, газетные статьи «всегда динамичны и современны, они воспринимаются участниками коммуникации в контексте происходящих событий». (Александрова 2003: 217) Газетный стиль имеет ряд сходств с публицистическим стилем в плане употребления лексических и синтаксических средств.

1.2 Функции лексики в тексте

Слово – основная единица языка. Однако, несмотря на центральное положение слова в лингвистике, проблема точного определения данного понятия до сих пор остается трудноразрешимой. Поскольку слово является многомерной структурой на всех уровнях языка, весьма непросто дать данному понятию такое определение, которое было бы универсальным для всех языков (поскольку по утверждению В.В. Виноградова «структура слова неоднородна в языках разных систем и на разных стадиях развития языка» (Виноградов 1972)) и удовлетворяло одновременно «задачам фонетического, морфологического, лексического и синтаксического описания языка» (Арнольд 2002: 78). Поэтому как отмечает Л.И. Богданова «стремление выделить слово на основании какого-либо единого критерия неизбежно делает определение односторонним». (Богданова 2011)

Л.И. Богданова выделяет шесть основных признаков слова: 1) свободная воспроизводимость в речи; 2) невозможность слова иметь более одного основного ударения; 3) лексико-грамматическая оформленность; 4) непроницаемость в исходной форме; 5) семантическая валентность; 6) идиоматичность, что позволяет исследователю дать следующее определение слову: «единица наименования, характеризующаяся фонетической и грамматической оформленностью и идиоматичностью». (Богданова 2011) И.А. Арнольд под словом понимает «основную единицу языка, которая является формой существования понятия и выражением

эмоции и отношения». (Арнольд, 2002: 78) Также стоит отметить, что слово представляет собой двусторонний языковой знак, который характеризуется планом выражения (означающее) и планом содержания (означаемое). Слово имеет значение лексическое, т.е. «присущее всем формам одного слова» и значение грамматическое, т.е. «присущее одинаковым формам разных слов» (Иванова 2011: 15). Слово в своем лексическом значении содержит информацию, которая «может быть основной, передающей общее логическое понятие, заключенное в слове (денотативная)» (Елисеева 2003) и дополнительной (коннотативной), т.е. «передающей дополнительные оттенки значений, которые выражают эмоциональную окраску или оценку названного объекта». (Гуревич 2007: 7) Таким образом, денотат обозначает предмет или явление и обладает нейтральным значением. Дж. Лайонз также отмечает, что от денотации следует отличать референцию. Денотация, по словам ученого, состоит в том, что она «инвариантна и независима от высказывания: она является частью значения, которое выражение имеет в языковой системе независимо от его употребления в конкретном случае высказывания», референция же наоборот «варьируется и зависима от контекста». (Лайонз 2003: 95)

В зависимости от контекста речи говорящего, его намерений, желания особым образом воздействовать на читателя и слушателя и от ситуации, слова с нейтральным или денотативным значением могут приобрести положительное или же отрицательное коннотативное значение. Коннотативное значение, как уже было сказано является дополнительным значением к денотативному, передающее оттенок значения. В коннотативном значении можно выделить несколько компонентов: оценочный, эмотивный, функционально-стилистический и экспрессивный.

Оценочный компонент значения слова, как отмечает А.Н. Мороховский, «соотносится со сферой рационально-оценочного восприятия». (Мороховский 1984: 92), т.е. этот компонент выражает одобрение или неодобрение (разведчик – шпион, восстание – мятеж; out-of-date method – time-tested method). Оценка бывает рациональной и эмоциональной. К рациональной оценке относятся, например,

прилагательные *good/ bad*, в денотативное значение которых, как отмечает Е.В. Иванова оценка не просто входит, но и «является этим значением» (Иванова 2011: 27). Эмоциональная оценочность также входит в денотативное значение слова, но проявляется в более интенсивной степени оценки (*excellent*). При этом есть слова, в которых оценка входит в коннотативное значение, при этом денотативное значение остается нейтральным (*stupid*). (Иванова 2011: 27)

Также выделяют эмоциональный компонент значения, который может быть узуальным или окказиональным. Эмоциональный компонент значения обнаруживается в слове, если оно выражает какую-либо эмоцию или чувство. Однако не следует путать эмоциональную лексику со словами, называющими эмоции и чувства (*fear*) и словами, «эмоциональность которых зависит от ассоциаций и реакций, связанных с денотатом (*death, tears, honour, rain*)». (Арнольд 2002: 80)

Функционально-стилистический компонент значения слова появляется в результате постоянного употребления в той или иной сфере речевого общения или определенной ситуации. В результате этого можно выделить слова, которые можно употреблять в любой речевой ситуации (нейтральная лексика), а есть слова, которые необходимо употреблять только в определенной ситуации (язык науки, официальные документы, поэзия, повседневно-бытовое общение т.д.). Например, слова *foe, maiden, realm* употребляются в поэзии, термины и номенклатурные слова – в языке науки и техники, определенные штампы и клише – в официальных документах. (Мороховский 1984: 92)

Экспрессивный компонент значения слова заключается в том, что слово «своей образностью или каким-нибудь другим способом подчеркивает, усиливает то, что называется в этом же слове или в других, синтаксически связанных с ним словах». (Арнольд 2002: 82) Таким образом, «экспрессивная коннотация либо усиливает, либо снижает экспрессивность сообщения». (Znamenskaya 2002: 29)

В слове не обязательно могут присутствовать все перечисленные компоненты значения: может присутствовать только один или несколько, причем в разных комбинациях. Также коннотативный компонент может вообще отсутствовать, как, например, в различного рода терминах.

Слово в языке в большинстве случаев полисемично, т.е. многозначно и содержит множество лексико-семантических вариантов. Под лексико-семантическим вариантом (ЛСВ) понимается «слово в одном из его значений». (Арнольд 2002: 82) На протяжении длительного времени значения слова и его ЛСВ могут меняться под воздействием различных факторов, в результате чего может произойти семантический сдвиг в значении. Согласно исследованию М.Н. Лапшиной значение слова может подвергаться расширению, сужению, смещению, прототипному сдвигу. (Лапшина 1996)

Поскольку слово является неотъемлемой частью коммуникации (письменной или устной), оно в рамках этой коммуникации выполняет определенные функции. В зависимости от того, в какой сфере языковой деятельности рассматриваются слова, выделяют различное число функций. Если говорить о функциях в языке в целом, то, как правило, в языке выделяют четыре основные функции. Р. Якобсон, например, рассматривает шесть функций в речи: коммуникативную, экспрессивную, апеллятивную, поэтическую, фатическую и метаязыковую (Jakobson 1966).

Что касается слова то А.А. Уфимцева выделяет следующие функции слова: номинативную (обозначения), сигнификативную (обобщения), коммуникативную (общения) и прагматическую (экспрессивного выражения и эмоционального воздействия). (Уфимцева 2011: 39) При этом среди вышеназванных функций слова, основными являются номинативная и сигнификативная функции, второстепенными же, соответственно, являются коммуникативная и прагматическая функции. Л.И. Богданова выделяет три функции слова: 1) обобщающая (сигнификативная); 2) номинативная (референтная); 3) экспрессивная (или эмотивная). (Богданова 2011)

Таким образом, образом слово – это двусторонний знак, обладающий единством формы и содержания, который содержит в себе денотативное и коннотативное компоненты значения. Являясь частью коммуникации, слово может содержать в себе различные функции для выполнения коммуникативных и прагматических намерений говорящего, а также выражения экспрессивно-эмоционального отношения адресанта к предмету или событию с целью воздействия на адресата.

1.2.1 Принципы выделения лексических групп

Лексика любого языка представляет собой систему, в которой все единицы взаимосвязаны. Слова не существуют в языке отдельно, но объединяются в различные группы на основании определенных признаков. Как отмечает Розенталь «основанием для подобного объединения слов в группы служат не лингвистические характеристики, а сходство обозначаемых ими понятий». (Розенталь 2002). Таким образом, ученые выделяют лексико-семантические группы слов (ЛСГ). Проблемой определения и выделения ЛСГ занимались такие ученые, как В.И. Кодухов (1955), Ф.П. Филин (1957), Э.В. Кузнецова (1969, 1975, 1982), Ю. Б. Городецкий (1969), Г.С. Щур (1974), В.П. Абрамов (1980), Д.Т. Липатов (1981), Л.В. Быстрова, Н.Д. Капатрук, В.В. Левицкий (1981), Р.С. Репецкая (1984), А.И. Новиков, Е.И. Ярославцева (1990), Е.М. Меркулова (1990) и др.

Одним из первых исследователей, который обратил внимание именно на лексико-семантические группы, был Ф.П. Филин. Ученый определяет ЛСГ, как «объединения двух, нескольких или многих слов по их семантическим значениям» (Филин 1957: 525). Исследователь отличает ЛСГ от тематических групп, для которых характерно объединение слов на основе классификации самих предметов или явлений, но не на основе их лексико-семантических связей. Отношения между словами в тематических группах строятся только на внешних отношениях между понятиями, а отношения между понятиями в ЛСГ представляют собой «продукт законов и закономерностей развития лексической семантики языка» (Филин 1957:

528), т.е «внутреннее, специфическое явление языка, обусловленного ходом его исторического развития» (Филин 1957: 529). Также в «тематическую группу могут входить слова разных частей речи» (Тотрова 2011: 125), в то время как в ЛСГ «объединяются слова одной части речи, имеющие общие семантические признаки категориально-лексического характера» (Кузнецова 1975: 79).

В ЛСГ обычно выделяют ядро и периферию, что позволяет говорить о том, что структура ЛСГ носит «полевой характер». Как отмечает Э.В. Кузнецова «центр «поля» представлен наиболее употребительными наиболее, наиболее многозначными, наиболее общими по своим основным значениям словами» (Кузнецова 1982: 80). С этим утверждением соглашается и Л.М. Васильев, говоря о том, что в ядро ЛСГ входят ЛЕ с более абстрактным значением, при этом в периферию ЛСГ составляют «единицы с более конкретным значением» (Васильев 1989).

Слова могут объединяться в группы по различным параметрам, но всегда на основании какого-либо общего значения: на основании общности грамматических значений, на основании общности морфемного состава, и на основании лексических ассоциаций. Как отмечает В.Г. Гак, слова могут объединяться на основании двух типов семантических ассоциаций – по сходству и по смежности. Слова, объединенные по сходству, образуют лексико-семантические группы и обозначают видовые понятия по отношению к некому общему родовому понятию. Так, В.Г. Гак приводит следующие примеры: глагол «ехать» может вызывать в нашем сознании ассоциации с другими глаголами, которые обозначают способ передвижения: идти, лететь, мчаться. Также стоит отметить, что лексико-семантические группы могут соприкасаться, а подчас и перекрещиваться, а многозначное слово может входить сразу в несколько ЛСГ. (Гак 1977: 150-155)

Для включения слов в определенную ЛСГ В.Г. Гак предлагает следовать следующим принципам. Прежде всего, необходимо определить границы ЛСГ. Как отмечает В.Г. Гак, представляется достаточно трудным определить границы ЛСГ,

поскольку она оказывается «неоднородной по составу». Прежде всего, необходимо выделить ядро ЛСГ и его периферию (В.Г. Гак (1977), В.П. Абрамов (1980), Э.В. Кузнецова (1982), Ф.П. Филин (1957), Ю.Н. Караулов (2009)).

После определения границ ЛСГ, необходимо установить внутреннюю структуру ЛСГ, прежде всего «семантические различия между словами, входящими в ее состав». (Гак 1977: 150-155) Далее при сравнении значений слов одной ЛСГ необходимо выделить общие или различающие для этих слов элементы и признаки. Далее слова можно объединить в крупные категории (например, у глаголов движения: направление, способ передвижения). Внутри каждой категории можно вычленить аспекты и субкатегории (например, приближение, удаление). Как отмечает В.Г. Гак «элементы ЛСГ связаны отношениями включения и соподчиненности», поэтому в ЛСГ могут входить гиперонимы и гипонимы, синонимы и антонимы. (Гак 1977: 150-155).

Как уже говорилось, слова объединяются в лексические группы на основании каких-то определенных признаков, «преследуют свои цели, имеют свой предмет и выполняют свои функции» (Уфимцева 1962: 131-137). С функциональной точки зрения довольно подробно изучены ЛСГ глаголов. Как утверждает Л.Г. Бабенко, функциональные стили характеризуются «присущими только им частотными характеристиками употребления глаголов определенных лексико-семантических групп» (Кузнецова 1989: 130). Так, для разговорной речи характерно использование частотных глаголов более обобщенной семантики, а также глаголов в своем основном значении, что связано со стремлением к экономии средств. Ученый также исследует особенности употребления отдельных видов ЛСГ в научном и художественном стилях.

Таким образом, под ЛСГ мы понимаем объединения слов в соответствии с их семантическими связями. В ЛСГ следует различать центр и периферию. Для каждого функционального стиля характерно употребление определенных ЛСГ.

1.3 Проблемы перевода медийных текстов

1.3.1 Понятие перевода

Многие ученые давали различное определение понятию «перевод», однако единого определения данного понятия пока не выработано. Одни исследователи считают, что перевод – это «процесс передачи одного фрагмента языка на другой, в котором выражается то же самое, но другими словами» (Boase-Beier 2011: 7). Такого мнения придерживаются Ж. Вине и Ж. Дарбельне (Vinay, Darbelnet 1995), Дж. Кэтфорд, говоря о том, что перевод можно определить, как «замену текстового материала на одном языке текстовым материалом на другом языке» (Catford 1965). Однако С. Баснетт отмечает, что перевод «включает в себя намного большее, чем замещение лексических и грамматических элементов в языках» (Basnett 2002: 34) В.В. Комиссаров определял перевод как «вид языкового посредничества, при котором на ПЯ создается текст, коммуникативно равноценный оригиналу» (Комиссаров 1990: 34). Другие ученые определяют перевод, как процесс и результат этого процесса. Например, согласно В.С. Виноградову перевод включает в себя два явления: «первое из них определяет мыслительную деятельность, процесс передачи содержания, выраженного на одном языке, средствами другого языка. Второе называет результат этого процесса — текст устный или письменный. Хотя эти понятия разные, но они представляют собой диалектическое единство, одно не мыслится без другого». (Виноградов 2001: 5) Того же мнения придерживается и А.В. Федоров, говоря, что эти «два понятия, выражаемые двумя терминологическими значениями слова «перевод», соотносительны и взаимосвязаны; первое постоянно предполагает второе». (Федоров 2002)

В данной работе будет использоваться понятие перевода, предложенное В.В. Комиссаровым, как наиболее полное.

1.3.2 Понятие и виды эквивалентности

Одним из ключевых понятий в переводоведении является понятие эквивалентности, отношение к которому менялось на протяжении длительного

времени. Проблеме эквивалентности перевода уделяли внимание как отечественные, так и зарубежные ученые. Среди российских исследователей проблемами эквивалентности занимались В.Н. Комиссаров, Л.С. Бархударов, В.С. Виноградов, А.Д. Швейцер и др. Среди зарубежных – Дж. Кэтфорд, М. Бейкер, Р. Якобсон, Э. Пим (2009, 2010, 2014), Ю. Найда, М. Снелл-Хорнби (1995), П. Ньюмарк (1981, 1988) В. Леонарди (2000), В.Г. Йебра (1994), А. Уртадо Альбир (2011) и др.

В общем виде под эквивалентностью понимается общность/тождественность содержания текста на ИЯ тексту на ПЯ. При этом стоит отметить, что разные исследователи наполняют данное понятие своим содержанием, в результате чего возникают различные трактовки понятия эквивалентности. Приведем некоторые из них. Например, Дж. Кэтфорд выделяет два вида эквивалентности: текстуальная эквивалентность и формальное соответствие. Причем под текстуальным переводческим эквивалентом понимается «любая форма (текст или часть текста), которая считается эквивалентом данной формы (текст или часть текста) переводного языка». Под формальным соответствием понимают любую категорию (класс, структуру элемент структуры), которая занимает тоже самое место в «структуре» ПЯ, как и данная категория ИЯ, занимающая тоже место в исходном языке. (Catford 1965: 27) Однако, как отмечает Д.Кенни, такой подход к понятию эквивалентности подвергся критике со стороны других ученых, в частности, за то, что в качестве примеров ученый использовал упрощенные, специально придуманные предложения, чтобы проиллюстрировать свои категории переводческой эквивалентности а также за то что ограничил свой анализ до уровня предложения. (Kenny 2001: 77) М. Снелл-Хорнби, говоря о том, что концепция Дж. Кэтфорда слишком «общая и абстрактная», также указывает на то, что переводческие правила выведенные из таких примеров не соответствуют переводческим «трудностям, представленным в переводе». (Snell-Hornby 1995: 19-20)

Ю. Найда и Ч. Тейбер также выделяют два вида эквивалентности: формальное соответствие и динамическую эквивалентность. Под формальным соответствием

ученые подразумевают «концентрацию внимания на самом сообщении: и на его форме, и на его содержании», при динамической эквивалентности перевод исходного текста должен оказывать то же воздействие на читателя, что и оригинал. (Nida, Taber 1969)

П. Ньюмарк выделяет два вида переводов: семантический (при котором переводчик стремится предать максимально точно контекстуальное значение текста оригинала) и коммуникативный перевод, при котором переводчик стремится передать тот же коммуникативно-прагматический эффект, который содержится в оригинале. (Newmark 1988: 48) Дж. Мандей указывает, что семантический перевод имеет сходство с формальным соответствием Ю. Найды, в тоже время коммуникативный перевод напоминает динамическую эквивалентность Ю. Найды. (Monday 2001: 44)

Р.Белл считает, что для достижения эквивалентности при переводе текста необходимо учитывать не только семантику каждого слова или предложения, но также и его коммуникативную значимость. Для этого необходимо учитывать помимо сообщения, которое содержится в тексте, также намерение адресанта, время и место коммуникации, способ подачи информации и участников, вовлеченных в коммуникацию. (Bell 1993: 7-8) С. Баснетт придерживается концепции эквивалентности, предложенной А. Поповичем, где ученый выделяет лингвистическую, парадигматическую, стилистическую и текстуальную (синтаксическую) виды эквивалентности, и концепции немецкого ученого А. Нойберта, который рассматривал эквивалентность как семиотическую категорию, включающую в себя синтаксический, семантический и прагматический компоненты. (Basnett 2002: 33-35)

Отечественные ученые определяют эквивалентность следующим образом. Так. В.Н. Комиссаров трактует эквивалентность не как определенную разновидность закономерных соответствий, т.е. не как постоянно реализуемое однозначное соответствие между определенными единицами ИЯ и ПЯ, а как нечто

гораздо более общее – равноценность в целом, объективно прослеживаемое соответствие между оригиналом и переводом.

Я.И. Рецкер выделял эквиваленты и варианты соответствия. Под эквивалентами понимаются «такие соответствия между словами двух языков, которые являются постоянными, равнозначными и, как правило, не зависящими от контекста». (Рецкер 1982) В основном, по мнению Я.И. Рецкера, эквивалентами в другом языке являются термины, собственные имена, географические названия. Исследователь выделял полные и частичные, абсолютные и относительные эквиваленты. Если же слову в словаре на ИЯ соответствует несколько переводных значений на ПЯ, то это варианты соответствия. (Рецкер 1982) Концепция Я.И. Рецкера подверглась критике со стороны А.Д. Швейцера, который считает, что Я.И. Рецкер распространял понятие эквивалентности лишь на отношения между микроединицами, но не на межтекстовые отношения. (Швейцер 1988)

Несмотря на признание существования такого понятия, как эквивалентность, все ученые отмечают, что абсолютной эквивалентности при переводе достичь нельзя. Так, Р. Белл говорит, что «абсолютная эквивалентность – это химера», поскольку языки различаются по форме: у них «особые коды и правила, регулирующие конструкции грамматики языка и эти формы имеют различные значения». (Bell 1993: 6) Л.С. Бархударов отмечает, что при переводе всегда неизбежны потери при передаче значений оригинального текста, следовательно, «текст перевода никогда не может быть полным и абсолютным эквивалентом текста подлинника; задача переводчика заключается в том, чтобы сделать эту эквивалентность как можно более полной, то есть добиваться сведения потерь до минимума, но требовать «стопроцентного» совпадения значений, выражаемых в тексте подлинника и тексте перевода, было бы абсолютно нереальным». (Бархударов 1975: 7) Несмотря на то, что абсолютной эквивалентности при переводе не возможно достичь, эквивалентность может проявляться на различных уровнях. Например, В.Н. Комиссаров выделяет пять уровней эквивалентности перевода: цели

коммуникации, идентификации ситуации, способа описаний ситуации, значения смысловых структур, словесных знаков. (Комиссаров 1990) Среди западных ученых, например, М. Бейкер также выделяет эквивалентность на различных уровнях: на уровне слова, на грамматическом уровне, на уровне текста и на прагматическом уровне. (Baker 2011)

Помимо эквивалентности в теории и практике перевода существует такое понятие, как адекватность. Так, В.Г. Йебра говорит о том, что эквивалентный, т.е. «идеальный перевод» невозможен, при этом существует адекватный перевод, т.е. наиболее «уместное переложение текста оригинала» на другой язык. (Yeبرا 1994: 388-389) В.В. Сдобников отмечает, что некоторые ученые считают понятия адекватности и эквивалентности схожими, а сами термины – синонимами. Однако это не совсем так, и оба понятия имеют свои различия. Согласно определению В.В. Сдобникова адекватность перевода предстает в качестве «функционально-прагматической категории, ориентированной на намерения отправителя сообщения на ИЯ и реакции получателей этого сообщения» (Сдобников 1997)

Адекватность рассматривается на уровне всего текста, под ней подразумевается соответствие содержания текста оригинала тексту перевода в соответствии с коммуникативно-прагматическими и функционально-стилистическими особенностями текста. Эквивалентность же может рассматриваться как на уровне всего текста, так и на уровне отдельных его сегментов (слов, фраз, предложений). В результате, перевод может быть и «адекватным в целом и эквивалентным на уровне отдельных сегментов текста» (Сдобников, Петрова 2006: 213) в случаях перевода специальных текстов; может быть адекватным, но не эквивалентным (такое может случаться при переводе художественной литературы, особенно поэтических произведений, когда необходимо передать, прежде всего, эстетическую, воздействующую функцию текста); в случаях некачественного перевода, текст может быть эквивалентным, но неадекватным, и может быть и неэквивалентным, и неадекватным (Там же, 213-215).

Таким образом, в данной работе адекватность мы будем рассматривать на уровне всего текста, а эквивалентность на уровне отдельных сегментов. Под эквивалентностью вслед за В.В. Комиссаровым мы будем подразумевать «максимально возможную лингвистическую близость текста перевода к тексту оригинала» (Комиссаров 1980: 152-153)

1.3.3 Виды трансформаций

Одной из важных составляющих при переводе текстов является верное применение переводчиком той или иной переводческой. Впервые понятие переводческой трансформации или сдвига (translation shifts – сдвиги) ввел Дж. Кэтфорд. Дж. Кэтфорд дает следующее определение переводческим трансформациям: «отход от формального соответствия в процессе перехода с исходного языка на целевой язык» (Catford 2000: 141). Исследователь выделял два вида трансформаций (сдвигов): уровневая трансформация (level shifts) и трансформации категорий (category shifts): внутри этой категории трансформаций выделяются структурные трансформации (structure shifts), трансформации класса (class shifts), трансформации, при которых происходят изменения в ранге (unit shifts) и внутрисистемные трансформации (intra-system shifts).

Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне также предлагают применять при переводе некоторые переводческие приемы. Согласно их теории эти приемы при переводе разделяются на *приемы прямого перевода* (к которым относятся дословный перевод, калькирование и заимствование) и *приемы косвенного перевода* (куда входят эквиваленция, транспозиция, адаптация и модуляция)

Многие отечественные ученые также уделяли внимание переводческим трансформациям. Свои классификации предлагали такие исследователи, как В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер, Т.А. Казакова, Я.И. Рецкер, Л.С. Бархударов, Р.К. Миньяр-Белоручев и др. Классификации, представленные авторами, имеют свои различия: например, концепция Л.С. Бархударова более компактная, а классификации В.В. Комиссарова и Т.А. Казаковой более подробные. Также стоит

отметить, что разные ученые относят некоторые трансформации к разным группам. Например, В.В. Комиссаров относит антонимический перевод к комплексной, лексико-грамматической группе, в то время как Т.А. Казакова относит данную трансформацию к грамматической группе, а Я.И. Рецкер и В.В. Сдобников – к лексическим. Также классификации различаются по количеству групп. Одни исследователи выделяют только грамматические и лексические трансформации (Я.И. Рецкер, Р.К. Миньяр-Белоручев), В.В. Комиссаров выделяет три группы, куда входят, в том числе, лексико-грамматические, Т.А. Казакова помимо лексических и грамматических выделяет стилистические трансформации. Перечислим основные переводческие трансформации, на основе классификаций указанных выше авторов:

К лексическим трансформациям относятся: транскрибирование, транслитерация, калькирование; лексико-семантические замены (семантические модификации): конкретизация (сужение) значения, генерализация (расширение) значения, модуляция (также смысловое или логическое развитие), нейтрализация значения, усиление эмфазы, функциональная замена, комментарий.

К грамматическим трансформациям относятся: грамматические замены, членение предложения, соединение предложений, приемы распространения, присоединения, перестановки, нулевой перевод.

К лексико-грамматическим трансформациям относятся: экспликация (описательный перевод), компенсация потерь при переводе, антонимический перевод, прием добавления, прием опущения.

К стилистическим относятся: дословный перевод (синтаксическое уподобление), замена словесного состава, замена образа, замена тропа (или фигуры речи), изъятие переносного значения, метафоризация/деметафоризация.

Несколько отличается от представленных выше классификаций концепция, предложенная Л.С. Бархударовым, в которой ученый выделяет следующие виды переводческих трансформаций: перестановки («изменение порядка следования языковых элементов»); замены, среди которых могут быть как грамматические

(замена форм слова, частей речи, членов предложения, синтаксические замены в сложном предложении, объединение предложения, членение предложения, замена подчинения сочинением), так и лексические (конкретизация, генерализация и модуляция); добавления и опущения. (Бархударов 1975)

Интересна концепция А.Д. Швейцера в рамках функционального подхода, согласно которой переводческие трансформации могут осуществляться на различных уровнях. Исследователь выделяет четыре уровня: уровень семантической валентности, референциальный уровень, прагматический уровень, стилистический уровень. Причем, на каждом уровне могут применяться, как лексические, так и грамматические переводческие трансформации. (Швейцер 1989)

Более подробная классификация переводческих трансформаций у Л.К. Латышева. Исследователь выделяет четыре основных вида уровневых переводческих трансформаций: категориально-морфологический, синтаксический, лексический уровни языка и уровень глубинной структуры речи. Также ученый выделяет, так называемые «специфические» виды трансформаций, к которым относятся антонимический перевод, прием конверсной трансформации, адекватная замена, идиоматизация/деидиоматизация, экспликация/импликация. (Латышев 2000)

Как видно из представленных выше концепций, в основу своих классификаций данные ученые кладут функциональный принцип, согласно которому переводческие трансформации могут осуществляться на различных уровнях (лексическом, грамматическом и т.д.).

Несмотря на различие в подходах и концепциях к выделению видов трансформаций, многие ученые, в итоге, предлагают примерно одинаковый набор переводческих средств для передачи значения с одного языка на другой. Проанализировав основные концепции ученых, в данной работе при анализе переводов газетных текстов будут использоваться четыре основных вида переводческих трансформаций: лексические, грамматические, лексико-грамматические, стилистические.

1.5 Проблемы перевода газетно-публицистических текстов статей

Говоря о проблемах, возникающих при переводе газетно-публицистических текстов, прежде всего, стоит отметить, что существуют различного рода тексты, где наиболее часто могут возникать переводческие проблемы. Так, Т.А. Казакова различает тексты по степени неопределенности. Исследователь выделяет тексты с низкой (линейные тексты, например, различная документация), высокой (нелинейные тексты: художественные тексты, научно-популярные тексты и т.д.) и промежуточной степенью (деловое письмо, газетный репортаж) неопределенности, при переводе которых может теряться часть информации (например, при переводе документации происходит минимальная потеря информации, при переводе художественного произведения – максимальная). (Казакова 2011: 92-99)

Также стоит отметить, что при переводе практически всегда возникает асимметрия, которую можно проследить на всех уровнях перевода. В процессе перевода иностранных текстов могут возникать осложнения, связанные с различными факторами: лингвистические, культурные различия, ситуация общения, а также личность самого переводчика. Все это в совокупности с изменением и развитием текстового пространства, т.е. энтропией (энтропия – мера неопределенности какой-либо ситуации) может привести к вынужденным и невынужденным отклонениям в переводе. Т.А. Казакова выделяет четыре вида энтропии (отклонений) в переводе: языковая (обусловлена различием языков), речевая (обусловлена различием ситуации употребления языковых единиц, форм и структур), лингвокультурная (обусловлена различием культурных традиций), коммуникативно-психологическая (обусловлена различием личного опыта автора, переводчика и получателя переводного текста) Как отмечает исследователь «от успешного снятия энтропии зависит успешность создания переводного текста, т.е. выбор таких единиц в переводящем языке, которые будут соответствовать информационным функциям исходных единиц» (Казакова 2009: 225-229)). При этом главным является совпадение функциональных свойств языковых значений, т.е.

«способности выполнять общие информационные задачи, способствовать снятию неопределенности». (Казакова 2011: 197-201). Т.А. Казакова указывает, что «для вычисления смысла, т.е. для упорядоченного представления информации и соответственно обеспечения отчетливого эйдетического образа в переводе необходимы следующие процедуры: анализ языковой информации, анализ когнитивной информации, анализ коммуникативной информации». (Казакова 2011: 47-48).

Также асимметрия возникает и на уровне стиля, когда при переводе происходит различие способов выражения в исходном и переводном текстах. Различают два типа асимметрии на уровне стиля: недопустимая и допустимая. Недопустимая асимметричность может проявляться на всех уровнях языка: семантическом, синтаксическом и прагматическом. Данный асимметрии всегда встречается при невынужденных отклонениях, когда переводчик «произвольно, по субъективным соображениям меняет что-либо в тексте, даже если это не вызвано объективными различиями исходного и переводящего языков» (Казакова 2009: 250-256), что в некоторых случаях может привести к искажению текста. Допустимой может считаться асимметричность, «вынужденная лексико-грамматическими различиями между исходным и переводящим языками, если она не затрагивает основных принципов стиля как способа выражения, присущего исходному тексту». (Казакова 2009: 250-256)

Определенную проблему при переводе может вызвать двусмысленность, которая может выразиться на уровне слов (полисемия, денотативное, коннотативное значение и т.д.), структуры высказывания, употребления различных тропов. (Quiroga-Clare 2003) Эта двусмысленность может вызвать дополнительные смыслы, которые переводчику необходимо распознать и верно передать.

Теперь рассмотрим проблемы, возникающие при переводе непосредственно медийных текстов. К одной из основных проблем перевода медийных текстов можно отнести проблему понимания исходного текста. Поскольку «в иностранном тексте

возможны различные семантические значения, а само значение представляет собой множественные и зависящие от контекста отношения, то о переводе нельзя говорить, как о математически точном концепте семантической эквивалентности или точном словарном соответствии» (Venuti 1995: 18), т.е. переводчик должен понимать текст и не переводить его буквально, слово в слово. Для того, чтобы наиболее полно и адекватно передать смысл сообщения с одного языка на другой, необходимо, прежде всего, верно его интерпретировать и в соответствие с оригиналом «восстановить образную систему в ее единстве со способами выражения» на ПЯ. (Казакова 2002: 14) Без адекватного понимания не может быть адекватного перевода. Зачастую причинами ошибок при переводе на всех уровнях языка является именно неверная интерпретация или непонимание исходного текста.

Проблемой интерпретации текста занимались такие ученые, как Кубрякова (Кубрякова 1997 с. 31-33), И.А. Стернин, З.Д. Попова (Стернин, 2007, с. 140), В.З. Демьянков. Так, В.З. Демьянков подразумевает под интерпретацией «получение на основе одного исходного объекта (называемого интерпретируемым объектом) другого, отличного объекта, предлагаемого интерпретатором в качестве равносильного исходному на конкретном фоне ситуации, набора презумпций, знаний» (Демьянков 1985: 4). То есть интерпретация – это та информация, которая обрабатывается на высшем мыслительном уровне в соответствии с фоновыми знаниями и опытом интерпретатора, в результате чего появляется несколько иная информация, которую интерпретатор считает равнозначной с изначально полученной. Таким образом, интерпретация текста зависит и от личности самого интерпретатора.

Немаловажную роль играют не только языковые значения единиц, входящие в текст сообщения, но и речевые значения «вычисляемые в результате интерпретации». Интерпретация включает в себя, как собственно понимание текста на основе языковых единиц, присутствующих в этом тексте, так и «произведение высказывания», т.е. как понимание буквального смысла, выраженного в тексте, так и

«расширенного дополнительного смысла», выводимого из текста (Демьянков 1985: 25). Таким образом, общий смысл высказывания формируют языковые единицы общие для понимания всеми интерпретаторами-реципиентами, но в зависимости от внешних неязыковых факторов (фоновые знания реципиента, предыдущий личный опыт, неоднозначность, возникающая при прочтении текста, личное отношение интерпретатора к описываемым событиям в тексте), может возникать различное истолкование частей текста, и соответственно, меняться его интерпретация.

При переводе текстов с одного языка на другой не менее важно учитывать роль переводчика как интерпретатора исходного текста. По словам Т.А. Фесенко «переводчику отводится роль интерпретатора смыслового кода, заложенного в исходном тексте» (Фесенко 2002: 66), поэтому важное место занимает верное истолкование оригинального текста переводчиком. Также исследователь указывает на то, что «переводу подвергаются не вербальные формы, а стоящие за ними концепты» (Фесенко 2002: 67). Поскольку все концепты содержат в себе «национально-культурную маркированность» (Фесенко 2002: 67), необходимо, чтобы переводчик обладал знаниями о картине мира автора текста, т.е. носителя языка, для воссоздания наиболее четкого и точного «ментально-лингвально-культурного» образа (Фесенко 2002: 67). А.Г. Минченков утверждает, что «знание значений единиц исходного текста и общие знания о мире обуславливают инвариантность понимания исходного текста различными переводчиками. При этом различия в индивидуальных фоновых знаниях и субъективных представлениях способствуют вариативности понимания текста», в результате чего автор делает вывод, что «окончательный вариант перевода часто оказывается непредсказуем заранее и вариативен» (Миченков 2008: 10). Следовательно, фиксированность языковых значений позволяет переводчикам в одинаковой степени понять общий смысл текста, однако различие в экстралингвистических знаниях предполагает различную трактовку исходного текста разными переводчиками. Таким образом, для успешного перевода необходимо обладать не только лингвистическим

знаниями языка, но также обладать широкими фоновыми знаниями и иметь четкое представление о социокультурных особенностях страны, с языка которой переводится текст.

На основе вышесказанного проанализируем следующие фрагменты текстов газетных статей, в которых неверной интерпретации подвергаются аллюзии и некоторые ситуации, представленные в сообщении.

В статье «Резкий рост числа бездомных в Греции» (Greece's Homelessness Spike) (The Daily Beast) рассказывается о том, с какими последствиями столкнулась Греция в результате экономического кризиса:

Оригинал.

Sleeping in doorways, on welcome mats and over subway grates, these people are now one of the most visible symbols of Greece's perilous economic situation.

Перевод

Люди, спящие в дверных проходах, на ковровых дорожках и на решетках в метро, теперь стали одним из самых заметных символов плачевной экономической ситуации в Греции.

В данном случае в результате неверной интерпретации предложения или неверного видения концепта, содержащегося в указанных понятиях, произошло искажение смысла части предложения. Первая ЛЕ *doorway*, действительно, означает «дверной проем, пролет двери» или же «вход в помещение», что соответствует словарной дефиниции в английском словаре «an entrance to a room or building through a door» (OED). Однако, как было указано ранее, необходимо переводить не сами языковые формы, а концепты, стоящие за ними. Таким образом, мы сталкиваемся здесь с буквальным переводом данной фразы, поскольку выражение «спящий в дверном проеме» логически звучит непонятно, и к тому же не соответствует нормам сочетаемости русского языка, т.к. в дверном проеме, как правило, стоят. К тому же «находиться в дверном проеме» предполагает наличие открытой двери в помещение, в то время как из статьи следует, что бездомные просто спят у входа в дом. ЛЕ

welcome mat также была неверно интерпретирована и переведена, как «ковровая дорожка». ЛЕ *welcome mat* означает «a small piece of strong material with "welcome " written on it that is put on the floor by the door to greet people as they come in» (OED), т.е. небольшой коврик, который кладут у входа в помещение. При этом фраза «ковровая дорожка» или, просто, «дорожка» в сознании русского читателя ассоциируется с другим понятием и означает «узкий длинный ковер» (ТСРЯ), т.е. ковер, который кладут внутри помещения. В результате такого смешения концептов при переводе русский читатель не сможет ясно представить себе ситуацию и понять положение в Греции. Это предложение можно было бы перевести следующим образом: люди, спящие у входа в дом, на придверных ковриках и на решетках метро теперь стали одним из самых заметных символов опасной экономической ситуации в Греции.

Как отмечает И.С. Алексеева, газетно-публицистические тексты обладают высокой аллюзивностью, которую необходимо передать в переводе. Аллюзии наполняют текст особой глубиной и у переводчика «нет права лишать читателя этой глубины» (Алексеева 2004: 286). Однако прежде чем воспроизводить аллюзию, ее необходимо распознать в тексте и верно интерпретировать в соответствии с окружающим контекстом статьи. Для успешного распознавания аллюзий переводчик также должен обладать широкими фоновыми знаниями. Однако даже при прозрачной и легко интерпретируемой аллюзии могут возникать сдвиги в значении, как это произошло в следующем примере:

В статье «Черный день для Британии, г-н Кэмерон» (A bad day for Britain, Mr Cameron) (the Guardian) говорится об отказе премьер-министра Великобритании от переговоров с европейскими коллегами, а также о его намерении вывести Британию из состава Евросоюза. В результате Д. Кэмерон противопоставляет Европу и Британию:

Оригинал

*He delivered a lecture on the imperative for reform of the EU, the argument pitched in his usual martial metaphors of battles and wars, fights and campaigns, us against them, **St George and the European dragon**, as if he has a unique insight into the need for change.*

Перевод

*Он прочитал лекцию о необходимости реформ Евросоюза, приправив ее своими традиционными воинственными метафорами о битвах и войнах, боях и кампаниях, нас против них, **святом Георгии и драконе**, как будто только он до конца осознает острую необходимость перемен.*

В данном примере при переводе опущена ЛЕ *European*. По всей вероятности, здесь не до конца понятна и верно интерпретирована использованная автором статьи аллюзия на христианскую легенду о чуде Святого Георгия, победившем дракона (змия) и спасшего царевну, обреченную стать жертвой чудовища. Как известно, Св. Георгий является покровителем Англии, что проявляется и в том, что знак святого изображен на флаге Великобритании в виде красного креста на белом фоне. Соответственно, Св. Георгий в сознании британского читателя прочно ассоциируется с Англией и всем английским народом. В соответствии с этим можно сказать, что в данном предложении явно просматривается аллегория, в которой Великобритания во главе с премьер-министром предстают в образе Св. Георгия, борющегося со своим противником – изображенным в виде дракона Евросоюзом, который препятствуют выходу страны из своего состава. В результате опущения слова *European* при переводе теряется аллегоричность всего предложения. В итоге читателю не будет понятна аллюзия, а также он не сможет понять, с какой целью автор статьи упомянул в тексте легенду. Возможно, опущение слова произошло в силу неверно интерпретированной аллюзии или автор перевода не увидел аллегоричности предложения в результате недостаточных фоновых знаний, необходимых для эквивалентного перевода.

Если аллюзия не очень хорошо знакома адресату перевода или связана с лингвистическими или культурно-историческими реалиями, которые могут быть не

известны реципиенту, И.С. Алексеева рекомендует снабдить такие аллюзии либо внутренним комментарием, либо сноской (Алексеева 2004: 287).

Таким образом, из представленных примеров видно, что неверное истолкование исходного текста при переводе может привести к неточностям, а порой – к искажениям части сообщения или всего текста, что, безусловно, может сказаться на восприятии статьи реципиентом.

Также определенные трудности может вызвать перевод различных *клишированных фраз*, употребленных в тексте оригинала. Обычно нейтральные клишированные фразы переводятся аналогичными языковыми средствами, что и в исходном тексте (*significant event* – знаменательное событие). Однако А.С. Микоян отмечает, что «там, где «готовых» соответствий на языковом уровне нет, смысл нужно передавать иными средствами, не нарушая при этом жанрового, стилистического и коммуникативного характера текста». (Микоян 2003)

То же самое можно сказать и по поводу перевода фразеологизмов, которые широко используются авторами статей для придания тексту большей выразительности. В зависимости от тематики и от намерения автора в статьях могут применяться различные по стилистике и функциональности фразеологизмы. В публицистике, как отмечает Э.Г. Ахундова, могут употребляться «и книжные, и разговорные фразеологизмы, и официально-деловая, профессиональная, производственно-экономическая, порой даже диалектная фразеология». (Ахундова 2011: 72) В этом случае в переводе также стоит использовать фразеологические единицы, соответствующие стилистическим особенностям текста. Если соответствующей фразеологической единицы в языке перевода нет, то необходимо передать ее другими языковыми средствами, сохраняя стиль и коммуникативную направленность текста. Так же следует поступать и при переводе других различных экспрессивных элементов текста. И.С. Алексеева отмечает, если при переводе по ряду каких-либо причин переводчику не удастся сохранить фразеологизм (метафору, эпитет и т.д.), то необходимо воспользоваться приемом позиционной компенсации,

при котором при утрате фразеологизма, метафоры и т.д. в одном месте, «в другом месте слова в прямом значении удастся заменить фразеологизмом» (Алексеева 2004: 312), метафорой и т.д. Однако, как указывает исследователь, этот прием не уместен при восстановлении синтаксических особенностей текста. Например, переводческая компенсация инверсии может привести к выделению иной информации в переводе, которую не выделял автор текста статьи. (Там же: 312)

В газетно-публицистическом стиле широко используются различные имена собственные, географические названия, названия организаций, различные культурные и исторические реалии и т.д., что делает текст более конкретным и информативным. Как правило, эти имена и названия уже присутствуют в языке перевода, и соответственно, при переводе необходимо воспользоваться уже готовыми эквивалентами. Однако это требует широких фоновых знаний у переводчика, при недостатке которых могут возникнуть переводческие сдвиги в значении слова или даже искажения при передаче текста с одного языка на другой.

При переводе метафор необходимо сохранить имеющимися способами образ, заложенный автором в текст сообщения, поскольку, как указывает И.С. Алексеева, метафоры, эпитеты, нарушения сочетаемости, неологизмы «отражают авторский стиль и должны быть переданы» (Алексеева 2004: 311).

Одной из трудностей, с которыми может столкнуться переводчик, является перевод терминов. Термины должны обладать определенным набором характеристик: термин «должен иметь строго определенное значение» (Комиссаров 1990: 110), и быть «моносемичным» (Реформатский 1961). Термин «не должен содержать в себе эмоциональность, метафоричность, наличие каких-либо ассоциаций и т.п.» (Комиссаров 1990: 118). Таким образом, можно сказать, что термин - это «слово или словосочетание специальной сферы употребления, имеющее дефиницию», обладающее одним единственным значением, не имеющее синонимов в пределах данной терминологии, являющееся стилистически нейтральным. Однако в газетно-информационном стиле обнаруживаются некоторые

отличия в употреблении терминов, «связанные с меньшей строгостью и упорядоченностью терминологических систем в общественно-политической сфере, а также с зависимостью значений ряда терминов от соответствующих идеологических концепций». (Комиссаров 1990: 118) Нередко термин в газетном тексте может быть употреблен в переносном, метафорическом значении, что в последствии может привести к его детерминологизации, т.е. он может «потерять свою строгую концептуальность, системность, однозначность и приобрести прагматические свойства». (Суперанская 2007: 133) Помимо номинативной и сигнификативной функций, термин в тексте газеты также выполняет информативную, прагматическую и экспрессивно-оценочную функции. (Ванчжи 2006) Таким образом, при переводе следует употреблять термины, эквивалентные терминам в тексте оригинала. Однако в тексте газетной статьи могут появляться термины, которых нет в русском языке. Следовательно, переводчику требуется либо создать термин на ПЯ, который содержал бы в себе ту же денотативную информацию, что и термин на языке оригинала, либо же прибегнуть к другим методам перевода, например, перевести термин описательным способом или воспользоваться переводческим приемом транслитерации и снабдить новое понятие комментарием.

В связи с изменениями в общественно-политической, экономической, культурной областях, могут появляться различного рода неологизмы, которые могут представлять определенную проблему при переводе. При отсутствии эквивалента для нового понятия при переводе могут использоваться следующие приемы: транслитерация и транскрибция (например, *blog* — блог, *interface* — интерфейс); калькирование (*cyber store* — интернет-магазин); описательный перевод; прямое включение (*web-страница*, *on-line-доступ*). (Мисуно, 2009)

Таким образом, при переводе газетно-публицистических текстов возникает немало трудностей, связанных с одной стороны с их высокой информативностью, а с другой – с наличием эмоционально-экспрессивных средств выразительности. Перевод газетно-публицистических текстов требует от переводчика высокой

эрудированности, что связано с выявлением аллюзий и фразеологизмов, а также с умением правильно интерпретировать текст. Среди других сложностей, связанных с переводом подобного рода текстов, являются перевод метафор, эпитетов, неологизмов, клише, различные реалии и названия, термины.

1.6 Газетные статьи в сопоставительно-функциональном аспекте.

Стиль газетных статей в русском и английском языках имеют свои сходства и различия. Прежде всего, для обоих языков характерны информативная и апеллятивная функции.

В целом, для газетно-публицистического стиля в русском языке характерны точность, логичность, официальность, стандартизованность изложения. При этом для выполнения воздействующей функции авторы статьи используют экспрессивные средства выражения, т.е., как отмечает И.Б. Голуб отличительной газетно-публицистического стиля является «сочетание экспрессии и стандарта». (Голуб 2010) Не менее важное место в газетных статьях занимает образ автора или авторское «я». Как отмечает, Г.Я. Солганик, для разных жанров газетно-публицистического стиля характерна своя степень проявления образа автора в тексте: например, в репортаже авторское я отсутствует, а в газетном очерке или статье, наоборот, образ автора занимает центральную позицию. (Солганик 1997)

Для лексики русской публицистики, в том числе газетных статей, характерно употребление нейтральных слов, которые составляют основу газетного текста. Весьма часто в газетном стиле используется общественно-политическая лексика, которая, по словам Г.Я. Солганика, составляет «ядро ее [газеты] лексико-фразеологического фонда». Общественно-политическую лексику исследователь называет «своеобразной терминологией публицистики», «неотъемлемой частью газетного лексикона», среди которой чаще всего употребляется лексика, «выражающая важные идеологические понятия», которую исследователь называет концептуальной (в настоящее время к ней относятся такие ЛЕ как демократизация, курс реформ, рынок и др.). (Солганик 2010: 21) Концептуальная лексика может

меняться в зависимости от идеологической или политической ситуации. Также для языка газеты характерно употребление интернациональной лексики (коррупция, рейтинг, парламент); использование речевых клише (представлять интерес, правовое государство); речевых штампов, схожих с канцеляризмами (на сегодняшний день, на данном этапе); стертых метафор, которые также относятся к речевым штампам (жест доброй воли), слов-спутников (бурные аплодисменты, назревшая проблема); употребление слов с отрицательной коннотацией, часто стилистически сниженных (политика агрессий и провокаций); использование сочетания слов с необычной лексической сочетаемостью (проповедник кнута, апостол невежества); употребление научной терминологии, которая благодаря текстам СМИ может широко употребляться в речи и, соответственно, со временем войти в узус языка (Интернет, принтер), в некоторых случаях термины употребляются в образном значении (раунд переговоров); универсальных слов с широкой семантикой (вопрос мнение), слов с отвлеченным значением, которые могут выражать оценку (благополучие, деградация) (Валгина (2003), Розенталь (2002)); использование неологизмов (клиповать – создавать клипы); употребление газетизмов (боевики, плюрализм мнений); использование большого количества иностранных слов (маркетинг, брифинг); употребление книжной лексики (держава) и разговорных слов¹.

Таковы основные лексические особенности газетно-публицистического стиля на современном этапе. Если еще в советское время и период начала перестройки исследователи указывали на ориентированность российской публицистики на более высокий регистр речи, в частности при сравнении русских и английских газетно-публицистических текстов А.Д. Швейцер утверждает, что в английском языке «мы не находим столь ярко выраженной ориентации на книжно-письменную речь. Можно отметить, что английский газетный текст характеризуется более сниженным

¹ Здесь и далее излагается по следующим работам: «Русский язык и культура речи» под ред. Гойхмана (с. 31-34), Валгина Н. С. «Современный русский язык. Синтаксис.», Введенская Л.А., Черкасова М.Н. «Русский язык и культура речи», Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. «Современный русский язык», Комиссаров В.Н. «Теория перевода (лингвистические аспекты)», М.Н. Лапшина «Стилистика современного английского языка».

регистром, чем русский». (Швейцер 1988: 199), то теперь, как отмечает М.Н. Кожина в современной русской публицистике идет тенденция «раскрепощения в сторону снижения стиля», т.е. использование разговорной лексики, а также сленговых и жаргонных слов (бабки, крутой), что «свидетельствует о нежелательной вульгаризации литературного языка» (Кожина 2008).

Для синтаксиса газетно-публицистического текста характерно использование правильно построенных предложений, характеризующихся простотой и ясностью. Для придания экспрессивности тексту используются следующие приемы: инверсия, риторические вопросы, обращения, побудительные и восклицательные предложения. Часто используются обобщенно-личные и безличные предложения, которые «помогают придать суждениям большую объективность» (Валгина, 2003). В зависимости от целей автора и тематики статьи будут использоваться различные средства экспрессии: от торжественно-приподнятого регистра речи до вкраплений обиходно-разговорных средств. Для придания своеобразной объективности изложения часто используются глаголы в возвратно-среднем и страдательном залоге: военная напряженность спадает, переговоры завершены.

Для английских газетных статей также характерно употребление нейтральной лексики. Также в английских газетах употребляется эмоционально-оценочная лексика, газетные штампы и газетные фразеологизмы. Характерно использование общественно-политических терминов, а также научных терминов, употребляющихся в зависимости от тематики статьи. Нередко в статьях используются различные образные элементы, хотя, как отмечает М.Н. Лапшина, в газетно-публицистическом стиле образность, как правило, «языковая, а не речевая». (Лапшина 2013) Тем не менее, для выразительности текста используются различные тропы: эпитеты, сравнения, перифразы, фразеологизмы, синонимические повторы, эвфемизмы, неологизмы. Для газетно-публицистического стиля английской газеты также как и в русском характерно смешение книжной и разговорной лексики. Довольно часто в английских газетных статьях используются аллюзии на происходящие события.

Для синтаксиса английской газеты в целом характерны те же средства, что и в русском. В английской газете в основном употребляется логически последовательные предложения, при этом для привлечения внимания читателя, а также для выражения собственной точки зрения или отношения к рассматриваемой в статье ситуации используется синтаксическая экспрессия, которая выражается в виде инверсии, риторических вопросов, обращений, побудительных и вводных предложений. В английском языке газетно-публицистический стиль нацелен на воспроизведение конструкций разговорной речи, что объясняется требованием общедоступности газетных текстов, а также их емкостью и выразительностью. (Тюленев 2004: 247) Для создания более разговорного изложения мыслей и сближения с читателем может использоваться эллипсис. При сравнении стилей в разных языках И.С. Алексеева отмечает, что русские газетно-журнальные и публицистические стили «более академичны и близки к письменной литературной норме», (Алексеева 2004: 285) нежели английские и американские, которые более свободны в изложении фактов.

Таким образом, стиль газетных статей в русском и английском языках во многом схож, хотя имеются и свои различия. Газеты, как в русском, так и в английском языках выполняют те же функции: информационную и воздействующую, что приводит к использованию похожих средств выразительности. Для газет обоих языков характерно использование по большей части нейтральной литературной лексики, при этом для придания выразительности и образности тексту используются различные выразительные элементы: эпитеты, фразеологизмы и т.д. Для обоих языков характерно использование газетных штампов, при этом, для газетно-публицистического стиля в русском языке в большей степени характерно использование газетизмов, канцеляризмов и слов-спутников.

Выводы по главе 1:

1. Одним из ключевых понятий в лингвистике является текст. Под текстом понимается сложное синтаксическое целое, выходящее за пределы предложения,

обладающее коммуникативной функцией, нацеленное на определенное воздействие на адресата сообщения. Текст обладает конститутивными свойствами (когезия, когерентность, интертекстуальность и т.д.). В тексте также выделяются номинативная, коммуникативная, когнитивная и эмотивная функции.

2. В зависимости от сферы употребления выделяют несколько основных функциональных стилей, под которыми понимается определенный набор языковых средств, используемых в конкретной речевой ситуации. Разные исследователи по-разному подходят к проблеме выделения функциональных стилей. Традиционно выделяется семь основных функциональных стилей, для каждого из которых характерны свои особенности: официально-деловой, разговорный, научный, публицистический, художественный, газетно-информационный, стиль ораторской речи. Нередко различные стили взаимопроникают и влияют друг на друга.

3. Медийные тексты выполняют информативную и воздействующую функции. Для газетной статьи характерны логическая последовательность в изложении фактов, образность речи, проявление образа автора и краткость изложения.

4. Под словом понимается основная единица языка, которая обладает денотативным и коннотативным значениями. Денотативное значение является основным и передает понятие. Коннотативное является дополнительным и передает оттенок значения. Коннотативное значение может быть нескольких видов: оценочное, экспрессивное, функционально-стилистическое и эмотивное. Слово может выполнять номинативную, сигнификативную, коммуникативную и прагматическую функции.

5. При выделении лексических групп необходимо сначала определить границы ЛСГ, затем нужно установить внутреннюю структуру ЛСГ (выделить ядро и периферию). Обычно выделяют следующие виды ЛСГ: предметные, терминологические, этимологические, словообразовательные, понятийные, семантико-синтаксические и др. Различные ЛСГ могут выполнять различные функции в зависимости от употребления в том или ином функциональном стиле.

6. Под переводом подразумевается передача содержания, выраженного на исходном языке, при помощи средств переводящего языка в соответствии с коммуникативной направленностью текста. В теории перевода выделяют понятия адекватности и эквивалентности. Под эквивалентностью понимается наиболее полная передача информации и стилистических особенностей, заложенных в тексте оригинала. При этом абсолютной эквивалентности при переводе невозможно добиться, в связи с лингвокультурными, историческими и др. различиями в языках. Однако эквивалентность может проявляться на различных уровнях (уровне слов, предложений и т.д.). Адекватность же перевода проявляется на уровне всего текста. Также в процессе перевода прибегают к различного рода переводческим трансформациям. В нашем исследовании мы выделяем четыре вида трансформаций: лексические, грамматические, лексико-грамматические и стилистические.

7. Основной проблемой при переводе газетных текстов является перевод клишированных фраз, фразеологизмов, аллюзий, терминов, неологизмов. Также важным является верное понимание и интерпретация переводчиком исходного текста и наличие фоновых знаний.

8. В русских и английских текстах есть элементы сходства и различия. Основными сходными чертами являются использование разноплановой лексики, использование неологизмов, употребление фразеологии, использование клише, штампов и газетных перифраз, инверсий.

Глава 2: Категории адресованности и оценочности в газетных текстах и их перевод

Среди функций публицистических и газетных текстов можно назвать две основные: информативная и апеллятивная. В связи с этим можно сказать, что любой текст или высказывание создается с определенной целью. Стоит отметить, что адресант сообщения стремится не только проинформировать читателя или слушателя, но также каким-либо образом воздействовать на него, получить от него ответную реакцию. Соответственно, одной из важных категорий текста является адресованность, т.е. для кого предназначается высказывание. Однако при анализе текстов можно заметить, что направленность сообщения влияет также на выбор оценочности слов, используемых в статьях. Таким образом, в данной главе будут исследованы основные характеристики категорий адресованности и оценочности, их зависимость друг от друга, а также их реализация при переводе.

2.1. Категории адресованности: универсальный подход

Проблеме адресованности начали уделять особое внимание в начале 1980-х годов после выхода работы М.М. Бахтина «Эстетика словесного творчества» (1979), в которой ученый впервые обратил внимание на проблему направленности текста. Согласно М.М. Бахтину «существенным (конститутивным) признаком высказывания является его *обращенность* к кому-либо, его *адресованность*», т.е. «кому адресовано высказывание, как говорящий (или пишущий) ощущает и представляет себе своих адресатов, какова сила их влияния на высказывание – от этого зависит и композиция и в особенности стиль высказывания» (Бахтин, 1979: 276). При произнесении высказывания необходимо также учитывать апперцептивный фон восприятия речи адресатом: осведомлен ли он в ситуации, имеются ли у адресата специальные знания данной культурной области общения, также необходимо учитывать его взгляды и убеждения, социальное положение, возраст, поскольку все эти параметры будут «определять активное ответное понимание им высказывания». Также необходимо учитывать положение самого говорящего. Это определит и

«выбор жанра высказывания, и выбор композиционных приемов, и, наконец, выбор языковых средств, то есть стиль высказывания». (Бахтин 1979: 276)

Идеи М.М. Бахтина были развиты в статье Н.Д. Арутюновой «Фактор адресата» (Арутюнова 1981), в которой исследователь говорит о том, что в рамках теории интерпретации, являющейся частью науки о прагматике, наиболее важную роль играет направленность текста. При таком подходе в рамках коммуникации на смену семантической концепции, подразумевающей «отношения между языковыми единицами и некоторой идеализированной категорией» приходит прагматическая, основанная на «отношении между говорящим субъектом и его речевым произведением» (Арутюнова 1981: 356). Иначе говоря, в данном подходе внимание уделяется именно коммуникативной цели сообщения, воздействию автора сообщения на реципиента, а также ответной реакции адресата, для которого и предназначалось это сообщение. При произнесении сообщения адресатом является не «глобальная личность», а человек, выступающий в «определенном своем аспекте, амплуа или функции». (Арутюнова 1981: 357) Однако стоит отметить, что при написании публицистических или художественных текстов мы, как правило, имеем дело с «параметризованным» читателем, т.е. не конкретным индивидом с присущим только ему набором оценок, мнений, со своим предыдущим опытом, а с группой лиц, обладающими сходными параметрами, такими как определенный возраст, принадлежность к той или иной социальной группе, гендер и др.

Подробно разработана категория адресованности в рамках художественного текста в диссертации О.П. Воробьевой. Согласно определению исследователя под адресованностью понимается «свойство текста как вербального объекта, посредством которого опредмечивается представление о предполагаемом адресате текста и особенностях его интерпретативной деятельности. Адресованность реализуется через содержащуюся в тексте программу его интерпретации, которая выражена с помощью совокупности лингвистических способов и средств и может отличаться определенной спецификой в текстах разных типов» (Воробьева 1993: 3).

Следовательно, от того, кому предназначается газета, а также от выбора той или иной тематики будет зависеть выбор лексических и синтаксических средств.

2.1.1. Категория адресованности: коммуникативный подход

В рамках коммуникативного подхода к языку данную проблему также рассматривали такие ученые как Г.Г. Почепцов, С.Г. Тер-Минасова, В.Б. Кашкин, В.И. Карасик, А.А. Масленникова, О.А. Леонтович, В.В. Богданов, Е.А. Гончарова и др. Так, Г.Г. Почепцов, отмечая тот факт, что адресаты могут «разниться своей коммуникативной сущностью», выделяет несколько типов адресатов: собственно адресат, т.е. для кого предназначается сообщение; квазиадресат (не одушевленный предмет); адресат-ретранслятор (задача которого заключается в получении информации и доведении ее до собственно адресата); косвенный адресат (третье лицо, косвенно участвующее в коммуникации). (Почепцов 1986: 10-16) Если рассматривать в рамках данной классификации адресатов текстов газетных статей, то можно сказать, что мы имеем дело с собственно адресатом. Данное предположение выражается в том, что текст сообщения предназначается определенной группе лиц с присущим только ей набором определенных параметров (как и в случае прямого общения с тем лишь исключением, что при прямом общении мы учитываем именно индивидуальные особенности собеседника). Также это выражается в том, что нередко авторы статей напрямую обращаются к своим читателям: задают риторические вопросы, призывая реципиента задуматься на проблемой; употребляют глаголы в форме императива, предлагая что-то представить или о чем-то подумать; используют различные экспрессивно-оценочные средства выражения, стараясь вызвать у адресата ответную реакцию на сообщение и др. То есть авторы статей как бы ведут с читателем диалог, пытаются привлечь его на свою сторону.

Г.Г. Почепцов также отмечает то, что «правильное «потребление»» высказывания предполагает способность адресата воспринять высказывание «как физическую данность, осуществить его семантическое прочтение и

референциальную привязку к действительности». При этом исследователь указывает на то, что адресат не всегда может правильно понять «когнитивное содержание высказывания» или «ошибочно трактовать авторские референции», а также не увидеть в сообщении «иллокутивный смысл», заложенный адресантом. (Почепцов 1986: 10-16) В результате, можно сделать вывод, что, несмотря на иллокутивную силу, заложенную автором в сообщение, ответственность за правильную интерпретацию высказывания лежит на адресате сообщения, разумеется, при условии соблюдения адресантом всех постулатов речевого общения (постулат количества, постулат качества и др. (по Г.П. Грайсу (Grice 1975))).

Рассматривая пропагандистское воздействие, которое также довольно часто встречается и в текстах СМИ (устные и письменные), Г.Г. Почепцов в след за Г. Джоветт и В. О’Доннелл выделяет десять важных параметров, которыми руководствуются сотрудники средств массовой информации при создании сообщений. Приведем, на наш взгляд, наиболее важные из них: 1) выявление идеологии, которое заключается в «определении предпочтений, оценок, отношений, поведения, которые считаются нормой в данной группе». Исследователь отмечает, что средства воздействия на одну социальную, возрастную и др. группу будет отличаться от воздействия на другую (например, воздействие на молодежь и пенсионеров). (Почепцов 1998: 388); 2) контекст, в котором происходит пропаганда; 3) Определение структуры пропагандистской организации; 4) Четкое определение целевой аудитории. Как отмечает Г.Г. Почепцов данный аспект является весьма важным для «ведения пропагандистской кампании». Данный аспект является также важным и для газетных текстов, поскольку от направленности текстов будет зависеть и смысловое, а также эмоционально-оценочное наполнение текста. 5) Разнообразие техники (например, фотографии, карикатуры и т.д.) 6) реакция аудитории на технику воздействия; 7) эффект оценки. (Почепцов 1998: 388-393)

Проблему категории адресованности в рамках речевого общения рассматривает В.В. Богданов. Исследователь отмечает важность учета

«человеческих факторов» речевого общения, к которым относятся языковая компетенция (т.е. знание языка, на котором совершается коммуникация), национальная принадлежность, социально-культурный статус коммуникантов, биолого-физиологические данные (пол, возраст и т.д.), психологический тип и др. Языковая компетенция подразумевает знание языка, на котором осуществляется коммуникация: если для одного из коммуникантов язык не является родным, то общение может быть затруднено, т.к. «чем слабее знания этого языка, тем ограниченнее возможности общения» (Богданов 1990: 29); при учете национальной принадлежности, социально-культурного статуса и т.д. будут выбираться определенные лексические и изобразительные средства для успешной коммуникации.

Рассматривая проблему коммуникации, В.В. Богданов выделяет симметричную и несимметричную виды коммуникации. К симметричной относятся индивидуальная коммуникация, которая подразумевает наличие адресанта и непосредственно адресата. К несимметричной относятся массовая коммуникация, т.е. при таком виде коммуникации адресатами сообщения являются «огромные массы людей, вплоть до всего населения страны, а иногда и нескольких стран» (Богданов 1990: 33. При любой коммуникации адресат не является пассивным, он «воспринимает и перерабатывает» сообщение, что «может быть не лишено творческого характера» (Богданов, 1990: 33). Богданов также указывает на ключевую роль отправителя сообщения, поскольку именно он «задает стратегию общения» (Богданов 1990: 34). В результате, согласно В.В. Богданову при осуществлении коммуникации важен учет не только собственно адресата сообщения, но также важно знать и установку говорящего, поскольку именно адресант выбирает наиболее подходящие средства коммуникации для каждого конкретного случая.

При рассмотрении адресованности, как одной из категории текста, Е.А. Гончарова отмечает, рассмотрение адресованности возможно «в органическом синтезе с другими категориями текста» (Гончарова, 1997: 5).

На материале научных и художественных текстов Н.Л. Романова выделяет три типа адресованности: межсубъектная адресация (маркеры: прямое название адресата, контактность и привлечение внимания реципиента и т.д.), междискурсная адресация (маркеры: интертекстуальность), и внутритекстовая адресация (маркеры: выражение смысловых и структурных связей), которая в большей степени характерна для научных текстов (Романова 1996: 5). При рассмотрении художественных текстов исследователь выделяет следующие маркеры адресованности: обращения-апеллятивы, вопросы и вопросно-ответные единства, паратентические включения, сравнения (межсубъектная адресация); цитирование, аллюзии (междискурсная адресация); логическая последовательность действий, параллельные синтаксические конструкции, (внутритекстовая адресация). (Романова 1996: 10-14) Основной функцией адресованности согласно Н.Л. Романовой является «обращенность к читателю, определение его социально-коммуникативных характеристик посредством установления связи между ним и «образом читателя», моделирование коммуникативных ролей «образа автора» и «образа читателя» и диалога между ними, а также создание интерпретативной программы текста, опорными сигналами которой, маркерами коммуникативных «шагов» реципиента выступают языковые средства различных уровней с контекстообусловленной адресатной значимостью» (Романова 1996: 6)

А.А. Масленникова, рассматривая категорию адресованности в рамках дискурсного подхода к языку, отмечает, что текст исходного сообщения при восприятии и интерпретации его адресатом претерпевает изменения. Это может происходить в силу неопределенности текста, создаваемого адресантом. По выражению исследователя «неопределенность текста обеспечивает свободу восприятия» (Масленникова 1999: 33). Таким образом, «чем больше текст теряет

определенность, тем больше его интенция оказываются под контролем читателя». В своем исследовании А.А. Масленникова рассматривает две основные ситуации расхождений смыслов между интенцией говорящего и интерпретацией получателя сообщения: смысловой объем интерпретации больше, чем ожидает адресант (адресат приходит к дополнительным умозаключениям) и векторное расхождение смыслов адресанта и адресата делают вопрос и ответ «не находимым» (Масленникова 1999: 33). Умозаключения, добавленные к полученному и воспринятому тексту, основаны на знании контекста и наличии соответствующих фоновых знаний. В результате, могут «выйти на поверхность» даже те смыслы, которые адресант «стремится утаить». Эти смыслы могут быть эксплицируемыми и инклюзивными (т.е. могут нести прагматическую информацию) (Масленникова 1999: 33)

Интересен подход к категории адресованности и адресату В.Б. Кашкина. Рассуждая о функции коммуникации в целом, ученый утверждает, что основной является не функция воздействия, а функция взаимодействия: «можно сказать, что глобальная цель и функция коммуникации, общения – объединение людей в единых действиях, *цель коммуникативного процесса* не передача информации в одном направлении, а получение отклика у получателя, *не воздействие, а взаимодействие*» (курсив – О.А.). (Кашкин 2007) При этом говоря конкретно о массовой коммуникации исследователь отмечает, что «функция информирования в массовой коммуникации уступает место функции объединения, а вслед за ней – управления, поддержания социального статуса, подчинения и власти». Говоря о массовой коммуникации исследователь отмечает, что социальная роль данного вида коммуникации состоит в «соответствии определенным социальным запросам и ожиданиям (мотивированность, ожидание оценки, формирование общественного мнения), воздействие (обучение, убеждение, внушение и т.п.)». (Кашкин 2007)

Таким образом, соглашаясь с общим определением адресованности, предложенным О.П. Воробьевой, в данной работе под адресатом газетного сообщения понимается группа лиц, объединенная общим социально-политическим,

историческим, географическим и т.д. пространством и набором свойств, в соответствии с которым строится высказывание отправителя сообщения.

2.2. Факторы адресованности в газетном тексте

Категория адресованности играет особо важную роль при написании газетных статей, относящихся к публицистическому стилю, где основной функцией является функция воздействия, цель которой «вызвать соответствующую реакцию желательную для автора сообщения. Функция газетных статей – дать оценку фактам, изложенным в газетных сообщениях». (Гальперин 1958: 400) Также стоит отметить, что каждая газета ориентируется на определенную целевую аудиторию. Как правило, целевая аудитория, для которой предназначается та или иная газета, складывается из таких параметров, как пол, возраст, образование, социальный статус, национальность, конфессия, доход, география. На основе изученных статей установлено, что авторы в статьях не всегда используют все параметры адресованности (политика, география, пол и т.д.). В зависимости от тематики статьи автор сам для себя определяет, какие из них будут наиболее существенными для наилучшего воздействия на читателя. Например, при написании статей на политическую тематику, как правило, учитываются следующие параметры: география, политическая направленность, возрастная, в некоторых случаях (если речь идет о политико-социальных статьях) религиозная направленность. Поскольку политической ситуацией могут интересоваться как мужчины, так и женщины, то в таких статьях очень сложно установить по лексико-синтаксическим средствам гендерную направленность. Как правило, в текстах подобного рода в основном «акцентируется деятельность тех или иных лиц, связанная с их статусом более чем с их полом» (Кирилина 2000: 47-81). В основном, такие лексические и морфологические средства, как man, woman, личные местоимения, употребления имен собственных, показывают, что «язык фиксирует пол личности» (Там же: 47-81), однако не указывает на обращенность статьи той или иной гендерной группе. Таким образом, при написании статьи автор ориентируется и на мужскую и на женскую

аудиторию, которых может заинтересовать данная тематика, что позволяет сделать вывод, что в таких статьях, как правило, не содержится гендерного разделения, однако стоит отметить, что в некоторых случаях все же бывают исключения (см. ниже).

2.2.1. Гендерная адресованность

В анализе адресованной направленности газет мы учитываем такие параметры, как пол, возраст, образование, социальный статус, национальность и конфессия. Несмотря на то, что газеты в основном ориентируются на массового читателя, в отдельных рубриках каждой газеты можно отчетливо проследить, для кого именно предназначаются те или иные статьи. Например, разделение гендерной направленности статей можно увидеть, например, в газетных рубриках «образ жизни» (lifestyle), посвященных таким темам как взаимоотношения между мужчиной и женщиной, дом, семья, еда, мода. Как правило, уже в названии самих статей закладывается фактор адресованности. Например, в названии статьи *Eight anti-ageing beauty tips from celebrities that are more inventive than 'get more sleep'* видно, что адресатом будет, скорее всего, женщина: в статье речь идет о способах сохранения молодости и некоторых хитростях, как выглядеть моложе. То, что статья адресована именно женщинам, можно увидеть уже в первом предложении: *"I once had a makeup artist tell me to wear **blush** as high as possible, on my cheekbones," the 47-year-old told the magazine. "It's a good trick; it really does make it look better, yet it looks natural."* Используемая в тексте ЛЕ *blush*, означающая *a pink or pale red tinge* (OED) явно указывает на то, что статья предназначена для женщин, т.к. мужчина, скорее всего, не станет накладывать розовые румяна на лицо, чтобы выглядеть моложе и, соответственно изначально не заинтересуется данной информацией. ЛЕ *anti-ageing beauty tips*, означающая «противовозрастные хитрости» также указывает на возрастной параметр целевой аудитории, а именно, женщин среднего возраста. Из заголовка данной статьи видно, что она затрагивает проблему, волнующую, прежде всего женщин, а, следовательно, именно для женщин она и предназначена. При этом,

разумеется, не исключается возможность прочтения этих статей мужчинами. Что касается адресованной направленности статей мужчинам, то здесь также нередко идет деление по рубрикам. Скорее всего, мужчинам будут интересны новости спорта, автомобильной промышленности, мужской моды, здоровья.

В плане гендерной направленности статей представляется интересным рассмотреть две статьи, посвященные одной теме, но обращенные разным адресатам. Для этого проанализируем статьи *Designing cars that women want to buy*, посвященную автомобильной тематике, а именно, новому автомобилю, разработанному для женщин и статью *Behold, the \$1M electric super car no one asked for and no one needs*, которая в большей мере адресована мужчинам. Так, во второй статье (*Behold, the \$1M electric super car no one asked for and no one needs*), в которой описывается модель машины нового поколения (supercar), помимо описания дизайна автомобиля основной акцент делается на мощности, скорости и стоимости машины, т.е. те характеристики, которые зачастую интересуют именно мужчин: *The Concept One accelerates from zero to 60 mph in 2.6 seconds. It reaches 120 mph in 6.2 seconds and has a top speed of 221 mph. The Concept_One emerges not long after Faraday Future released its own electric super car, boasting 1,000 horsepower. It cost you about \$933,000 before taxes, and only eight will be made.* То же можно увидеть и в других статьях, посвященных автомобильной тематике и адресованных мужской аудитории: *The Civic splits its identities when it comes to performance. Base models have a 2.0-liter 4-cylinder with 158 horsepower under the hood. Those seeking more can step up for the turbocharged 1.5-liter 4-cylinder with 174 horsepower.... Fuel economy rings in as high as 31 miles per gallon city and 42 miles per gallon highway according to the EPA ratings (2016 Honda Civic road test); Each of its three engines combine with an 8-speed automatic. Base cars get a 265-horsepower turbo-4, while mid-range sedans have a 335-horsepower V-6. At the top of the lineup, a twin-turbo V-6 churns out 404 horsepower (2016 Cadillac CT6 first drive review).* Все выделенные маркеры адресованности, в которых проявляются именно технические характеристики машин, содержащие

автомобильные термины, указывают на то, что адресатом статьи, скорее всего, являются мужчины.

При этом в статье *Designing cars that women want to buy*, предназначенной для женщин, технические характеристики машины отодвигаются на второй план, а внимание концентрируется больше на дизайне машины, ее небольшом размере, а также удобстве перемещения в ней именно женщин: *It has the opportunity to be customised more than any other vehicle, so women can get in there and put things together – more personalised colours, interior decoration, seat design – it's really quite amazing*. Помимо собственно описания внешнего вида машины, в котором содержится установка на создании в сознании читательниц атмосферы уюта, играющего, по мнению автора, немаловажную роль при выборе автомобиля женщинами, имеется предложение, содержащее эмоционально-оценочный компонент значения: *it's really quite amazing*. Значение ЛЕ *amazing* (Causing great surprise or wonder; astonishing; very impressive; excellent (OED)), относящейся к эмоционально-оценочному элементу, усиливается использованием интенсификатора *really quite* (действительно, по-настоящему), в результате чего аппеллятивная функция предложения возрастает. Как известно, эмоциональность речи в большей степени характерна для женщин, поэтому, вероятно, использование в предложении дополнительной эмфазы также призвано воздействовать на адресата и привлечь его внимание.

Также в статье приводится ряд вопросов, которые задают женщины, решившие приобрести автомобиль: *"How easy is the car to enter with a tight skirt on? If I sit with high heels is it comfortable, or do my knees hit the steering wheel? Can I operate the buttons with long fingernails? I'm quite often asked whether I'm comfortable with the diameter of the steering wheel because I have small hands."* Все выделенные маркеры адресованности, а также прагматическая интенция текста позволяет сделать вывод, что статья обращена женщинам, поскольку акцент делается в основном на дизайне и удобстве машины, а фраза *"Buying a car at first view is like falling in love," she says. "If*

you do not like what you see you would not look at the character. только подтверждает стереотипное представление выбора машины женщиной по внешнему виду автомобиля. При этом для мужчин более важным являются технические характеристики машины, нежели дизайн. Также, чтобы привлечь внимание к статье именно женскую аудиторию уже в заголовке статьи называется адресат сообщения: *Designing cars that women want to buy*. Несмотря на то, что в современном мире не корректно говорить о подобной стереотипизации относительно того, что женщины интересуются только внешними характеристиками машины, тем не менее, в данной статье речь идет, в основном, о комфорте, при этом не затрагиваются технические характеристики машины.

2.2.2. Социально-политический фактор адресованности

При анализе статей, посвященных социально-политическим тематикам, представляется сложным с достоверной точностью сказать, каких политических взглядов придерживается та или иная газета. В большинстве случаев можно выделить общую политическую направленность газеты в конкретный исторический период. Так, из анализа статей газеты *The Guardian* можно сказать, что она придерживается левых, т.е. либеральных, взглядов на многие политические вопросы и поддерживает в этом отношении Лейбористскую партию Великобритании. Газета *The Telegraph*, наоборот, придерживается мнения консервативной партии. Однако многие газеты на протяжении всего своего существования могли менять свои политические приоритеты. Например, британская газета *The Times*, американская газета *The Washington Post*, согласно многим источникам, на протяжении всего своего существования поддерживали разные партии. В настоящее время *The Times* в Великобритании и *The Washington Post* в США поддерживают правые взгляды, т.е. консерваторов (*The Times*) и республиканцев (*The Washington Post*), соответственно. К тому же, во многих газетах работают журналисты, придерживающиеся разных политических взглядов, в результате чего даже в газетах с более или менее определенной политической направленностью могут появляться и альтернативные

мнения по поводу некой политической установки. Таким образом, адресованность следует определять из самих газетных статей посредством анализа языковых единиц.

В статье *Obama Rebukes Donald Trump's Comments on Nuclear Weapons (The New York Times)* говорится о важности такого вопроса, как нераспространение ядерного оружия в мире, который поддерживает действующий президент США. В связи с этим критикуется заявление кандидата на пост президента Д. Трампа относительно того, что он (Трамп) не видит ничего предосудительного, если ядерное оружие появится в таких странах, как Южная Корея для сдерживания своего противника – Северной Кореи, Японии и др., поскольку во многих странах, в том числе, и в России уже есть ядерное оружие. Соответственно, автор говорит следующие фразы: *President Obama on Friday questioned Donald J. Trump's fitness for office... или Mr. Obama has not hesitated to criticize Mr. Trump for contributing to a coarse tone and circuslike atmosphere on the campaign trail.* Используемые в статье ЛЕ *questioned Donald J. Trump's fitness* (поставил под сомнение пригодность кандидатуры Дональда Трампа на пост президента; *to question* означает *Feel or express doubt about; raise objections to* (OED)), *coarse tone* (вульгарный тон; англ. *coarse* (*Of a person or their speech*) *rude or vulgar* (OED)), *circuslike atmosphere* (цирковая атмосфера; англ. от слова *circus* *informal a public scene of frenetic, noisy, or confused activity* (OED)), имеют в своем значении отрицательную коннотацию и говорят о явной адресованности сообщения реципиенту, поддерживающему демократическую партию. Далее автор говорит следующее *But his criticism of the candidate's comments on nuclear proliferation was not about public language or personal style, but about one of the gravest responsibilities of an American president. It carried an extra edge because it involved an issue that Mr. Obama has made a central goal of his presidency.* Данным выражением автор статьи подчеркивает легкомысленность суждений республиканского кандидата и выделяет серьезное отношение по данному вопросу президента, являющегося представителем демократической партии.

Соответственно, можно сделать вывод о том, что эта статья адресована читателям, поддерживающим демократическую партию США.

В статье *Libya Epitomizes Clinton's Not-So-Smart Power* из газеты *The National Interest*, большей частью поддерживающей республиканцев, говорится о том, что кандидат на пост президента от демократической партии США Хилари Клинтон в качестве ключевого показателя в своей предвыборной кампании в отношении внешней политике выделяет вхождение войск США в Ливию. Автор статьи называет это событие *Libyan intervention* и говорит о нем о самом выдающимся решении выиграть гонку: *If Clinton is willing to point to Libya as a “signature moment in her four-year tenure” as secretary of state, as the story says, then her resume is breathtakingly shallow.* ЛЕ **shallow**, имеющая значение *Not exhibiting, requiring, or capable of serious thought* (OED), еще в большей степени подчеркивается наречием **breathtakingly**, означающим *To an extreme or shocking degree; incredibly* (OED). Выступая против войны в Ливии, автор говорит *the decision to intervene was flawed at the outset, the war didn't serve U.S. national security interests, the Libyan gambit was never really about U.S. national security.* Далее в подтверждение своих слов автор приводит слова доцента тexasского университета Алана Купермана: *Obama's intervention in Libya was an abject failure, judged even by its own standards.* Все употребленные в тексте ЛЕ и выражения имеют яркую оценочную и адресную направленность: ЛЕ **intervention** имеет значение *interference by a state in another's affairs* (OED); **abject** означает *(Of a person or their behaviour) completely without pride or dignity; self-abasing* (OED); **failure** значит *Lack of success* (OED). Таким образом, будучи противником затеянной демократами интервенции в Ливию, автор употребляет отрицательно окрашенные единицы, тем самым адресуя сообщение читателю, поддерживающему республиканскую партию (поскольку республиканская партия была против интервенции в Ливию, о чем открыто заявила в резолюции H.Res. 292). Он говорит о недалёковидности кандидата от демократической партии, считающей, что данная операция была умным ходом или как выразилась Клинтон “*smart power at its best.*” В

результате автор статьи имплицитно призывает реципиента поразмыслить над такой необдуманной точкой зрения на внешнюю политику и подтвердить свое желание/нежелание не голосовать за данного кандидата.

Представляется интересным сравнить статьи из газет *The Telegraph* и *The Guardian* относительно предложения лейбористской партии в 2012 и 2014 годах ввести налог на жилье, стоимостью превышающее два миллиона фунтов стерлингов (*mansion tax*). Как известно, консервативная партия не поддержала этого предложения. Выступая против введения налога, автор статьи *The mansion tax: pure class envy (the Telegraph)* призывает задуматься о тех, у кого дорогой дом, но при этом низкий заработок: *what happens to those who are unable to afford the fees, because the value of their home has risen despite their low income?* В результате этого автор приходит к выводу, что *the tax is bound to drive people out of their homes*. В этом выражении видна отрицательная окраска, что выражается посредством фразового глагола *drive out* означаемом *to cause or force (someone or something (OED)) to leave* и имеющем в своем значении отрицательный оттенок, что способствует необходимому эффекту воздействия на реципиента. Тем самым автор статьи стремится вызвать у адресата жалость к этим людям и негативное отношение к налогу. Говоря о невыгодности введения данного налога, автор статьи пишет следующее: *Even the basic premise is flawed* (даже в исходных положениях имеются недостатки). После идут предложения в защиту богатого населения: *home-owners here already pay the highest property taxes in the developed world as a share of GDP. Yes, they benefit from rising property values – but the state already takes its slice, via stamp duty and inheritance tax*. В итоге статьи автор приходит к следующему выводу: (1) *The idea that having succeeded in life, or simply living in London, makes one a “sinner” is incredibly revealing of the prejudices that seethe within the party.* (2) *This policy does not make fiscal, economic or moral sense.* (3) *It is simply class envy dressed up as public policy – and as such, should be firmly resisted.* Использование в предложении (1) ЛЕ “*sinner*”, означаемое *someone who has done something wrong*

according to religious or moral law : someone who has sinned, но употребленное в кавычках показывает сочувствие автора к обеспеченному населению. Из остальных выделенных маркеров адресованности можно заметить негативное отношение автора статьи к возможному введению, по выражению автора, «бессмысленного налога», которому нужно сопротивляться, что выражается в предложении (2). Также из предложений видно отношение автора к самой лейбористской партии, что выражается в употреблении слов *prejudices* (*preconceived* opinion that is not based on reason or actual experience (OED)), *class envy* (*envy*: A feeling of discontented or resentful longing aroused by someone else's possessions, qualities, or luck (OED)), содержащие в себе, как следует из словарных дефиниций, отрицательный компонент значения. Следовательно, можно сделать вывод, что статья адресована реципиенту, поддерживающему консервативную партию, с целью еще раз подтвердить неверный подход лейбористской партии в отношении налога. Поскольку налог будет касаться только богатого населения, то можно сделать вывод, что и статья адресована наиболее обеспеченному классу. При этом можно сделать предположение, что статья со своей яркой политической окрашенностью также может иметь в виду и читателей, которые по каким-либо причинам еще не определились, насколько выгодно или не выгодно будет введение этого налога в будущем. Это сделано с целью убеждения реципиента в нецелесообразности введения налога.

В статье *Mansion tax: most voters are with Ed Miliband, not Myleene Klass* из газеты *The Guardian*, рассказывается о резких нападках со стороны известной певицы и телеведущей Милены Класс на лидера лейбористской партии Эдварда Милибанда относительно налога. Здесь автор статьи, наоборот, выступает за введение налога: ***Labour is right not to raise cash for the crippled NHS by increasing basic income tax or VAT. Better by far to take it from the unearned property bubble.*** Употребление единиц *to be right* и *to take it from the unearned property bubble* говорит о том, что автор придерживается позиции лейбористской партии касательно введения налога. Говоря о владельцах дорогого жилья, автор применяет к ним следующие

описательные ЛЕ, содержащие отрицательный компонент значения: *oblivious to everyone* (*oblivious: Not aware of or concerned about what is happening around one* (OED)), *the super-rich clueless about what others earn* (*clueless Having no knowledge, understanding, or ability* (OED)), *ignorant of the other 99.9%* (*Lacking knowledge, information, or awareness about something in particular* (OED)); автор утверждает, что эти люди контролируют рычаги власти с целью обмануть людей относительно распределения состояния и «выкачать» деньги из остальных (*control levers of power and persuasion to deceive about distribution of wealth, drain wealth from the rest*). Из использованных ЛЕ (*deceive u drain*) видно, что автор крайне отрицательно относится к богатым домовладельцам, что выражается в отрицательном коннотативном значении использованных в тексте слов и выражений: *deceive* означает *Deliberately cause (someone) to believe something that is not true, especially for personal gain* (OED); *drain* имеет значение *Cause (a valuable resource) to be lost or used up* (OED). В итоге, поддерживая лидера лейбористской партии, автор говорит, что Милибанд верно считает, что богатые должны заплатить немного больше (*rightly think the rich should pay a bit more*). Как видно, из приведенных выше примеров, автор статьи поддерживает лейбористскую партию и сочувствует общему гражданскому населению, представителю среднего класса со средним доходом. При этом автор весьма негативно относится к очень обеспеченным людям, составляющим меньшинство от общего населения, тем самым призывая читателя поддержать введение налога. Таким образом, из использованных в этом сообщении адресных маркеров, нередко содержащих в себе оценочный компонент, можно заключить, что статья направлена на читателей, поддерживающих лейбористскую партию.

Из текстов представленных выше статей можно определить не только политическую адресованность, но также можно по дополнительным маркерам узнать, для какого *социального слоя* и для людей с каким *доходом* направлены статьи. Из первой статьи следует, что текст адресован в большей степени

обеспеченному населению, более высокого социального класса, которому не хочется платить за свое дорогое жилье. Из второй статьи мы видим, что она обращена людям среднего класса, со средним доходом, что следует, в том числе, из фразы «*the rich should pay a bit more*».

Несмотря на то, что в политических статьях, как правило, не указывается гедерная направленность (о чем было сказано выше), тем не менее, в некоторых статьях подобной тематики имеются исключения. Так, в статье *Trump and Cruz's war on wives reveals the male violence lurking in US politics* говорится о двух политических противниках: Дональде Трампе и Теде Крузе, являющихся представителями республиканской партии. В статье речь идет о скандале, произошедшем во время предвыборной гонки и связанном с женами двух кандидатов на пост президента. В статье явным образом показана неприязнь автора статьи к Д. Трампу, по видимому, в том числе и в связи со скандальными подробностями его личной жизни (о чем говорится в самой статье). В результате автор говорит следующее: *Two of the most intriguing US demographics are unattractive women who'd vote for Trump (ladies, he nakedly despises you), and the many people who ask Google every day if Ted Cruz is the Zodiac killer (who terrorised California in the late 60s and early 70s), а также Of course, Trump despises all women... If you think he wouldn't monster even his wife if there were so much as a state in it, then you probably also believe his claim that "only I" can destroy Islamic State.* Данные маркеры адресованности, а также тот факт, что кандидат может нарушать права женщин, позволяют нам сделать вывод, что статья имплицитно помимо общей направленности адресована, в том числе и женщинам, которые поддерживают Д. Трампа. Автор статьи использует прямое обращение, выраженное личным местоимением *you*, что призвано сократить дистанцию между отправителем и получателем сообщения, а также с большей степенью воздействовать на читателя. Употребленные ЛЕ такие, как неоднократное повторение слова *despise*, означающего *Feel contempt or a deep repugnance for*, а также использование слова *to monster*, имеющего значение *to criticize or reprimand severely* (OED), содержат явную

отрицательную коннотацию в своем значении, нацеленные на убеждение читателя в том, что Д. Трамп, возможно, не самый подходящий кандидат на пост президента страны. При этом стоит отметить, что адресованность может проявляться также и на прагматическом уровне, т.е. не всегда проявляться в виде конкретных вербальных маркерах, но выражаться в теме сообщения. Например, описание недостойного отношения Д. Трампа к одной из своих жен, возможно, в большей степени повлияет на женщин-избирателей, в результате чего они могут изменить свой выбор в пользу другого кандидата. Таким образом, помимо политической, в данной статье можно говорить, в частности, и о гендерной направленности.

2.2.3. Национальная и географическая адресованность

Что касается географии и национальности, то они, как правило, уже заложены в газете в зависимости от того, в какой стране они выпускаются. Так, газеты, выпускаемые на территории США, будут предназначаться для американских граждан, газеты, издаваемые в Великобритании – для британцев. При этом помимо газет, рассчитанных на всю страну, существуют региональные газеты, предназначенные в основном для читателей, проживающих в той или иной области или городе. В названиях подобных изданий уже указывается, для кого они предназначаются (например, такие британские региональные газеты, как *The Bolton News*, *The Cornish Guardian*, *The East Kent Mercury and Dover Mercury* и американские *The New York Post*, *The Chicago Sun-Times*, *The Arizona Republic* и др.). Как правило, в таких газетах говорится о событиях местного значения.

Если говорить о национальности, то здесь прослеживается та же ситуация, как и в случае с параметром географии. Также существуют газеты адресованные людям определенной национальности, такие газеты, как американская *The Atlanta Daily World*, рассчитанная на афро-американское население, или *The Jewish Advocate*, предназначенная для еврейского населения в США. Однако в данном исследовании нас интересуют крупные национальные издания, рассчитанные на все население той или иной страны в целом, поэтому узконаправленные газеты не рассматриваются.

При этом, несмотря на общую национальную направленность крупных газетных изданий таких, как *The Guardian*, *The New York Times* и др., понятие национальности может расширяться или, наоборот, сужаться в зависимости от тематики и локальной направленности статьи, как в следующих примерах. В статье *We Europeans must face up to our own security challenges* (*The Guardian*) говорится об украинском кризисе. В этой статье национальная направленность видна уже в заглавии:., т.е статья предназначена европейцам, причем, скорее не иммигрантам, а именно коренным европейцам. В статье часто используются слова Европа и европейцы, каждый раз подчеркивая, для кого именно было адресовано сообщение. Таким образом, в данном примере можно увидеть национальную направленность текста, причем эта направленность представлена в общем виде, без какого-либо указания на конкретную национальность.

Однако в разных статьях, в зависимости от тематики, авторы статей могут обращаться к представителям определенной национальности. Например, уже в названии статьи *There will always be anti-semitism, but let's also remember how protected and valued we Jews in the UK are* (*The Independent*) отражается, что адресатами сообщения являются, помимо коренных британцев, также евреи. Автор обращается непосредственно к представителям данной национальности, заявляя, что в Великобритании евреи могут чувствовать себя защищенными. В статье автор неоднократно использует местоимение «мы» (в самой статье автор говорит, что сам является евреем), тем самым приближаясь к адресату сообщения (*For all that some people in this country dislike Jews, we are among the best protected and most valued minorities that have lived anywhere at any point in history. We may soon have a Jewish prime minister*). Также в статье имеются слова, относящиеся к еврейской культуре (*beshtroi* (испытывать судьбу), *kosher*), что также позволяет нам говорить о том, что данная статья обращена, в том числе, британским евреям.

2.2.4. Другие факторы адресованности: возраст, религиозные убеждения

При рассмотрении газетных статей параметр возраста эксплицитно не определен для всей газеты в целом. Можно сказать, что исследуемые газеты, в основном, рассчитаны на взрослое население, т.е. читателей от восемнадцати лет. При этом в некоторых статьях мы можем увидеть возрастную направленность. Например, в уже проанализированной в связи с гендерной направленностью статье *Eight anti-ageing beauty tips from celebrities that are more inventive than 'get more sleep'*, где адресатом являются женщины среднего возраста. Однако в статьях посвященных политической, экономической и др. тематикам точного указания на возраст нет. Говоря о возрастном параметре, следует отметить, что существуют газеты для молодежи. Например, американская газета *The Washington Post* издает вариант для детей и подростков *The Washington Post Kids*, или газета *The New York Times Upfront*, в которых, как правило, освещаются темы, которые были бы интересны подросткам. Также данные издания публикуют обзоры по истории и политике, что повышает уровень просвещения детей.

В отдельных газетных статьях встречается и религиозная направленность. Например, в статье *At Easter, let's bring joy into other lives* в связи с терактом в Брюсселе идет призыв всем людям стать немного добрее, а также вспомнить всех тех, кто каждый день совершает жертвы: учителей, врачей, полицию, солдат. Статья носит торжественно-возвышенный характер, что выражается употреблением высоких ЛЕ *give their life for other (to die (OED))*, *martyrdom (The death or suffering of a martyr(OED))*, *selflessness (concern more with the needs and wishes of others than with one's own(OED))*, *suffering (The state of undergoing pain, distress, or hardship (OED))*. В статье изобилуют ЛЕ религиозной тематики, такие как *The story of Jesus's death and resurrection, crucifixion, the sorrow of Good Friday and the joy of Easter Sunday*. Далее автор призывает читателя помогать другим людям, что, как известно, проповедует Христианство: *holding a door open, asking a colleague how they are, telephoning someone we fear might be lonely, offering to give a person a lift in a car*.

Говоря о британцах автор приводит цитату премьер-министра: *the Christian values of these islands mean in practice is: “responsibility, hard work, charity, compassion”*, что также соответствует основным заповедям Христианства. В заключение автор добавляет *This holiday, let us proceed with life and the happy, rewarding work of helping others*. Таким образом, упоминание в статье всех христианских ценностей, в том числе помощь другим, а также призыв именно в христианский праздник Пасхи ко всем людям стать добрее говорит о том, что данная статья адресована христианам.

В статье *Christian leaders attempt to fix global date for Easter* говорится о том, что лидеры христианского мира стремятся определить фиксированную дату для празднования Пасхи. Уже из заголовка статьи видно, что она, скорее всего, адресована христианам, для которых этот религиозный праздник очень значим и, соответственно, они заинтересуются этой новостью.

Таким образом, можно убедиться, что адресованность в той или иной степени присутствует во всех текстах газетных статей. В зависимости от целей и тематической направленности автор выбирает определенные параметры адресованности. Как правило, выбирается несколько параметров, при этом стоит отметить, что достаточно редко можно встретить узконаправленные статьи, т.е. статьи, предназначенные только для определенного круга читателей, где в основу кладется только один параметр адресованности. В то же время достаточно сложно найти статьи, в которых присутствовали бы все параметры: в основном берется несколько наиболее важных с точки зрения автора параметров, которые и отражаются в сообщении. Маркерами адресованности могут стать любые лексические единицы. Нередко маркерами адресованности становятся экспрессивно-оценочные единицы, посредством которых наиболее точно выражается позиция автора к описываемой ситуации, а также общая адресованность текста сообщения. При этом стоит отметить, что адресованность, складываясь из определенных лексических единиц, проявляется на прагматическом уровне.

2.3. Адресованность и дискурс

Проблема изучения дискурса начала интересовать ученых с середины двадцатого века. Однако, несмотря на достаточно долгое изучение данной проблемы среди исследователей не выработалось единого понимания понятия дискурса. Как отмечает нидерландский ученый Т. ван Дейк, написавший фундаментальные труды в области изучения дискурса, данное понятие до сих пор остается «сложным и неопределенным» (Дейк 1998: 195).

Одним из первых исследователей в сфере изучения дискурса был Э. Бенвенист, который в рамках изучения теории высказывания впервые употребил термин «дискурс» в новом значении. Ученый говорит, что «дискурс нужно понимать в широком смысле». Исследователь относит к этому понятию «любое высказывание, допускающее наличие говорящего и слушающего, а со стороны говорящего – намерение каким-либо образом воздействовать на слушающего», т.е. выражение своей позиции в высказывании (MacCabe 1985: 83).

В 1952 г. вышла работа З. Харриса «Дискурс-анализ», посвященная исследованиям в области сверхфразовых единств. Данная работа оказала существенное влияние на последующее изучение проблемы дискурса. Ученый называет дискурсом единицу, выходящую за рамки одного предложения, т.е. последовательность связанных между собой предложений, и определяет дискурс как «связанная речь или письмо». (Harris 1952: 4-5).

По мере развития исследований в области дискурса появилось несколько подходов к данному понятию: структурный, функциональный и «дискурс, как высказывание» (термин, предложенный Д. Шифрин). Под структурным подходом подразумевается, как уже упоминалось, единица, превышающая одно предложение. При втором подходе дискурс изучается с учетом языковых функций и экстралингвистического контекста. Третий подход к проблеме дискурса, предлагаемый Д. Шифрин, объединяет два первых подхода, т.е. соединяет форму и

функцию и представляет ее в форме функционально организованных единиц языка, с учетом их употребления в определенном контексте. (Schiffrin 1987)

Н.Д. Арутюнова придерживается ситуативного понимания дискурса. Исследователь определяет данное понятие как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими - прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, “погружённая в жизнь”». (Арутюнова 1998: 136) Как видно из данного определения дискурс рассматривается не изолированно от внеязыковой действительности, т.е. не как простая последовательность отдельных связанных между собой предложений, а в совокупности с экстралингвистическими факторами. Подчеркивая важность экстралингвистических факторов в дискурсе, Т. Ван Дейк определяет дискурс, как «существенную составляющую социокультурного взаимодействия, характерные черты которого – интересы, цели и стили». (Дейк 2000: 53) Важность экстралингвистических факторов в дискурсе также подчеркивают такие исследователи, как Ю.Н. Караулов и В.В. Петров (Караулов, Петров 2000: 8), Б.М. Гаспаров (Гаспаров 1996: 10), Г.В. Бобровская (Бобровская 2011: 1).

Не менее важным для определения дискурса является и включение в него понятия адресованности. Если под дискурсом понимается социокультурное взаимодействие между участниками коммуникации посредством текста (устного или письменного) с учетом экстралингвистических факторов, то логично предположить, что в этом взаимодействии участвуют два и более участников, один из которых является отправителем сообщения, а второй – получателем. Если принять во внимание именно функциональный подход к дискурсу, то стоит отметить, что адресант всегда стремится воздействовать на читателя/слушателя сообщения и вызвать в нем реакцию, соответствующую поставленной адресантом цели. Таким

образом, можно сделать вывод, что любой дискурс, письменный или устный, обладает такой категорией, как адресованность. Эту позицию мы можем проследить в определении дискурса Н.Д. Арутюновой (см. выше). Также А.А. Кибрик говорит, что дискурс «предполагает наличие двух фундаментальных ролей – говорящего (автора) и адресата» (Кибрик 2003: 10). При этом рассуждая о монологе, А.А. Кибрик утверждает, что адресат необходим и в этом речевом жанре. (Кибрик 2003: 10) Поскольку газетные статьи можно отнести к письменному монологу, т.к. они написаны одним автором, излагающим свои мысли и мнения и стремящимся воздействовать на читателя, то данное утверждение относительно адресованности монолога справедливо и для письменных публицистических текстов.

Рассматривая новостной дискурс, а именно новостные речевые сообщения, Т. Ван Дейк также говорит, что эти сообщения анализируются с точки зрения «характеристик потребителя и оказываемого на них воздействия». (Дейк 2000: 112) Таким образом, мы видим, что исследователь также поддерживает мнение о том, что дискурс всегда направлен на адресата. При этом ученый говорит и о том, что новости представляют собой тексты особого типа, «относящиеся к специфической социокультурной деятельности». Говоря о написании текстов, в особенности новостных, исследователь отмечает важность общих экстралингвистических знаний у писателя и реципиента (общее знание языка, картина мира, социокультурные, исторически и др. реалии) для адекватного понимания читателем написанного текста, и соответственно, для наилучшего воздействия на адресата. В связи с этим Т. ванн Дейк утверждает, что «писатели создают формы и значения, которые предположительно понятны читателю или которые могут быть эксплицитно ему адресованы, которые возбуждают реакцию и которые вообще ориентированы, как это происходит в разговоре». (Дейк 2000: 122) В результате, исследователь приходит к выводу, что при «письменной коммуникации писатели и читатели участвуют в процессе социокультурного взаимодействия». (Дейк 2000: 123)

Б.М. Гаспаров, говоря о «всяком акте употреблении языка» (т.е. дискурса) помимо коммуникативного намерения автора, делает акцент на важности «взаимоотношения автора и его непосредственных и потенциальных, близких и отдаленных, известных ему и воображаемых адресатов» (Гаспаров 1996: 10)

В рамках жанрового подхода к дискурсу Т.В. Шмелева также указывает на важность образа адресата при рассмотрении дискурса. (Шмелева 1997: 91-97)

В.И. Карасик исследуя различные виды дискурса рассматривает это понятие, в том числе и в социолингвистическом аспекте. Ученый говорит об институциональном виде дискурса, который он определяет как «клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» (Карасик 2002: 194-195). К такому типу дискурса относятся политический, юридический и др. в том числе и массово-информационный вид дискурса, к которому относятся газетные статьи. Основой при таком виде дискурса является «общение базовой пары участников коммуникации», в случае газетного дискурса это будет общение журналиста и читателя. (Карасик 2002: 194-195)

В дискурсе можно выделить более узкое понятие публицистического дискурса, который по определению Н. И. Клушиной представляет собой «воздействующий тип дискурса, реализующий интенцию убеждения, а следовательно оказывающий мощный перлокутивный эффект на адресата» (Клушина 2008: 6). В публицистическом дискурсе можно выделить газетный дискурс, который согласно определению Г.В. Бобровской представляет собой «динамическое когнитивно-коммуникативное явление, процесс и результат речевой коммуникации печатных СМИ. Газетный дискурс является составной частью массово-коммуникативного пространства как социальной прагматически интерпретируемой интерактивной системы. В условиях массовой коммуникации газетные тексты выступают продуктом дискурсивной деятельности, способствующей обмену социально значимой актуальной информацией» (Бобровская 2011: 13). Ученый также отмечает

политематизм газетных статей в данном типе дискурса. Г.В. Бобровская утверждает, что основной коммуникативной направленностью газетного дискурса является «обращение к массовому адресату с целью оказания на него максимального, прагматически заданного информирующего воздействия». (Бобровская 2011: 1) Таким образом, на основе вышесказанного, можно сделать вывод, что дискурс всегда имеет адресную направленность.

Следует также отметить, что среди ученых нет единого мнения касательно применения понятия дискурса к устному или письменному тексту. Некоторые исследователи такие, как И.Р. Гальперин, О.И. Москальская, З.Я. Тураева и др. разграничивают понятия письменного текста и устного дискурса. Однако, по словам М.Л. Макарова, такое разграничение «не оправдано сужает объем данных терминов, сводя их к двум формам языковой действительности – использующей и не использующей письмо» (Макаров 2003: 87). Поэтому многие ученые приходят к выводу, что наравне с устным существует также и письменный дискурс. Такой точки зрения придерживаются М.Л. Макаров (Макаров 2003: 87), Т. Ван Дейк (Дейк 1998: 194), А.А. Кибрик, В.И. Карасик, В.Б. Кашкин (Кашкин 2004: 7), В.В. Богданов, В.Е.Чернявская (Чернявская 2001: 14, 16) и др. Таким образом, в данной работе мы также будем придерживаться мнения о том, что дискурс может проявляться в двух видах: в качестве письменного текста и в качестве устного сообщения.

Таким образом, в данной работе под дискурсом мы понимаем сложную устную или письменную коммуникативную единицу, представляющую собой последовательность связанных между собой предложений или целый текст в совокупности со всеми внеязыковыми реалиями (социокультурными, прагматическими, историческими и др.). Дискурс предполагает обязательное наличие отправителя и получателя сообщения (будь то непосредственное общение коммуникантов, устный или письменный монолог в виде статьи, художественного произведения и др.), соответственно дискурс всегда адресован.

2.4. Понятие оценочности в газетном тексте

Возвращаясь непосредственно к категории адресованности, стоит повторить, что маркером адресованности может стать любое слово или фигура речи, в том числе нередко такими маркерами становятся единицы, содержащие оценочное значение. Такие единицы позволяют не только выразить субъективное отношение автора к происходящим событиям, но и соответствующим образом воздействовать на реципиента в зависимости от поставленной коммуникативной задачи. Оценка является мощным средством воздействия на мнение и взгляды читателя, что позволяет автору статьи привлечь реципиента на свою сторону и убедить его в правильности своей точки зрения. По справедливому замечанию Т. ван Дейка после прочтения некоего текста «по истечении какого-то времени мы часто не помним деталей ситуации, а только нашу положительную или отрицательную оценку ситуации или эпизода» (Дейк 2000: 95). Журналисты при написании статей часто используют в своих текстах эмоционально-оценочные компоненты, поскольку сообщения, в которых используется эмоциональное влияние «легче усваиваются и дольше хранятся в памяти» (Почепцов 1998: 391). В результате можно сказать, что категория адресованности тесно связана с категорией оценочности. В зависимости от адресной направленности автор будет выбирать соответствующие оценочные средства для достижения наибольшего эффекта.

Проблемой категории оценочности занимались многие ученые, среди которых можно выделить труды А.А. Ивина, Е.М. Вольф, В.Н. Телия, Н.Д. Арутюновой, М.С. Ретунской и др. Одним из первых ученых, наиболее полно исследовавших данную проблему, является Е.М. Вольф. Говоря об оценке, Е.М. Вольф относит данное понятие к одному из видов модальности. Оценка, согласно исследователю, может содержаться в семантике какого-либо слова, но, как правило, оценочность проявляется в содержании всего высказывания, т.е. «оценочная модальность определяется высказыванием в целом, а не отдельными его элементами, и является компонентом высказывания» (Вольф 2002: 11). Как отмечает Е.М. Вольф, в

контексте оценка отличается сложной структурой, «содержащей ряд обязательных и ряд факультативных элементов», которую исследователь называет «модальной рамкой». Эта модальная рамка «накладывается на высказывание и не совпадает ни с его логико-семантическим построением, ни с синтаксическим». (Вольф 2002: 11-12) Модальная рамка относится к прагматической стороне сообщения, однако она «тесно связана с семантикой оценочной структуры». (Вольф 2002: 13) В.Н. Телия говорит, что «оценочная модальность выражает отношение говорящего ко всему, что мыслится как объективное, независимое от субъекта» (Телия 1986: 22).

М.С. Ретунская разделяет оценочные компоненты в зависимости от вида и типа оценки. В видовом отношении оценочный компонент бывает нейтральной (нулевой), положительной или отрицательной. То есть здесь можно говорить о шкале оценки. На этой шкале расположена зона положительного и отрицательного, между которыми расположена зона нейтрального, которая обозначается в языке реже, чем две остальные зоны. При этом стоит отметить, что даже «нейтральная (нулевая) оценка – это тоже оценка» (Миронова 1997: 56). Таким образом, можно сказать, что в любом сообщении и тексте присутствует категория оценочности.

Согласно классификации М.С. Ретунской по типу оценка бывает рациональной (интеллектуально-логической), эмоциональной (эмотивной) и эмотивно-интеллектуальной. Рациональная оценка является составной частью денотата и отображает «информацию об объективно присущих референтах свойствах» (Ретунская 1996: 9). Эмотивная оценка основана на «тех эмоциях, негативных и позитивных, которые вызывает обозначаемый предмет». (Там же) Эмотивно-интеллектуальная оценка выражается на «диалектическом единстве рационально-оценочных суждений и эмоций». (Там же)

Оценка бывает абсолютной и сравнительной. Под абсолютной оценкой понимается один оценочный объект, при сравнительной оценке речь идет о двух и более оценочных объектах.

Говоря об оценке, А.А. Ивин отмечает, что «выражение или приписывание ценности (оценивание) является установлением определенного отношения между субъектом или субъектами оценки и ее объектом» (Ивин 1970: 12-13), т.е. при высказывании какого-либо оценочного суждения предполагается наличие субъекта, который выражает оценочное мнение по поводу объекта, и объекта, о котором идет речь и который, соответственно, подвергается оцениванию со стороны субъекта. Стоит отметить, что под субъектом подразумевается лицо, часть социума или социум, с точки зрения которого производится оценка. Субъект дает оценку на основании имеющегося в его «картине мира» шкалы и соответствующих стереотипов. (Вольф 2002: 68). Таким образом, можно говорить о присутствии в оценке двух компонентов: субъективного и объективного. Под объективным компонентом оценочности подразумевается оцениваемые свойства самого объекта, т.е. оценочный компонент может содержаться в денотативном компоненте значения слова и характеризует сам объект; под субъективным – отношение субъекта (индивида или социума) к объекту. В связи с этим В.Н. Телия различает рационально-объективную и эмотивно-субъективную оценки. Первая «входит в объем денотации», в то время как вторая «входит только в сигнификацию, в которой и маркируется прагматически-ценностная ориентация значения...», т.е. она «не входит в объем значения и тем самым не объективируется в нем, как в оценочном значении» (Телия 1986: 59-60)

В.Н. Телия указывает на необходимость различать оценочные и экспрессивные высказывания. Первые «нацелены на сообщение о ценностной значимости для автора речи обозначаемого в высказывании с тем, чтобы сориентировать реципиента в определенной жизненной коллизии или в некоторой абстрактно мыслимой ситуации, причем таким образом, чтобы этот последний принял (или, по крайней мере, принял к сведению) точку зрения автора речи как объективную». (Телия 1986: 32) При этом экспрессивно окрашенные выражения имеют другую направленность: они создаются с целью эмоционального воздействия на реципиента, с целью «с

субъективных позиций – передать личное мнение автора речи, усиливая оценку оценкой же некоторых «подробностей» в самом обозначаемом». (Телия 1986: 32) В.Н. Телия также подчеркивает, что «объекты оценки не полностью зависят от субъекта, но еще от «предрасположенности» самого объекта к тому или иному свойству, а следовательно – к оценке по данному свойству». (Телия 1986: 34)

Оценка может быть общей и частной. Согласно Н.Д. Арутюновой, общеоценочные значения выражаются прилагательными плохой/хороший, а также «их синонимами с разными стилистическими и экспрессивными оттенками» (Арутюнова 1999: 198). Они выражают «холистическую оценку, аксиологический итог». Под частнооценочным значением понимается оценка, которая дается одному из «аспектов объекта с определенной точки зрения». Исследователь предлагает свою классификацию частнооценочных значений, в которой выделяет три группы: 1) сенсорные оценки, т.е. связанные с ощущениями, 2) сублимированные оценки (эстетические и этические оценки), 3) рациональные оценки (связаны с практической деятельностью и повседневным опытом человека). Эти группы делятся на более мелкие подгруппы. Из данной классификации видна связь и взаимодействия субъекта и оцениваемого им объекта. (Арутюнова 1999: 198)

Оценка может быть аффективной, что выражается в степени заинтересованности субъекта в объекте (например: это хорошо и это великолепно) (Вольф 2002: 43).

Одним из исследователей в области оценки в публицистическом стиле является Н. И. Клушина, разработавшая удобную для анализа систему оценки в русской газете, которую можно применить и к исследованиям на английском языке. Говоря об оценочности в русской публицистике, исследователь выделяет особые универсалии или константы, характерные для каждого публицистического текста: идеологема, шкала ценностей, оценочность, образ автора. Идеологема представляет собой «целенаправленное воздействие» (Клушина 2003: 488) автора статьи на реципиента. Под шкалой ценностей подразумевается «семантическая оппозиция

«свое/чужое». Эта шкала играет решающую роль в выборе и распределении оценочных средств в текстах массовой коммуникации». (Клушина 2003: 481-483) Оценка «тесно связана со шкалой ценностей» и «пронизывает все ярусы публицистических текстов». (Там же) Оценка бывает открытой и скрытой. Открытая оценка явным образом показывает отношение автора к происходящему, т.е. преподносится в виде пропаганды чего-либо. При скрытой оценке, которая используется в современной журналистике, создается ощущение, что автор объективно излагает факты, суммирует их и приходит к определенным выводам. Однако при более детальном рассмотрении статьи можно убедиться, что в любом таком тексте используются единицы с оценочным компонентом значения, цель которых - воздействовать на читателя, сформировать его отношение к поставленной автором статьи проблеме. В свою очередь скрытая оценка может быть имплицитной (т.е. «содержащей оценку во внутренней форме слова») и эксплицитной (т.е. «выражающейся не в значении самого слова, но в его употреблении»). К имплицитной оценке относятся метафоры, эвфимизмы; к эксплицитным – контекст, квазисинонимическая ситуация, цитаты. (Клушина 2003: 484)

На основе вышесказанного, а также на основе работ, посвященных функционально-коммуникативному подходу к языку в целом, и синтаксису в частности, можно сделать вывод, что оценочность может проявляться на трех уровнях (так, М.В. Всеволодова в своей работе «Теория функционально-коммуникативного синтаксиса» при рассмотрении модальности выделяет два уровня или модуса, который определяется автором как «выражение субъективных, идущих от говорящего смыслов» (Всеволодова 2000: 305) – модус текста, содержащий в себе внутрисинтаксическую модальность и оценку, и модус предложения, который исходит от говорящего, и не выражается предикатами (Всеволодова 2000: 305)): 1) оценка на низшем (лексическом) уровне, т.е. оценка может содержаться в коннотативном компоненте значения слова; 2) оценка на среднем или идиоматическом уровне в пределах одного предложения, что означает, что оценка

складывается из совокупности значений слов, а также оценочных компонентов лексических единиц на уровне одного предложения или фразы. Говоря об идиоматичности предложения, мы вслед за Н.К. Рябцевой понимаем под этим понятием «несвободную сочетаемость», которая охватывает «самые разные виды и типы сочетаемости» (Рябцева, 2016: 89) от отдельных словосочетаний до предложения; главным свойством идиоматичности является «связь с выражаемым сочетающимися элементами смыслом» (Рябцева 2016: 91); идиоматичность также выражает «дополнительную информацию: концептуальную, модальную, аксиологическую» и т.д. (Рябцева 2016: 28) в том числе и оценочную, которая придает тексту дополнительную «содержательность и глубину» (Там же) ; и 3) высший уровень – оценка выражается в сверхфразовом единстве, т.е. в более, чем одном предложении. Причем в этом случае оценка не обязательно может содержаться в семантике слова, но может имплицитно выражаться в прагматической направленности текста. Соответственно, эту классификацию видов оценки можно применить к нашему исследованию взаимозависимости адресованности и оценочности при переводе.

2.4.1 Виды оценочности в газетной статье и их реализация в переводе.

В этом разделе будут рассмотрены категория адресованности в совокупности с категорией оценочности, в соответствии с предложенной выше классификацией категории оценки, а также их реализация при переводе. В качестве примера проанализируем 4 отрывка статей: в первых трех адресованность и оценочность проявляются на лексическом и синтаксическом уровнях, в четвертой – на коммуникативно-прагматическом.

В статье *Putin will be rubbing his hands at the prospect of Brexit* (the Guardian) («Путин потирает руки в ожидании выхода Британии из ЕС») обсуждается проблема возможного выхода Великобритании из Евросоюза, а также для кого выход Британии из ЕС будет выгоден.

Автор статьи, критикуя сторонников выхода из ЕС, т.е. представителей консервативной партии, говорит следующее:

Оригинал:

*Despite the economically **illiterate** central tenets of the leave campaign – that a Brexit will somehow enable Britain to “go global” – it is striking that very few countries, if any, have been campaigning for Britain to leave the EU.*

Перевод:

*Несмотря на громкие, но экономически **безграмотные** установки сторонников «выхода», например, утверждения о том, что выход из ЕС позволит Великобритании стать «глобальным игроком», поражает то, что британский уход поддерживают очень мало стран, а может, и вообще никто.*

Как видно из примера, оценка проявляется на низшем, или на лексическом уровне, т.е. оценочность уже заложена в коннотативной составляющей семантики слова. ЛЕ *illiterate* означает «*ignorant in a particular subject or activity*» (OED) и в данном случае несет в себе отрицательный компонент значения, т.к. «безграмотность» или «плохая осведомленность» (НБАРС) в политических и экономических делах, может, по мнению автора, нанести вред обеим сторонам. Таким образом, автор стремится убедить читателя, что принципы консервативной партии не во всем верны. Перевод осуществляется при помощи эквивалентной ЛЕ, содержащей тот же объем значения, а также оценочный компонент значения, что и единица, употребленная в оригинале. В результате российский читатель получает ту же оценочную информацию и, соответственно, понимает коммуникативное намерение автора посредством перевода.

Далее, в продолжение темы, автор, утверждает, что выход страны из ЕС будет «*a **flawed** exercise in domestic party management*». (перевод: *пример **неумелого** партийного руководства.*) ЛЕ *flawed* (OED) имеет значение *having or characterized by a fundamental, weakness or imperfection*, в которой заложена отрицательная коннотация, содержащая семы несовершенства и одновременно слабости в разрешении политических вопросов. Использование этого слова призвано убедить читателя в том, что действия консервативной партии недальновидны и невыгодны,

что должно склонить читателя к поддержке лейбористской партии, которая, как и сам автор, выступает за сохранение членства Британии в составе ЕС.

При переводе используется ЛЕ «неумелый», означающая «плохо без умения выполняющий свою работу» (ТСРЯ), что в целом соответствует смыслу текста оригинала. Однако при сравнении двух определений можно заметить, что слово *flawed* сильнее по своему оценочному значению (т.е. не просто плохой, но даже бракованный, дефектный), нежели переводной эквивалент «неумелый». Тем не менее, перевод адекватен и читатель сможет уловить отношение автора к происходящему.

Говоря о невыгодности складывающейся ситуации между ЕС и Британией, автор посвящает также довольно большую часть статьи, что такое положение дел окажется выгодным для России.

Уже в самом названии статьи автор использует достаточно яркий фразеологизм, в котором заложена оценка и который характеризует отношение и адресную направленность автора: *rubbing his hands*. Фразеологизм *rubbing one's hands* означает «to experience or display pleased anticipation, self-satisfaction, or glee» (АНД), который переводится русским фразеологизмом с похожим значением «потирать руки», и означает «злорадствовать». Значение данного фразеологизма содержит помимо семы радости, удовлетворении, еще и сему злорадства, т.е. «злой радости при несчастье, неудаче другого» (ТСРЯ), который несет в себе отрицательную коннотацию и, соответственно, отрицательную оценку. В результате уже в названии статьи появляется негативное отношение автора к описываемой ситуации, вызванное соответствующей политической направленностью текста. В итоге, в статье дается установка вызвать негативное отношение у адресата к России. Для перевода данного фразеологизма использована единица с тем же семантическим и коннотативным значением, что и в оригинальном тексте, что позволяет сделать вывод, что перевод этого заголовка адекватен и эквивалентен.

Далее, говоря о том, почему России выгоден выход Великобритании из ЕС автор статьи использует следующие лексические единицы:

Оригинал:

*First, geopolitics. Undoubtedly, the **destabilisation of the EU is a foreign policy priority for the Russian president. The EU and the values it stands for – fundamental rights, media freedom, equality and the rule of law – are the antithesis of the Eurasian Union that Putin wishes to build.***

Перевод:

*Во-первых, геополитика. Без сомнения, **дестабилизация Евросоюза — приоритетная задача внешней политики российского президента. Европейский союз и ценности, которые он отстаивает — фундаментальные права, свобода прессы, равенство и власть закона — представляют собой антитезис Евразийскому Союзу, который строит Путин.***

В этом отрезке текста используются слова, которые содержат в своем значении отрицательную коннотацию. Например, ЛЕ *destabilisation*, являясь политическим термином, означает “the process of upsetting the stability of a region or system, especially of government» (OED), т.е. процесс, «направленный на разрушение устойчивости политической системы». Анализируемая ЛЕ является политическим термином, однако вопреки основным требованиям к термину (отсутствие оценочного компонента значения), это слово в данном контексте имеет отрицательную коннотацию, т.к. в сознании людей дестабилизация, особенно, по отношению к своей стране, представляет собой нечто плохое, и соответственно, в тексте приобретает отрицательный оттенок значения. В результате, узнав из статьи, что для России главной задачей является «дестабилизация» ЕС, у читателя формируется негативное отношение к процессу, что в итоге может повлиять на его отношение к данной ситуации. Причем, это не единственное использование термина с отрицательной окраской. В статье, применительно к России, также используются такие слова и словосочетания, как *illegal invasion, ongoing occupation of eastern Ukraine, Russian expansionism* (нелегальное вторжение и оккупация восточных районов Украины, российская экспансия), которые в словаре даются в своем нейтральном значении, но в ассоциативном поле данных ЛЕ присутствует отрицательная оценка, что приводит к соответствующей реакции читателя.

Далее в этом же отрезке следует перечисление ценностей, которые, по мнению автора, характерны для западного мира: *fundamental rights, media freedom, equality and the rule of law*. В ассоциативном плане все указанные понятия имеют положительную коннотацию, что должно вызвать у читателя гордость за свою страну. При этом применительно к Евразийскому союзу, в котором состоит Россия, используется слово *antithesis* (противопоставление, противоположность (НБАРС)), означающее *a person or thing that is the direct opposite of someone or something else* (OED), в результате чего в статье появляется ярко выраженное предвзятое отношение к России, тем самым подчеркивается шкала ценностей «свои/чужие», где «чужие», т.е. Россия, представлены в крайне невыгодном свете, что должно вызвать у европейского читателя враждебное отношение к стране.

Из приведенного выше отрезка текста мы видим, что оценка следует не только из значений и коннотации отдельных лексических единиц, но складывается также из суммы значений всех слов в пределах одного предложения, в результате чего образуется оценочная направленность, которая может повлиять и сформировать отношение реципиента к складывающейся ситуации. Таким образом, в данном примере мы имеем дело со средним, т.е. синтаксическим уровнем оценочности.

При переводе используются эквивалентные политические термины, которые в своем значении при определенных условиях контекста могут также иметь оценочные компоненты значения. Соответственно, в переводе сохраняется общая оценочность фрагмента текста, в результате использования автором перевода ЛЕ с эквивалентным денотативным и коннотативным значениями, в следствие чего переводной текст передает как коммуникативную, так и коннотативную направленность текста.

Таким образом, из приведенных примеров можно сделать вывод, что статья рассчитана на британского/европейского читателя. Поскольку газета придерживается взглядов лейбористской партии (т.е. сторонницы сохранения членства Британии в ЕС), то и статья направлена на представителя лейбористской

партии. Соответственно, такая адресованность статьи определяет выбор оценочных элементов. В результате действия консервативной партии Великобритании во главе с премьер-министром Д. Кэмероном, стремящейся к выходу из ЕС, получают отрицательную оценку. Применительно к России автор также использует отрицательные средства отношения к стране, граничащее с русофобией.

Что касается перевода, то в нем использованы эквивалентные ЛЕ с тем же объемом значения, что позволило в полной мере передать как смысл сообщения, так и его оценочность.

Стоит отметить, что помимо оценочности в переводе также сохранена и адресная направленность текста, рассчитанная на британского/европейского получателя текста. Несмотря на сохранение оценочности и адресованности при переводе, реакция на сообщение британского и российского реципиентов будет различна. Так, если у британского читателя статья вызовет отрицательное отношение к России и действиям российского президента, то у российского, который находится в другом социальном пространстве и видит ситуацию другими глазами, статья вызовет негативное или снисходительное отношение, и будет рассматривать ее содержание, как информацию, представленную в ложном свете.

Однако встречаются случаи, когда переводчик намеренно или подсознательно меняет адресную направленность текста, т.е. при передаче сообщения с одного языка на другой он ориентируется на российского реципиента и в результате, в процессе перевода использует соответствующие лексические единицы, учитывая при этом конечного получателя информации, т.е. российского читателя. В итоге, при переводе могут иметь место лексико-семантические сдвиги в тексте. Такую ситуацию можно увидеть в статье *Басня о скорпионе: Асад, вероятно, считает, что он нужнее России и Западу, чем они ему (The Scorpion's Tale: Did Assad Take Putin for a Ride?) (The New York Times)*, в которой идет речь о сирийском лидере, а также о помощи России с целью урегулирования военного конфликта в Сирии. Как известно, Западные СМИ отрицательно относятся к действиям России в Сирии,

соответственно, при написании статей они используют отрицательно окрашенные лексические единицы:

Оригинал

*Ever since President Vladimir V. Putin's surprise announcement last week that Russia was scaling back its **aerial bombing** campaign in Syria, speculation has swirled about whether Mr. Putin's next move is to force Mr. Assad to make a substantive political compromise to end the war.*

Перевод

*С тех пор, как на прошлой неделе президент Владимир Путин неожиданно объявил о частичном сворачивании российских **воздушных операций** в Сирии, многие начали говорить, что в дальнейшем г-н Путин вынудит г-на Асада пойти на серьезные политические уступки ради завершения войны.*

В этом примере можно увидеть коннотативный сдвиг значения термина *aerial bombing* (бомбежка), который переведен как «воздушные операции». В словаре Oxford English Dictionary приводится следующее определение ЛЕ *bombing an act or instance of dropping or detonating a bomb somewhere*, где в качестве примера употребления данного слова в языке приводится следующее выражение *a series of terrorist bombings*. В результате можно сделать вывод, что данная единица содержит в себе отрицательный оттенок значения. При этом в переводе используется термин воздушные операции, означающий «операция, проводимая военно-воздушными силами для решения оперативных или стратегических задач на сухопутных, приморских и морских театрах военных действий. В. о. могут проводиться с различными задачами (целями): по завоеванию господства в воздухе, по срыву сосредоточения войск противника, по нарушению его коммуникаций и уничтожению стратегических объектов» (КСОТиОС). То есть в данном случае мы имеем дело с нейтральным военным термином, которому в английском языке соответствует термин *airborne operation (an operation involving the air movement into an objective area of combat forces and their logistic support for execution of a tactical, operational, or strategic mission. The means employed may be any combination of airborne units, air transportable units, and types of transport aircraft, depending on the mission and the overall situation (DMTA))*. Таким образом, в данном случае мы имеем

дело со сдвигом в коннотативном значении слова, произошедшим в следствие ориентации автором перевода на российскую целевую аудиторию. При передаче сообщения переводчик применил ЛЕ, наиболее часто употребляемую в российских СМИ относительно данной ситуации. В итоге, при передаче сообщения с одного языка на другой учитывается конечный получатель перевода, что вызвало лексико-семантический сдвиг, который в результате изменил адресную направленность текста. Таким образом, мы получаем различный прагматический эффект между текстом оригинала и перевода.

При этом в другой статье подобной тематики (*Иран, Россия и Израиль: сложный треугольник (The tricky triangle of Iran, Russia and Israel) (The Guardian)*) адресная направленность оригинала сохраняется.

Оригинал:

*When Russia began **bombing** groups in rebellion against Assad in September, there was a real danger of a flare-up with Israel...*

Перевод:

*Когда в сентябре Россия начала **бомбить** группировки повстанцев, выступающих против Асада, существовала реальная угроза обострения отношений с Израилем.*

В этом примере при переводе сохраняется как предметно-логическая, так и оценочная составляющие высказывания, где ЛЕ *bombing* переведена соответствующим эквивалентом *бомбить*, означающим «производить атаку с воздуха, сбрасывая бомбы» (ТСРЯ), однако, содержащим в себе достаточно сильное коннотативное значение, чем более нейтральное выражение *воздушная операция*, употребленное при переводе в предыдущем примере. Используемые в оригинальном и переводном тексте слова в сочетании с эквивалентно переведенной ЛЕ *rebellion* (повстанец) имеют целью вызвать у реципиента отрицательное отношение к России. При этом российский читатель, скорее всего, не согласится с данной оценочной информацией, поскольку Россия выступает в Сирии в борьбе против террористов.

Таким образом, в зависимости от установки переводчика адресованность при передаче сообщения может меняться. Направленность переводного текста может совпадать с обращенностью оригинала, в результате чего может измениться прагматический эффект, оказываемый на реципиента (например, соглашение с представленной информацией англоговорящим адресатом сообщения, и не принятие той же информации российским читателем); либо переводной текст может быть направлен на русскоязычного адресата. Соответственно, в этом случае переводчиком будут выбираться такие средства выражения, с которым, скорее всего, согласится реципиент. При этом стоит отметить, что изменение адресной направленности нежелательно в газетных статьях, поскольку в текстах такого типа необходимо знать установку автора газетного сообщения, изменение которой может повлечь нежелательную реакцию.

Статья *Europe's Refugee Crisis Isn't about Economics—It's about Culture* («Наплыв беженцев в Европу — не экономическая, а культурная проблема») из американской газеты *The National Interest* посвящена актуальной в нынешнее время проблеме массовой миграции мусульманского населения в европейские страны, поскольку европейцы обеспокоены наплывом мигрантов в связи с тем, что известны случаи нарушения спокойствия выходцами с Ближнего Востока. В результате в СМИ появляются критические замечания в адрес мигрантов. В данном отрывке автор предлагает представить следующую ситуацию:

Оригинал:

It's worth pondering: What would have been the fate of Western civilization had the Islamic forces defeated Charles and overrun the European heartland? What would have happened to the slow Western development through what Will Durant called the Age of Faith, then the Renaissance, the Enlightenment, the emergence of capitalism and liberal democracy, flying buttresses of the Gothic cathedrals, the art of the Dutch Masters with their use of light and shadow to bust through space and time, the advent of soaring Western music, the Romantic poets and great novelists, the global expansion, and all the grand triumphs and tributes to the human experience that came also, inevitably, with the downside of abuse that always seems to be part of the human story?

Перевод:

Стоит задуматься, какая участь ждала бы западную цивилизацию, если бы мусульмане победили Карла Мартелла и овладели сердцем Европы. Продолжил бы Запад медленно продвигаться вперед сквозь так называемую Эпоху веры (термин Уилла Дюранта (Will Durant))? Наступили бы Ренессанс и Просвещение? Возникли бы капитализм и либеральная демократия? Увидел бы мир летящие контрфорсы готических соборов и картины голландских мастеров, победивших пространство и время с помощью света и тени? Появились бы грандиозная западная музыка, поэты-романтики, великие писатели? Что было бы с глобальной экспансией и со всеми теми триумфами человеческого духа и вершинами человеческого опыта, которые неотделимы от извечно сопровождающих человеческую историю насилий и притеснений?

Как видно из этого примера, оценка содержится не в семантике каждого отдельного слова, но передается на высшем, коммуникативно- прагматическом уровне. Каждая отдельная ЛЕ из приведенного предложения не содержит в себе оценочного компонента значения. Оценка передается при помощи риторических вопросов, а также ряда однородных членов предложения или перечислений. Автор предлагает читателю представить, что стало бы с европейской культурой в случае захвата Европы исламским миром. В результате в сознании читателя может возникнуть образ варваров в отношении мусульманского населения, у которых отсутствует культура, даже, несмотря на то, что исламская культура богата и дала миру многие произведения искусства, а также знания в различных научных областях. Таким образом, говоря о гипотетическом исчезновении европейской культуры и ее бесценных памятников искусства, автор стремится вызвать у реципиента неприязнь к наполняющим Европу мусульманам.

При переводе были применены необходимые переводческие трансформации, такие как членение предложения и грамматические замены, что позволило сохранить стилистическую и грамматическую нормы русского языка, сохранив при этом смысл исходного сообщения, а также его адресную направленность. Однако экспрессивно-эмоциональная и оценочная окраска были в значительной степени усилены за счет членения исходного предложения при переводе и получения большего количества риторических вопросов, в результате чего происходит эмфатизация исходного сообщения.

Итак, данная статья адресована американскому/европейскому читателю. Поскольку в тексте видна отрицательная оценка действий мигрантов, то можно сделать вывод, что статья предназначена для читателя, поддерживающего республиканскую партию США. При этом в тексте не учитывается мусульманское население, которое в случае прочтения статьи могло бы выступить против предложенной автором статьи оценки их культуры. Оценочность выражена не на лексическом уровне, но на коммуникативно-прагматическом посредством использования риторических вопросов и перечислений, позволивших автору не только выразить свое отношение к происходящим событиям, но и воздействовать на читателя, вызвав у него отрицательное отношение к мигрантам и призвав защищать свою культуру.

В заключение следует отметить, что для адресованности характерны такие параметры, как география, политические предпочтения, социальное положение, гендер, религия и др., при этом маркером адресованности может выступить любой элемент в предложении. Также адресованность текста значительно влияет на выбор средств оценочности текста. В зависимости от того, для кого предназначается статья, будут использоваться соответствующие средства оценки. В результате можно сделать вывод, что категория оценочности зависит от направленности текста. Сама оценка бывает открытой и скрытой. В современной журналистике используется скрытая оценка. Оценка может проявляться на трех уровнях: низшем (лексическом), среднем (идиоматическом), и высшем (коммуникативно-прагматическом). Немаловажную роль играет шкала ценностей «свои /чужие», которая также определяет выбор оценки в текстах газетных статей.

При переводе задуманная автором статьи адресная направленность оригинального текста может сохраняться или же обращаться русскоязычному читателю в зависимости от установок переводчика. Также в большинстве случаев при передаче текста с одного языка на другой сохраняется экспрессивно-оценочный элемент, что позволяет русскоговорящему читателю не только получить

информацию, представленную в тексте оригинала, но также и оценить направленность текста и его оценочную информацию, т.е. увидеть отношение автора статьи к описываемой в тексте ситуации или проблеме.

Выводы по главе 2:

1. При передаче текста с одного языка на другой необходимо учитывать адресную направленность текста, поскольку любое сообщение создается для конкретной цели. Особенно, это относится к газетным статьям, целью которых является воздействие на реципиента. При рассмотрении адресованности различают два подхода: универсальный и коммуникативный. Согласно универсальному подходу при исследовании текста всегда необходимо учитывать личность адресата, а также его апперцептивный фон. Согласно коммуникативному подходу нужно не только учитывать саму личность адресата, но и тип адресата, вид коммуникации, а также установку говорящего. В результате под адресатом газетного текста в данной работе мы понимаем группу лиц, объединенную общим социально-политическим, историческим, географическим и т.д. пространством и набором свойств, в соответствии с которым строится высказывание отправителя сообщения.

2. При написании газетных статей особую роль играет выбор целевой аудитории, на которую и ориентируется газетное издание. Целевая аудитория складывается из таких параметров, как пол, возраст, образование, социальный статус, национальность, конфессия, доход, география, которые обязательно учитываются авторами при написании статей, поскольку от адресной направленности текста будет зависеть выбор выразительных средств, направленных на определенное воздействие на читателя. При этом стоит отметить, что в одной статье могут быть представлены не все из вышеперечисленных параметров адресованности, но только те, которые автор статьи считает наиболее важными. Например, при написании статьи на социально-политическую тему наиболее важными окажутся политические предпочтения, география, социальный статус, при этом такие параметры, как пол, возраст, национальность, конфессия окажутся менее значимыми.

3. При учете гендерной адресованности следует отметить, что тексты статей по своей тематике могут делиться на статьи женского типа (где адресатом является женщина), статьи мужского типа и статьи общей направленности. Для статей мужского типа характерны большая сухость и лаконичность изложения, а также больший акцент на факты и прецизионную информацию. Для статей женского типа характерна нейтральность, в некоторых случаях наблюдается эмоциональность и метафоричность изложения. Для статей общей направленности характерно использование в одинаковой степени как фактического материала, так и оценочных и образных средств, целью которых является формирование мнения реципиента.

4. При социально-политическом факторе адресованности в статьях учитываются политические предпочтения адресата, поскольку любая газета, как правило, придерживается определенных политических взглядов. При этом необходимо учитывать политические взгляды той или иной газеты в данный исторический период, поскольку на протяжении времени политические предпочтения газетных изданий могут меняться, соответственно, будет меняться и адресная направленность, а также выбор языковых средств.

5. Географическая и национальная адресованность уже заложены в самой газете и определяются тем, на территории какого государства они выпускаются. При этом существуют различные региональные издания, которые концентрируют внимание на события местного значения, а также издания, предназначенные для аудитории определенной национальности. То же можно сказать и о таких параметрах как возраст (имеются издания как для молодежи, так и для людей старшего возраста), религиозные убеждения (имеются издания для людей различных конфессий, а также отдельные статьи направленные людям конкретных вероисповеданий).

6. С адресной направленностью тесно связано понятие дискурса, под которым понимается сложная коммуникативная единица (устная или письменная), представленная в виде последовательности связанных между собой предложений или в виде текста, в совокупности со всеми экстралингвистическими реалиями

(социокультурными, историческими и т.д.). Дискурс всегда предполагает наличие как минимум двух коммуникантов: отправителя и получателя сообщения, следовательно дискурс всегда адресован.

7. Помимо адресованности при анализе газетного сообщения всегда следует учитывать оценочность, поскольку с течением времени информация, в тексте статьи может стираться из памяти, но отношение к событиям, описываемым в статье и их оценка, всегда остаются. Поэтому при переводе важно стремиться сохранить оценочность текста, поскольку адресная направленность влияет на выбор оценочных средств. Оценка бывает рациональной, эмоциональной и эмотивно-интеллектуальной. Также в оценке присутствуют субъективный и объективный компоненты, она может быть общей и частной, открытой и скрытой, аффективной. В публицистике выделяются универсалии, представленные в виде идеологемы, шкалы ценностей, оценочности, образа автора, в соответствии с которыми определяется оценочность текста газетной статьи. На основе работ посвященных оценочности можно сделать вывод, что оценка может проявляться на трех уровнях: 1) оценка на низшем (лексическом) уровне; 2) оценка на среднем (идиоматическом) уровне; 3) оценка на высшем (коммуникативно-прагматическом) уровне.

8. Категории адресованности и оценочности могут передаваться и при переводе. При передаче адресной направленности в переводе могут встречаться два случая: сохранение адресованности оригинального сообщения и ориентация на конечного получателя перевода. При сохранении адресованности в большей степени сохраняются намерения автора статьи представить информацию в определенном свете. При этом отношение к этой информации получателя оригинала и получателя переводного текста будет значительно различаться в связи с пребыванием в различном социокультурном пространстве. При ориентации на конечного получателя перевода (намеренной или ненамеренной) могут иметь место лексико-семантические сдвиги, которые вызывают изменение адресной направленности текстов, в результате чего прагматический эффект между текстом оригинала и

перевода будет различаться. Также при переводе важно сохранять оценочность на всех уровнях: лексическом, идиоматическом и прагматическом. Однако нередко при переводе в результате применения тех или иных переводческих трансформаций может наблюдаться повышение или наоборот нейтрализация оценки.

Глава 3: Газетный текст в сопоставительно-переводческом аспекте

3.1. Понятие оценки качества перевода

Развитие такой области в переводоведении, как оценка качества перевода, началось с середины XX в., когда возникла необходимость оценить конечный продукт, предоставляемый клиентам. В результате появилось много различных подходов к решению данной проблемы. При рассмотрении этих подходов можно выделить две большие группы: количественная / *quantitative model* и неколичественная / *non-quantitative model* модели оценки качества перевода. Однако каждая из этих моделей рассчитана на определенные виды текста: специальные и художественные, в результате чего появляются расхождения в подходах к оцениванию перевода. При этом нет мнения о том, как оценивать публицистические тексты, в частности газетные статьи, содержащие в себе элементы обоих типов текста.

3.1.1. Теоретические и практические модели оценки качества перевода

3.1.2 Количественная и неколичественная модели оценки качества перевода в зарубежных исследованиях.

3.1.2.1 Количественная модель в зарубежных исследованиях

Как уже было сказано, существует два подхода к решению проблемы оценки качества перевода: количественный и неколичественный. ***Количественные модели оценки качества перевода***, как правило, создаются для определенных организаций с целью их практического использования. Эта модель основывается на выборочной проверке одного или нескольких фрагментов текста, в котором допускается / не допускается определенное количество переводческих ошибок. В зависимости от количества и качества ошибок перевод считается приемлемым или неприемлемым. Так, одной из первых организаций, которая разработала свою шкалу и критерии оценки качества перевода, является Канадское государственное переводческое бюро / *Canadian translation Bureau*, предложившая модель оценки *Sical* (Canadian Language

Quality Assessment System). Принцип оценки перевода этой модели состоит в следующем: качество перевода оценивается по четырехуровневой шкале на отрывке текста, насчитывающем 400 слов. Данная схема основывается на «квантификации ошибок и различии между переводческими и языковыми ошибками и существенными (major errors) и несущественными ошибками (minor errors)» (Willamce 2003: 3). Таким образом, к переводу высшего качества (superior) относится перевод, в котором не допущено существенных ошибок и присутствует максимум 6 несущественных (A); полностью приемлемым переводом / *fully acceptable* считается перевод, в котором 0 существенных ошибок и до 12 несущественных (B); если при переводе допущена 1 существенная ошибка и до 18 несущественных, такой перевод считается удовлетворительным, но требующим коррекции / *revisable* (C); если при переводе допущено более 1 существенных ошибок и более 18 несущественных, такой перевод считается неприемлемым / *unacceptable* (D). (Ibidem).

Организация *SAE*, работающая в сфере автомобильной промышленности и создающая технические тексты, связанные с автомобильной отраслью, предложила свою шкалу оценки качества перевода, созданную специально для нужд технического перевода с целью защиты клиентов от некачественного перевода, который может повлечь за собой непредвиденные последствия. *SAE* предлагает следующую классификацию: данная организация разделяет ошибки на неправильные термины / *wrong terms*, синтаксические ошибки / *syntactic error*, опущения / *omission*, неверную структуру слова / *word structure*, орфографические ошибки, пунктуационные ошибки, смешанные ошибки (любая лингвистическая ошибка, относящаяся к тексту целевого языка, которую нельзя с полной ясностью отнести к одной из вышеперечисленных категорий) (SEA). Во всех пунктах подробно описано, что включает в себя каждая из вышеперечисленных переводческих ошибок. Помимо представленных семи категорий в шкале оценки качества перевода даются еще подкатегории, которые делят ошибки на серьезные / *serious* и незначительные / *minor* (Там же: 3). Также авторы данной классификации

выявляют степень серьезности ошибок для каждой из семи категорий. Так, для неправильно использованного термина в переводе при серьезной ошибке дается степень серьезности в размере 5-ти баллов, при незначительной ошибке дается 2 балла (Там же: 6). При синтаксической ошибке, опущении, неверной структуре и сочетаемости слов – 4 и 2 балла соответственно (Там же). Таким образом, чем выше количество серьезных ошибок, чем выше сумма набранных баллов, тем ниже качество перевода. Если редактор сомневается, к какому типу отнести ту или иную ошибку, допущенную в переводе (серьезной или незначительной), ее следует отнести к серьезной. Авторы этой классификации подчеркивают, что она была разработана для технических текстов, а именно, для автомобильной промышленности. Поэтому, если необходимо произвести оценку качества перевода текстов, в которых важен функционально-стилистический аспект, то эта классификация не подойдет, т.к. она рассчитана именно на тексты, лишенные выразительности (SEA). Тем не менее, данная классификация достаточно интересна с точки зрения ее практического применения. Так же, как и в предыдущей классификации, в ней на определенное количество слов текста допускается определенное количество ошибок.

К количественной системе оценки качества перевода относится и *ITR BlackJack*, разработанная британской компанией *ITR* и также рассчитанная на применение к техническим текстам. Система *BlackJack* насчитывает 21 вид ошибок, которые могут быть допущены при переводе. К таким видам ошибок относятся неверное понимание исходного текста, опущения, неверный стилиевой регистр, синтаксические и грамматические ошибки и т.д. Каждой ошибке присваивается свой «вес» (weight), в соответствии с которым «вычисляется конечный счет» (Secař 2005: 41) и, соответственно степень качества перевода. Однако и эта система не может считаться универсальной, поскольку для некоторых видов ошибок использованы слишком общие понятия: например, что имеется в виду под ошибкой «неверное истолкование исходного текста» (misinterpretation of STL) (это искажение текста или

только неточности, допущенные при переводе?); или разнесение практически одинаковых видов ошибок в отдельные категории (*spelling error* и *spelling deviation*), при этом им присваивается одинаковый «вес» - 3 балла. (Secarǎ 2005: 41)

Еще одной моделью количественной оценки качества перевода является система, разработанная американской ассоциацией переводчиков *ATA* (*American Translators Association*). Данная ассоциация выделила 24 типа ошибок (дополнения / *addition*, двусмысленность / *ambiguity*, связность / *cohesion* и т.д.), на основе которых и проводится оценка качества перевода (*ATA*). Однако данная система оценивания считается не вполне удобной, т.к. выделено достаточно много критериев, которые необходимо учитывать при оценке качества перевода. Также в этой модели даются не всегда четкие определения конкретных ошибок, что может вызывать некоторые трудности при оценивании перевода (Тишин).

Наиболее удобной и применимой для всех нехудожественных текстов считается модель оценки качества перевода, разработанная *LISA* (*the Localization Industry Standards Association*). В основе этой модели также лежит классификация переводческих ошибок по степени их серьезности. Список этих ошибок и неточностей достаточно внушительный, поэтому данной системой удобно пользоваться в электронном виде, а именно, в рамках разработанного данной компанией программного обеспечения (Там же). Эта программа представлена в виде удобной таблицы, в которой переводческие ошибки разбиты на категории: по вертикали идут типы ошибок (неверный перевод, точность перевода, терминология и т.д.), по горизонтали представлены ошибки по степени серьезности (незначительные, существенные и критические), затем идет графа общего количества ошибок, а также максимально допустимое количество ошибок (незначительных, существенных и критических) на определенное количество слов в тексте. Для вычисления качества перевода применяется индекс качества перевода, который рассчитывается по формуле в зависимости от количества ошибок в определенном отрезке текста (*ATA: 2002*).

Как мы видим, система количественной оценки качества перевода вполне удобна в применении на практике для определенных типов текстов. Такая система достаточно точно оценивает перевод, однако она, в основном, рассчитана на тексты, лишенные выразительных средств, хотя в некоторых моделях оценки качества перевода (таких как *LISA* и *ATA*) и представлена отдельная графа «стилистические ошибки», «регистр».

3.1.2.2 Неколичественные модели в зарубежных исследованиях

Однако количественная модель была подвергнута критике сторонниками *неколичественной модели оценки качества перевода*. Представители данного подхода отмечают, что сторонники количественного метода ориентируются на микротекстуальный уровень оценки качества перевода, не беря во внимание макротекст. Поскольку текст является единым целым, нельзя рассматривать ошибки на уровне отдельных лексических единиц или предложений в отрыве от всего остального текста. В основном, сторонники этого подхода опираются на такие понятия, как эквивалентность и адекватность. При этом стоит отметить, что данный подход является скорее теоретическим.

Среди зарубежных исследователей, занимающихся данной проблемой, можно назвать М. Уильямса, Дж. Хауса, С. Халверсон и др. Начало данной теории заложил Дж. Кэтфорд, который ввел понятие переводческих сдвигов (*shifts*) (*Catford*), неизбежно возникающих в переводе. Далее идеи Дж. Кэтфорда были развиты другими исследователями.

Дж. Хаус, говоря об оценке качества перевода, делает акцент на важности функциональной эквивалентности, которую считает «основополагающим критерием качества перевода» (House 1997: 31). Идея эквивалентности заключается в «в сохранении смысла в двух языках».(House 1997: 30) В связи с этим, она предлагает три наиболее важных для перевода аспекта значения: семантический, прагматический и текстуальный (House 1997: 30-31). Таким образом, перевод понимается как «реконтекстуализации текста в одном языке посредством создания

семантически и прагматически эквивалентного ему текста в переводящем языке». (House 2001: 247) Функциональная эквивалентность переведенного текста оригиналу определяется как использование текста в особом ситуативном контексте, основными чертами которого являются область (field), метод (mode) и направление (tenor). Понятие области относится к социальной активности, предмету, теме обсуждения; метод касается устных и письменных текстов и «возможности потенциального или реального участия между писателем и читателем»; направление относится к типу участников, «автора и адресата, в условиях их социального, эмоционального статуса, временных и географических факторов». В связи с таким понятием эквивалентности, Дж. Хаус различает так называемые «открытые» (overt) и «скрытые» (covert) переводы. В открытом переводе, функция сводится к тому, что перевод «дает возможность читателям увидеть функции, которые содержатся в дискурсном мире оригинала». Открытый перевод рассматривается в рамках четырехкомпонентной аналитической модели, которая включает в себя функцию-жанр-регистр-язык/текст. При этом эквивалентность в данном виде перевода должна осуществляться на уровне языка/текста, регистра и жанра. Скрытый перевод, напротив, призван «имитировать функции оригинала в другом оформлении дискурса». Таким образом функцией «скрытого перевода» является «воспроизведение в целевом тексте функций, которые имеются в окружении и дискурсном мире оригинального текста». (House 2001: 250)

Г. Тури предлагает другой подход к проблеме оценки перевода. Говоря о переводе, он утверждает, что перевод – это «определяемая нормами деятельность». Данный вид деятельности затрагивает «два языка и две культурные традиции» (Toury 1995: 56). Таким образом, оба текста (оригинал и переводной текст) подчиняются и определяются нормами своего языка. В итоге переводчик может следовать либо нормам оригинального текста, либо нормам целевой культуры. Тури также предлагает концепцию норм перевода. При этом он упоминает о

«социокультурной специфичности» норм и их нестабильности (Toury 1995: 62). Позже концепция Тури была подвергнута критике со стороны Дж. Хаус.

Катарина Райс предлагает оценивать тексты в зависимости от функционально-стилистических особенностей текста. Так, исследователь делит все тексты на 4 категории: 1) тексты, нацеленные на содержание: в таких текстах важно описание фактов, передача смысла сообщения. К ним относятся газетные статьи, научные работы. Переводчик должен передать в первую очередь смысл сообщения; 2) тексты, нацеленные на форму: в таких текстах главную роль играет эстетическая, художественная функция. К таким видам текста относятся художественная проза и поэтические произведения; 3) тексты с апеллятивной функцией: в текстах данного типа основной является функция убеждения. К подобным видам текстов относятся пропаганда и реклама. При переводе таких текстов главной целью является произвести такой же эффект на реципиента, как и в тексте оригинала; 4) медийные тексты: тексты, которые не передаются в письменном виде. К ним относятся пьесы, устные выступления. Таким образом, Райс различает смысл сообщения и форму. Она разграничивает лингвистические элементы (семантика, лексика, грамматика) и стилистические аспекты экстралингвистических элементов (коммуникативная ситуация, тема, период времени, место, аудитория и т.д.) (Reiss 2000, Delpech 2014). Подобной же концепции придерживается в рамках скопос-теории и Кристиана Норд. В рамках данной концепции наиболее важным оказываются понятия цели (aim) (или «конечного результата, которые необходимо достичь посредством действия»), задачи (purpose), как «предварительной стадии в процессе достижения цели (aim)», функции (function) и намерения (intention) (Nord 2014: 28). Норд выделяет четыре функции текста: фатическая, референтная, экспрессивная и апеллятивная, которые могут по-разному выражаться в тексте и вызывать некоторые проблемы при переводе (Nord 2006: 131-143). Норд также разбирает примеры, проблемы и способы перевода различных текстов, однако не приводит какой-либо однозначной шкалы оценки качества перевода.

С. Халверсон придерживается когнитивного подхода к оценке перевода и переводческих сдвигов. Под переводом она понимает процесс динамического конструирования значения. Наиболее важными областями в данном процессе являются когниция (cognition), соглашение (convention) и контекст (context), где в итоге могут возникать переводческие сдвиги (Halverson 2001: 105-121).

М. Уильямс представляет определения, предложенные экспертами промышленного контроля качества (industrial quality control (ICQ)). Они разделяют различные дефекты следующим образом: критические ошибки (или дефекты) (critical defects), значительные ошибки (major defects) и незначительные (minor defects). Критические и существенные дефекты имеют значительные, неблагоприятные последствия для конечного пользователя. При этом «незначительные дефекты подобны нескольким царапинам на машине и не ухудшают ее работу, хотя будущий покупатель может это не одобрить» (Williams 2003: 63). М. Уильямс также предлагает свой подход к этой проблеме, основанный на понятии аргументации. Исследователь предлагает осуществлять оценку качества перевода, основываясь на следующих категориях дискурса: 1) аргументационная макроструктура, куда входят утверждение (claim/discovery), основы аргументации (grounds), предписание (warrant), опора (backing) определитель (qualifier/modalizer), опровержение (rebuttal/exception) и риторическая типология. М. Уильямс предлагает проверить наличие всех указанных компонентов аргументационной макроструктуры в исходном тексте, а затем сравнить исходный и переводной тексты. Если в переводном тексте будет неверно передан какой-либо компонент аргументационной макроструктуры, присутствующий в ИТ, тогда искажение этого элемента будет считаться критической ошибкой. (Williams 2001: 336-342) Ученый также дает следующие определения различным типам ошибок: критические ошибки (critical errors) – ошибки ухудшающие перевод аргументационной макроструктуры, т.е. сюда относится неверный перевод на уровне текста; существенные ошибки (major errors), вызывающие определенные трудности, но не искажающие смысла; другие виды

сдвигов считаются незначительными. При этом незначительные ошибки (minor errors), как правило, затрагивают стилистический компонент значения слова. (Williams 2003: 113)

Как мы видим, неколичественная модель применима для оценки текстов, содержащих элементы выразительности. Однако авторы, предлагающие такой подход, не дают какой-либо конкретной шкалы оценки качества перевода.

3.1.3 Количественная и неколичественная модели оценки качества перевода в отечественных исследованиях

В русском переводоведении ученых также занимает проблема оценки качества перевода. Зачастую отечественные исследователи в области теории перевода больше склоняются к неколичественной модели. Наиболее важное место они отводят таким критериям оценки качества перевода, как адекватность и эквивалентность.

Далее при рассмотрении различных подходов к проблеме оценки качества перевода, мы увидим, что исследователи в своих работах нередко используют такое понятие, как «переводческая ошибка», которое необходимо уточнить. Так, Н.К. Гарбовский отмечает, что переводческие ошибки «совершаются бессознательно», в связи с «недостаточной образованностью переводчика, недостаточным владением языком оригинала, недостаточным знанием предмета мысли автора». (Гарбовский 2007: 514) Е.В. Аликина определяет переводческую ошибку, как «непреднамеренный сбой в реализации переводческой стратегии, нарушающий норму, снижающий качество перевода и мешающий достижению его цели». (Аликина 2011: 117) Н.А. Калошина говорит, что переводческие ошибки – это «ошибки, приводящие к нарушению эквивалентности, несоответствию содержания перевода содержанию оригинала» (Калошина 2011: 18). Как видно из данных определений, авторы сходятся в том, что ошибка при переводе возникает бессознательно, но такая ошибка существенным образом может повлиять на восприятие текста реципиентом и достижение цели автором оригинального текста. Таким образом, в данной работе под переводческой ошибкой будет пониматься

несоответствие перевода оригиналу на каком-либо уровне (лексическом, синтаксическом, стилистическом), которое возникает непреднамеренно и неосознанно в силу различных причин (недостаток фоновых знаний, знаний языка перевода, тематики и т.д.), но которое может привести к частичной или полной утрате эквивалентности и/или адекватности переводного текста и сказаться на конечном результате.

В русской традиции существуют различные пособия, посвященные редактированию перевода, предназначенные как для переводчиков, так и для редакторов. В данных пособиях предложены требования к конечному переводу. Так, в пособии Г. Моисеенко выдвигаются следующие требования к приемлемому переводу – помимо выполнения требований заказчика, автор пособия делает акцент на обязательной адекватности текста перевода тексту оригинала, а именно: адекватности передачи смысла оригинала, единообразии терминологии и стиля всего документа, отсутствие пропусков текста, соответствие правилам и нормам языка перевода (Моисеенко 2014: 6-7). Как указывает Г. Моисеенко, «адекватность является первостепенным требованием к переводу» (Там же: 6). Под адекватным переводом автор подразумевает «полную и точную передачу содержания оригинала, имеющую общепринятую терминологию и соответствующую нормам языка в соответствующей области» (Там же: 6-7), полностью сохраняющую прецизионную информацию текста оригинала. В пособии автор дает практическое руководство по переводу единиц, которые могут вызвать у переводчика некоторые сложности (перевод географических названий, аббревиатур, единиц физических величин и т.д.). Также Г. Моисеенко дает практическое руководство по оформлению документа, его форматированию, возможности использования информационных ресурсов для обеспечения адекватности перевода. Предлагая различные рекомендации по переводу тех единиц, которые могут вызывать трудности, автор дает примеры, как не совсем верных или нежелательных вариантов перевода (особенно в разделе

«требования к стилю»), так и наиболее подходящих вариантов перевода, делая пояснения, почему предпочтителен именно этот вариант. (Моисеенко 2014).

Н.А. Калошина в пособии «Редактирование переводов» также дает практические рекомендации, на какие ошибки необходимо обращать внимание при редактировании переводов. Исследователь выделяет ошибки исходного текста; ошибки передачи исходного содержания, к которым относятся фактические ошибки (неверный перевод реалий, географических названий, имен собственных, интернациональных слов, терминов, слов с широкой понятийной основой и т.д.) и логические, в которые входят амфиболия, противоречия, подмена понятий и др.; ошибки выражения (ошибки выбора слова, нарушение сочетаемости слов, речевая избыточность и др.). Помимо редактирования и выявления переводческих ошибок на микроуровне, т.е. на уровне слов и предложений, Н.А. Калошина отмечает важность «умения видеть целое» (Калошина 2011: 49) и редактировать текст на макроуровне, а именно проверять корректно ли использованы термины, воспринимается ли текст, как единое целое и ряд других вопросов, которые необходимо учитывать при редактировании переводов. (Калошина 2011: 48) Как уже было сказано, пособия представляются интересными для практикующих переводчиков и редакторов, однако, в данных работах не предлагается единого критерия оценки качества перевода, а именно той шкалы, благодаря которой можно количественно оценить качество перевода.

М. А. Орел разработал следующие требования к специальному переводу: полное функционально-коммуникативное и смысловое соответствие оригиналу, абсолютная верность и точность употребляемой терминологии, стилистическое соответствие, отсутствие орфографических и др. ошибок, сохранение форматирования исходного текста. (Орел 2012: 118)

В. Н. Крупнов, рассматривая различные теоретические подходы к оценке качества перевода, приходит к следующему выводу: оценка качества перевода должна состоять из четырех основных операций: 1) оценки качества перевода слов и

словосочетаний; 2) оценки перевода предложений и, таким образом, текста в целом; 3) оценки качества передачи элементов экспрессии и стилистических особенностей оригинала; 4) оценки «звучания» и силы воздействия всего переведенного текста в сравнении с оригиналом (Крупнов 1976). То есть оценка должна производиться как на микро-, так и на макроуровнях.

При рассмотрении критики художественного перевода О. С. Сапожникова предлагает свою многоаспектную методику, согласно которой художественный перевод следует оценивать с учетом следующих уровней: денотативный, концептуальный, дискурсивный, коннотативный, прагматический. (Сапожникова 2009: 12)

М.А. Куниловская при рассмотрении перевода письменных текстов выделяет два типа ошибок: смысловые и языковые (т.е. ошибки выражения) ошибки. Далее эти две группы ошибок разделяются на более конкретные виды ошибок. (Куниловская 2013)

Проблемой оценки качества перевода занимается также Н. К. Гарбовский. В своей работе исследователь выстраивает типологию переводческих ошибок, в которой рассматриваются в основном ошибки в понимании смысла текста оригинала, которые в итоге приводят к искажениям при переводе. Рассмотренные автором ошибки происходят на уровне «знак – простое/сложное понятие», «знак – суждение», «понимания предметной ситуации» и т.д. Однако, в данной работе не указано, по какой шкале следует оценивать подобные переводческие ошибки и каким образом можно применить эту классификацию на практике.

Также говоря об ошибках, совершаемых переводчиками, А.Б. Шевнин говорит о трех типах несоответствий, которые могут происходить как «в процессе понимания, так и в процессе порождения» текста (Шевнин 2003: 38). К этим ошибкам относятся когнитивные, лингвокультурные и языковые несоответствия. Как указывает автор, языковые несоответствия происходят в силу «недостаточно

хорошего знания ИЯ или ПЯ». (Шевнин 2003: 38) Также исследователь выделяет несоответствия рецептивного и экспрессивного типов.

Разработкой классификации по степени серьезности/несерьезности переводческих ошибок занимается Ю.Л. Успенский. Каждой ошибке, как и в случае с количественной моделью, присваивается свой балл: например, неточность при переводе оценивается ученым от 0,25 до 0,5 балла, пропуск эквивалента – 1 балл. В соответствии с количеством набранных баллов устанавливается качество перевода. (Успенский 2002) Данная классификация с одной стороны, не такая подробная, как западные количественные модели, что более удобно в практическом использовании, однако, как выразился В.В. Сдобников, она содержит некую неопределенность. (Сдобников 2015)

Все представленные выше подходы к оценке качества перевода российскими учеными в большей степени относятся текстоцентрической модели оценки. То есть при данных подходах устанавливается лингвистическое соответствие или несоответствие перевода оригиналу. При этом в них уделяется недостаточное внимание коммуникативно-функциональному аспекту оценки перевода.

Коммуникативно-функциональный подход к оценке качества перевода предлагает В.В. Сдобников. Согласно этому подходу оценка «должна осуществляться с учетом условий и параметров коммуникативной ситуации, требований и ожиданий различных субъектов, входящих в структуру коммуникативного акта» (Сдобников 2015: 95). Исследователь отмечает, что от характера коммуникативной ситуации, а также от типа переводного текста будет зависеть субъект оценки, т.е. тот, кто осуществляет оценку качества перевода. В своем исследовании ученый говорит о том, что может быть несколько субъектов оценки перевода, среди которых могут быть редактор технического текста, критик художественного перевода (при этом инициатор перевода практически никогда не является оценщиком), однако основным оценщиком, по мнению автора, является получатель перевода. Соответственно, при таком подходе необходимо учитывать

особенности восприятия получателя перевода, его ожиданий и потребностей, что «является одним из основных факторов, определяющих результирующую оценку качества перевода» (Сдобников 2015: 96). При этом, говоря об оценке качества перевода, В.В. Сдобников утверждает, что данное понятие имеет значение лишь для «теоретического исследования учеными в области перевода и бесполезно при практической оценке качества перевода в реальной жизненной ситуации» (Сдобников 2014: 306).

Коммуникативно-функциональный подход к переводу поддерживает и Е.А. Княжева. Рассматривая заключительный, постпереводческий этап оценки перевода на примере переводов студентов, исследователь отмечает важность проведения оценки качества перевода на уровнях смыслового содержания и языкового оформления текстов. Ученый утверждает, что «конкретное наполнение данных уровней варьируется в зависимости от способа перевода, цели перевода и конкретной переводческой ситуации». (Княжева 2012: 171) Е.А. Княжева также отмечает важность учета оценки качества перевода «конечным потребителем». (Княжева, Зюзина 2011)

Т.А. Казакова в рамках информационного подхода к переводу при рассмотрении стратегий, осуществляемых при передаче художественных текстов (к которым относятся не только перевод художественной прозы, но также и перевод научно-популярных, публицистических и др. нетехнических текстов), отмечает, что при переводе такого рода произведений необходимо учитывать тип информации, заложенный в эти тексты, т.е. переводить и оценивать перевод согласно информационному принципу. Согласно этому принципу всякое значение представляет собой информацию, под которой понимается «воздействие текста на наше сознание, которое затрагивает не только разум, но также чувства, воображение, опыт» (Казакова 2015: 2843). Исследователь различает объективную информацию, к которой относятся лингвистическая информация (стиль, лексика, грамматика), культурная (социально-историческая) информация и информация предметной

области и субъективную. К субъективной относятся личный смысл автора и личный опыт и воображение читателя. К субъективной информации также относятся эмотивные, экспрессивный и оценочные значения. Потеря или искажение одного из них как в художественном, так и в нехудожественном, текстах может привести к «сдвигу или смещению не только акцента, но и самих концептов или идей, т.е. логического значения сообщения». (Казакова 2015: 2844) Таким образом, ученый приходит к выводу, что все элементы как объективной, так и субъективной информации важны для «структуры значения». В качестве стратегий, принимаемых переводчиками при художественном переводе исследователь выделяет объективную стратегию, т.е. стратегию обозревателя и необъективные стратегии, т.е. стратегия помощника и стратегия просветителя при переводе художественных текстов.

Таким образом, среди теоретических подходов российских исследователей можно выделить текстоцентрический и коммуникативно-прагматический подходы к оценке качества перевода.

В российских переводческих компаниях применяются количественные модели оценки качества перевода. Как правило, в России применяется шкала, основанная на упомянутой выше модели *LISA*.² Качество перевода оценивается согласно индексу качества перевода, т.е. количественного показателя качества перевода, который рассчитывается по следующей формуле: $TQI = (1 - EP/W) \cdot 100$, где *EP* (Error Points) – суммарное количество баллов ошибок, а *W* (Words) – количество слов в тексте. По степени серьезности различают недочеты, негрубые ошибки и грубые ошибки. Что касается самих ошибок, то их делят на *нормативно-языковые* (к которым относится нарушение норм языка перевода: орфографические, пунктуационные, лексико-семантические, грамматические, фразеологические ошибки); *смысловые* (искажение содержания оригинала – степень серьезности смысловой ошибки зависит от степени

² Вся информация о применении оценки качества перевода в российских переводческих компаниях была любезно предоставлена директором переводческого агентства «Литерра» Мищенко И. А.

искажения смысла оригинального текста и определяется редактором); *терминологические* (использование неверных терминов). *TQI* рассчитывается в процентах. В результате всех вышеперечисленных факторов, устанавливаются нормы качества: 98-100% – отличное качество перевода, 95-97% – хорошее качество перевода, 90-94% – удовлетворительное качество перевода, менее 90% – неудовлетворительное качество перевода.

Итак, в русской переводческой традиции также имеется два подхода к проблеме оценки качества перевода: теоретический и практический. Теоретический основывается на таких понятиях, как адекватность и эквивалентность, и принадлежит к неколичественной системе, а практический, относясь к количественной модели, широко применяется в переводческих компаниях, но используется в основном для оценки специальных текстов.

3.2. Виды лексико-семантических расхождений

Из рассмотренных выше подходов к проблеме оценки качества перевода видно, что многие ученые разделяют переводческие ошибки на три типа: серьезные, средние и незначительные. Такую классификацию можно увидеть, в частности, в работах М.Уильямса. В количественных моделях оценки качества перевода присутствует двухсистемная классификация ошибок, а именно ошибки делятся на серьезные и незначительные. К серьезным относятся различного вида искажения или неверное использование терминологии, к незначительным – синтаксические, стилистические и др. виды ошибок. При этом в приведенных выше подходах нет четкого определения лексико-семантических расхождений, возникающих при передаче текста с одного языка на другой, которые также следует учитывать при оценивании перевода.

Данной проблемой в связи с анализом редактирования переводов занимается Т. А. Казакова, в частности, рассматривая вопрос о вынужденных и невынужденных отклонениях при переводе. (Казакова 2013) В процессе обсуждения на лекциях и семинарах критериев оценки качества перевода Т. А. Казакова предложила

следующую классификацию лексико-семантических расхождений с исходным текстом, возникающих на основе отклонений при переводе: сдвиги, смещения и искажения. К **лексико-семантическим сдвигам** относятся расхождения в значении слова, незначительно влияющие на смысл переводимого сообщения. Как правило, к ним относятся стилистические сдвиги, затрагивающие коннотативные компоненты значения. Под **лексико-семантическими смещениями**, или расхождениями средней степени подразумеваются такие сдвиги, при которых происходит заметная потеря или изменение информации, затрагивающие несколько компонентов значения, в том числе и предметно-логические семы. К **лексико-семантическим искажениям** относятся сдвиги в значении слова, которые существенно влияют на смысл сообщения, могут привести к нежелательной реакции на это сообщение и ввести в заблуждение читателя относительно сказанного в исходном тексте.

При рассмотрении оценки качества перевода публицистических и, в частности, газетных текстов (а именно газетных и авторских статей), где с одной стороны важна точная передача прецизионной информации и фактов, а с другой – сохранение индивидуального стиля автора и его воздействия на адресата, можно комбинировать два подхода: 1) оценка стилистического и функционального соответствия переведенного текста оригиналу; 2) выявление ошибок на уровне отдельных слов и предложений. Второй подход включает рассмотрение ошибок, которые были допущены непосредственно в самом предложении и которые сказываются на содержании и восприятии переведенного текста реципиентом, и могут повлиять на изменение коннотативного значения текста в целом. В итоге можно сделать следующий вывод: для оценки переводов подобных текстов, где важна и информативная, и апеллятивная функции, считается возможным соединить количественную и неколичественную шкалы оценки перевода.

Таким образом, оценку качества перевода публицистических и газетных текстов можно представить в виде трехуровневой системы: микроуровень, мезоуровень и макроуровень.

Микроуровень – низший уровень оценки качества перевода, где анализ производится на уровне перевода морфем и отдельных лексических единиц и выявляется верная или неверная передача смысла и оттенков значения на лексическом уровне.

Мезоуровень³ – это средний идиоматический уровень оценки качества перевода, на котором анализ соответствия оригинального текста переводу производится на уровне словосочетаний и предложений.

Макроуровень – высший уровень, на нем анализ производится в рамках коммуникативно-прагматического намерения и показывает соответствие передачи коммуникативной направленности между текстом оригинала и перевода, а также выявляется адекватность перевода в целом.

В итоге все допущенные в переводе ошибки рассматриваются в соответствии с этими тремя уровнями. Затем неверный перевод каждого уровня подразделяется на возникающие при переводе семантические сдвиги, смещения и искажения, которые на каждом уровне будут оцениваться по-разному в соответствии со степенью серьезности ошибки. Например, переводческий сдвиг, совершенный на макроуровне будет оцениваться, как более грубая ошибка, чем сдвиг на микроуровне и мезоуровне. При этом также следует помнить, что допущенная при переводе ошибка на микро- или мезоуровне может повлиять (и, как правило, влияет) на смысл макроуровня.

³ **Мезоуровень** (от греч. *mésos* / «средний»). Этот термин употребляется в основном в экономической и социологической терминологии, означает «средний, промежуточный уровень чего-либо». Например, в экономике этот термин означает «уровень функционирования подсистем, имеющих сложную внутреннюю структуру. Такими подсистемами являются, например, отрасли, экономические регионы, конгломераты» (1, с. 8), т.е. «промежуточные между классическим (макро-) и квантовым (волновым) микромиром экономики» (4, с. 5). Также греческая приставка «мезо-» нередко используется и в других науках, означая «средний». Среди проанализированной литературы в переводоведении термин «мезоуровень» не встречается, тем не менее, он имеет полное основание употребляться и в этой науке, сохраняя тот же смысл – средний уровень оценки качества перевода.

Подводя итог, следует сказать, что как в русской, так и в зарубежной переводческих традициях, существуют два подхода к проблеме оценки качества перевода: количественная и неколичественная модели. Модель количественной системы логично построена и достаточно эффективно применяется на практике, однако она не очень удобна, поскольку имеет пространственные ограничения (на определенное количество слов допускается определенное количество ошибок). Такая шкала позволяет оценивать не только весь текст целиком, но и отдельные его сегменты. При этом количественная модель не подходит для оценки художественных и публицистических текстов, в которых содержится экспрессивный элемент. Поэтому для оценки художественных текстов, особенно поэтических, подходит именно неколичественная система оценки качества перевода, где, как мы уже упоминали, переводной текст может быть адекватным, но неэквивалентным. Следовательно, количественная модель больше подходит для оценки перевода различной документации (юридической, технической и др.), а неколичественная – для оценки художественных текстов. При рассмотрении публицистических, в частности, газетных текстов, где важна точность передачи информации и сохранение индивидуального стиля автора, можно соединить два подхода к оценке качества перевода: количественная и неколичественная модели.

Также следует отметить, что предлагаемая трехуровневая система, включающая в себя микроуровень, мезоуровень и макроуровень, довольно удобна в использовании и позволяет оценивать перевод не только на уровне отдельных лексических единиц, но и на уровне коммуникативно-прагматического намерения.

Далее будут рассматриваться английские газетные статьи, и анализироваться семантические расхождения между лексическими единицами ИЯ и ПЯ, наблюдаемые в переводе этих текстов как неизбежное следствие различия между семантико-стилистическими свойствами исходного и переводящего языков ИЯ и ПЯ), а также возникающие в результате невынужденных переводческих трансформаций. Мы выделяем три основных типа семантических расхождений

между исходным и переводным текстами: сдвиги, смещения и искажения. Таким образом, анализ переводов статей будет ориентирован на эти три категории. Для анализа выбраны газетные статьи различной тематики, поскольку, как уже говорилось в первой главе, газетные очерки освещают самые разнообразные темы: политические, идеологические, экономические, культурные, социальные и т.д. Наблюдения показывают, что характер лексико-семантических отклонений в текстах переводов в определенной мере зависит от тематики газетного очерка.

3.2.1 Лексико-семантические сдвиги при переводе.

К лексико-семантическим сдвигам относятся расхождения в значении слова, незначительно влияющие на смысл переводимого сообщения. Как правило, к ним относятся стилистические сдвиги, затрагивающие коннотативные компоненты значения.

3.2.1.1. Неоправданные добавления при переводе

Во многих рассмотренных статьях при переводе с английского языка на русский переводчики нередко передают одну исходную лексическую единицу при помощи двух слов, то есть используют трансформацию добавления. Возможно, использование трансформации добавления вызвано тем, что переводчик при передаче текста с одного языка на другой стремится сделать текст более выразительным в соответствии с русской литературной традицией или привлечь внимание читателя. В результате приема добавления сообщение может приобретать новый коннотативный оттенок, которого нет в тексте оригинала. Как правило, подобные сдвиги происходят на микроуровне, т.е. на лексическом уровне.

3.2.1.2 Неоправданные добавления при переводе в политических текстах

Нередко прием добавления встречается в текстах статей политической тематики, что, в итоге, приводит к излишней эмфатизации всего сообщения, добавлению новых коннотаций, как это произошло в следующем примере:

Оригинал**Перевод**

1. The recently-concluded, drawn out court battle in the United Kingdom between rival oligarchs Boris Berezovsky and Roman Abramovich highlights how difficult it can be to get to the “bottom of things” in Russia’s very **murky** business and political climate—a point that Justice Gloster noted in her judgment. (Getting Human Rights Sanctions Right, The National Interest)

Завершившаяся недавно в Британии напряженная судебная баталия между враждующими олигархами Борисом Березовским и Романом Абрамовичем показала, насколько трудно в таких делах «добраться до сути» - особенно когда речь идет о **загадном** и **мрачном** мире российского бизнеса и политики, что и отметила судья Глостер в своем заявлении. (Разобраться в правозащитных санкциях, ИноСМИ)

В русском переводе прилагательного *murky* используются сразу два определения *загадный* и *мрачный*, которые синонимами не являются. Данное переводческое решение не совсем удачно, поскольку ЛЕ *murky* означает «темный, мрачный» (НБАРС) или же «неясный, нечистый, сомнительный (obscure or morally questionable)» (OED) и не содержит в себе значения «загадный». Возможно, второе слово-определение, по мысли переводчика, призвано передать наречие-усилитель *very*, но в результате добавленное слово внесло в текст неоправданную сему «загадности». Возможно, наиболее подходящим вариантом было бы слово «непостижимый».

Данный вид переводческих сдвигов встречается довольно часто при передаче текста с одного языка на другой. Так, в статье *Russia's ban on US adoption isn't about children's rights, The Guardian/* Запрет на усыновление не связан с правами детей, ИноСМИ, слово *sordid* (involving immoral or dishonourable actions and motives; arousing moral distaste and contempt) (OED) было переведено при помощи ЛЕ *жалко* и *отвратительно*. Оба эти значения содержатся в исходном слове *sordid* (НБАРС) и в переводе служат только для уточнения сложившейся ситуации, хотя, возможно, более уместным решением здесь было бы: *и обе страны ведут себя постыдно*.

В той же статье можно рассмотреть еще два примера, которые показывают не всегда уместное использование трансформации добавления. Например, ЛЕ *benevolent superpower*, относящаяся к определению Америки, переводится при помощи двух слов *доброжелательный и великодушный*. Здесь, как и в предыдущем примере, употребляются значения, входящие в состав значения ЛЕ *benevolent* (well meaning and kindly) (OED), хотя все же значение данной ЛЕ больше тяготеет к значению *доброжелательный*, нежели *великодушный*. В результате перевод усиливает положительную оценку в определении. Такое коммуникативно-прагматическое усиление в известной мере противоречит нейтральному стилю ИТ.

В следующем примере слово *cares* переводится, как *думает и заботится*. В этом случае ЛЕ *думать* (в значении *тревожиться, беспокоиться*) (ТСРЯ) и *заботиться* также передают лексико-семантическое значение глагола *to care* (look after and provide for the needs of) (OED) и в переводе используются для придания большей экспрессивности предложения, хотя в сущности, такое удвоение носит характер плеоназма, что рассматривается как стилистическая погрешность в русском языке.

Таким образом, прием добавления в политических текстах приносит дополнительный оттенок значения, который не содержится в тексте оригинала, что в итоге, может повлиять на восприятие текста реципиентом.

3.2.1.3 Неоправданные добавления при переводе в экономических текстах

Случаи, когда одна лексическая единица переводится при помощи двух слов, встречается не только при переводе политических текстов, но также часто встречается и при переводе текстов на экономическую тему. Приведем некоторые из них:

Оригинал	Перевод
2. Only weeks ago, the Cypriot capital, Nicosia, was Russia's most important offshore accountant. (Did Putin Sink Cyprus? The New York Times)	Всего несколько недель тому назад столица Кипра Никосия была самым важным и значимым хранителем российских

оффшорных счетов. (Путин потопил Кипр?
ИноСМИ)

ЛЕ *important* (НБАРС), имеющая значение *важный значительный* (of great significance or value) (CoED), переведена при помощи двух синонимов, однако такое добавление избыточно, поскольку носит характер плеоназма, искажая стиль текста в переводе.

Оригинал

Перевод

3. That left little more than a servile web of **patronage**, a recipe for embezzlement of public funds. (Did Putin Sink Cyprus? The New York Times)

В результате на свет появилась лакейская система **протекции и покровительства**, ставшая готовым рецептом для хищения государственных средств. (Путин потопил Кипр? ИноСМИ)

ЛЕ *patronage*, означающая *покровительство* (НБАРС) (the support given by a patron) (Collins), переведена при помощи двух синонимов, имеющих одно и то же денотативное значение. При этом стоит отметить, что ЛЕ *протекция* относится к книжному слою лексики, в результате чего происходит повышение стилевого регистра речи, чего мы не наблюдаем в ИТ.

В некоторых случаях неоправданно добавляется не синонимичная лексическая единица, как в предыдущих примерах, а уточняющая. В статье «Путин потопил Кипр?» (Did Putin Sink Cyprus?) (The New York Times) рассказывается о современном экономическом состоянии на Кипре и почему российские компании и олигархи предпочитают хранить свои деньги в иностранных банках:

Оригинал

Перевод

4. **Whistle-blowers** would have us believe that even President Vladimir V. Putin stashes his money offshore

Бьющие тревогу разоблачители убеждают нас, что даже президент Владимир Путин хранит свои деньги за границей.

В этом примере использован прием добавления, который отсутствует в тексте оригинала. Так, к слову *whistle-blowers* (разоблачители, информаторы) (АВВУУ Lingvo 12) добавлено определение *бьющие тревогу*, хотя в тексте оригинала вовсе не

упоминаются, что эти разоблачители действительно бьют тревогу. Вероятно, данный прием добавления был сделан для придания тексту большей выразительности и экспрессивности, однако использование данного приема не оправдано, поскольку лексическая единица, употребленная в тексте перевода, отсутствует в исходном тексте. Таким образом, происходит сдвиг в восприятии текста читателем, поскольку это добавление несколько деформирует смысл, заложенный в данный текст.

Таким образом, в экономических текстах также имеют место добавления, которые могут повлиять на коннотативное значение сообщения.

3.2.1.4 Неоправданные добавления при переводе в социальных текстах.

Подобные сдвиги, при которых одна ЛЕ переводится при помощи двух слов, были обнаружены и при переводе текстов на социальную тематику

Оригинал	Перевод
5. Germany sees itself as virtuous for its frugality. Others see it as rapacious in its aggressive exporting, with the most important export now being unemployment. (Europe, Unemployment and Instability, Stratfor)	Германия считает себя добродетельной страной из-за своей бережливости. Другие же считают Германию грабительской и ненасытной из-за ее агрессивного экспорта, главной статьёй которого сегодня является безработица. (Европа: безработица и нестабильность, ИноСМИ)

ЛЕ *rapacious* имеет значение *алчный, жадный* (АВВУУ Lingvo 12) (aggressively greedy or grasping) (OED). Это слово переведено при помощи ЛЕ *грабительский и ненасытный*. Слово *грабительский* входит в состав значения *rapacious* (practising pillage or rapine). Однако выбор ЛЕ *ненасытный*, имеющей значение *жадный, алчный*, не в полной мере оправдан, поскольку это слово обладает более сильной отрицательной коннотацией, чем ЛЕ *rapacious*, и принадлежит к разговорному слою лексики (помета в словаре: прост., презр.). В результате значительно снижается регистр речи, что не соответствует стилю ИТ и усиливает негативную оценочность.

Оригинал**Перевод**

6. ... he believes that the persistent and misguided notion of marijuana as the primary gateway to more harmful substances went **awry**... (Study: The 'gateway drug' is alcohol, not marijuana, The Raw Story)

Вместе с тем, он считает, что устойчивое и неверное представление о марихуане как о главном стартовом наркотике, подводящем человека к применению более тяжелых наркотических веществ, является **искаженным и неправильным**. (Исследование: стартовый наркотик это алкоголь, а не марихуана, ИноСМИ)

ЛЕ *awry*, имеющая значение *искажённый, неправильный* (АВВУУ Lingvo 12) (away from the usual or expected course; amiss) (OED), переведена при помощи слов, входящих в состав значения ЛЕ *awary*. Однако следовало выбрать один вариант значения (например, *неправильный, неверный*, как более подходящий в данном контексте), поскольку такое добавление избыточно.

Таким образом, трансформация добавления в социальных текстах дает коннотативный оттенок значения, которого нет в тексте оригинала, что может ввести в заблуждение читателя.

Данные примеры показывают, что переводчики склонны усиливать лексико-семантическое значение английского слова, хотя словарные соответствия их к этому не вынуждают. Во многих их приведенных примеров в переводе мы имеем дело с таким понятием, как плеоназм, т.е. «употреблением близких по смыслу и потому лишних слов». (Голуб, Неклюдов 2011: 179) Как правило, плеоназм в тексте или речи расценивается как стилистическая погрешность, однако в некоторых случаях автор может намеренно вводить плеоназмы в свои произведения в качестве «средства усиления выразительности речи». (Голуб 2010) Нередко встречаются примеры плеоназмов в фольклоре (море-окиян, грусть-тоска). Таким образом, возможно, вследствие ориентированности на русскоязычного получателя конечного текста, а также под влиянием русских литературных традиций переводчик использовал этот прием при переводе. Делается это для придания большей

экспрессивности тексту, однако сопровождается некоторым изменением характера оценочных коннотаций. Такие добавления избыточны и не в полной мере оправданы, поскольку стиль оригинального текста более нейтральный и не содержит в себе той повышенной экспрессии и оценочности, которые появляются в переводном тексте. В целом эти добавления незначительно влияют на общий смысл текста, но все-таки стоит отметить, что любое добавление неизбежно сопровождается семантическим сдвигом и может, например, ввести в заблуждение читателя, в частности, за счет эмфатизации исходного значения.

3.2.1.5 Повышение / понижение регистра речи при переводе

При переводе газетных статей различных тематик с английского языка на русский переводчики в некоторых случаях повышают или же понижают стилевой регистр. Например, в статье «Не такие уж важные выборы» (Not as big an election as we think) (The Washington Post) анализируется значимость прошедших в США выборов и, в частности, говорится о важности политической гонки:

Оригинал

7. That is, will it mark a **momentous** change in U.S. foreign policy and attitudes toward the world — or will its result make no difference at all?

Перевод

Приведет ли она к **судьбоносным** изменениям во внешней политике США и отношении этой страны ко всему миру? Или она ничего не изменит?

Для перевода *momentous* (определение: of great importance or significance, especially in having a bearing on future events) (OED) используется слово *судьбоносный* (определение: имеющий очень важное, определяющее значение для судеб (судьбы) кого-, чего-л.) (БТСРЯ), что в данном случае не вполне обосновано, поскольку в значении английского слова нет указания на определение судьбы народа. Также стоит отметить, что слово *судьбоносный* относится к высокому книжному слою лексики, в то время как *momentous* является обычным словом, не содержащем в своем значении оттенка книжности и принадлежности к высокому стилю. Такой перевод приводит к повышению стилевого регистра переводного

текста, хотя в исходном тексте стиль нейтральный. Следовательно, более удачным вариантом перевода данной лексической единицы было бы слово «значительный». Однако нельзя сказать, что перевод этого слова существенным образом повлиял на смысл исходного сообщения – цель, использованная в оригинальном тексте для привлечения внимания читателя, достигнута в переводном тексте.

Также встречаются случаи, когда при переводе стилевой регистр, наоборот, снижается. В статье «Позорная и трусливая реакция на убийство американского посла в Ливии» (The Craven and Disgraceful Response to the Murder of the American Ambassador in Libya) (the Forbs, США), где резко критикуется скандально известный фильм «Невинность мусульман», повлекший за собой многочисленные беспорядки в мусульманских странах и смерть посла США и трех дипломатов:

Оригинал

Перевод

<p>8. I'm writing for an outlet, <i>Forbes</i>, that I greatly respect and that expects a high degree of professionalism from its contributors so I will refrain from using the sort of language that I'd really like to in order to respond to such pabulum.</p>	<p>Я пишу для Forbes – издания, которое я глубоко уважаю и которое ожидает от своих авторов высокого уровня профессионализма, - поэтому я воздержусь от тех выражений, в которых я хотел бы ответить на эту пошлятину.</p>
--	---

Для перевода слова *pabulum* используется лексическая единица *пошлятина*. Употребление слова *пошлятина* в данном случае не вполне уместно, поскольку слово *pabulum* означает бездарные или упрощённые идеи, банальщина, пошлость (АВВУ Lingvo 12) (bland or insipid intellectual matter, entertainment, etc.) (OED). Несмотря на то, что слово *pabulum* действительно означает «пошлость», оно относится к книжному слою лексики, то есть располагается в высоком стилевом регистре. В данном случае автор использует контраст: определяя полный оскорблений фильм и не желая «использовать те слова, которые он хотел бы использовать», журналист намеренно употребляет слово высокого (книжного) стиля для характеристики этого фильма, создавая особый стилистический эффект. В русском переводе, использовав лексическую единицу *пошлятина*, переводчик

значительно снизил регистр речи, а следовательно, усилил его оценочный компонент, т.к. слово пошлятина относится к разговорному слою лексики, т.е. именно к той лексике, которую автор не хочет употреблять. В результате такого сдвига в переводном тексте возникает логическое противоречие: автор заявляет, что не хочет употреблять резких выражений, но при этом пользуется достаточно оскорбительным просторечием. Таким образом, переводной текст не будет иметь такого же воздействия на русскоязычного читателя, как исходный – на англоязычного, поскольку стилистический прием, использованный автором, утрачен в переводе. В данном случае было бы уместнее употребить либо нейтральное слово, либо книжное, например, пошлость, безнравственность, вульгарность или тривиальность.

Еще один пример снижения стилового регистра встречается в переводе статьи «Отказываясь от Сергея Магнитского» (Abandoning Sergei Magnitsky) в газете Foreign Policy (США), в которой, однако, понижение стилового регистра происходит уже за счет передачи слова при помощи фразеологической единицы, которая имеет сниженный оттенок значения. В статье журналист Джеймисон Файрстоун достаточно критично, но при этом сдержанно рассматривает политику российского правительства. В частности, он указывает на усиление, по его словам, авторитарности, режима в нашей стране. В связи с этим журналист говорит о том, что молодым людям внушаются нужные для правящей партии идеи, и вот что он об этом пишет:

Оригинал

9. It (the party) set up youth groups that draw their members from small towns within driving distance of Moscow and St. Petersburg, and **indoctrinated** its charges at state expense in **outrageous** nationalism, anti-Americanism, and pro-government dogma.

Перевод

Партия создает молодежные группировки, которые формируются за счет юных жителей маленьких городков и поселков под Москвой и Санкт-Петербургом, и за государственный счет **промывает этим людям мозги**, воспитывая их в духе **злобного** национализма,

антиамериканизма и проправительственных догм.

Как видно из данного примера, в оригинальном тексте используется слово *indoctrinate*, которое в этом контексте обозначает «внушать какие-то идеи, мнения» (НБАРС) (to teach (a person or group) to accept a set of beliefs uncritically) (OED). В русском же переводе этой статьи для передачи этого значения слова используется словосочетание «промывать мозги» (*разг. – метафорическое выражение для обозначения систематических попыток изменять идеи человека, его установки и убеждения*) (ОСКМ). Следует отметить, что в данном примере возникает значительный сдвиг на стилистическом уровне: слово *to indoctrinate* относится к разряду высокой, книжной лексики, обладающей некоторой экспрессивностью и призванной привлечь внимание читателя, для создания впечатления более беспристрастного обсуждения данного вопроса, в то время как перевод данного слова выражением «промывать мозги» вносит в текст разговорный слой лексики, т.е. стилевой регистр речи резко снижается. Также стоит отметить, что в переводном тексте возникает дополнительная оценочность действий, отсутствующая в оригинальном тексте (например, *outrageous* переводится как «злобный», тогда как значение английского слова точнее передается словами «вопиющий, возмутительный» (АВВУ Lingvo 12). Переводная лексическая единица обладает отрицательной коннотацией, в то время как мы ее не находим в тексте оригинала. Таким образом, сниженный регистр речи и дополнительная отрицательная оценочность могут существенно изменить отношение читателя переводного текста к тому, о чем там говорится, особенно если такое смещение не единично (ср. например, перевод *outrageous* как «злобный», хотя более стилистически уместным был бы вариант «вопиющий»). Возможно, в данном случае было бы уместно употребить более нейтральное слово, передающее значение *to indoctrinate*, например, *внушать* или *наставлять*.

Таким образом, повышение или понижение регистра речи может также негативно воздействовать на восприятие текста реципиентом, поскольку может вызывать дополнительные оттенки значения, не присутствующие в тексте оригинала.

3.2.1.6 Неоправданная эмфатизация значения при переводе

Нередко при переводе текстов с английского языка на русский происходит излишняя эмфатизация значения слова или фразы. Возможно, прием эмфатизации применяется переводчиком неосознанно в силу личного отношения к проблеме. Однако эмфатизация значения слова вызывает оценочность, которой нет в тексте оригинала, что, безусловно, влияет на восприятие текста читателем.

3.2.1.7 Неоправданная эмфатизация значения при переводе в политических текстах

При переводе политических текстов статей может возникать эмфатизация значения. В некоторых случаях при переводе с одного языка на другой может не совпадать коннотативный компонент значения для обозначения одного и того же явления в разных языках. В статье «Владимир Путин, по-видимому, снова станет президентом России» (The Washington Post) говорится о различных нарушениях во время проведения президентских выборов в России:

Оригинал	Перевод
10. Well before the polls had closed, independent election monitors as well as the Communist Party reported numerous instances across the country of multiple voting , abuse of absentee ballots and obstruction of election observers.	Задолго до закрытия участков независимые наблюдатели и представители Компартии докладывали в многочисленные инстанции по стране о " каруселях ", неверном обращении с открепительными удостоверениями и о препятствовании работе наблюдателей.

Лексическая единица *multiple voting* означает *незаконный вброс бюллетеней в более чем одном избирательном пункте* (the practice of voting in more than one constituency in the same election) (CoED). Слово «карусель» имеет то же денотативное значение, однако коннотативное значение обеих лексических единиц в двух языках

не совпадает: *multiple voting* является стилистически не окрашенным термином, имеющим нейтральное предметно-логическое значение. Слово «карусель», вошедшее в речевой обиход недавно и употребляемое в кавычках как переносное значение, вызывает у читателя негативные ассоциации в связи с незаконным вбросом бюллетеней.

Таким образом, в данном случае мы сталкиваемся с лингво-культурными различиями, сопровождаемыми разницей в эмоционально-оценочном компоненте значения. При этом, стоит отметить, что данного расхождения в коннотативно-оценочном отношении можно было избежать посредством использования описательного перевода или другой ЛЕ эквивалентной английскому термину.

3.2.1.8 Неоправданная эмфатизация значения при переводе в социальных текстах

В статье «Европа: безработица и нестабильность» (Europe, Unemployment and Instability) (The Stratfor, США) рассказывается о тех последствиях, которые произошли в результате экономического кризиса в Греции:

Оригинал	Перевод
11. The test of Europe is not sovereign debt. It is whether it can avoid old and bad habits rooted in unemployment.	Испытанием для Европы станет не государственный долг, а то, сумеет она или нет избежать тех старых и отвратительных привычек, которые коренятся в безработице.

При переводе лексической единицы *bad*, означающей в данном контексте *плохой, вредный, дурной* (АВВУУ Lingvo 12), допущен сдвиг в значении слова, которое переведено, как *отвратительный* (вызывающий отвращение; очень плохой, крайне неприятный). Лексическая единица *отвратительный* входит в лексическую группу слова *плохой*. Однако в экспрессивно-эмоциональном плане это слово является более сильным, и несет в себе большую отрицательную коннотацию, чем слова *плохой, дурной* или *вредный*, т.е. здесь затрагивается эмоционально-оценочный компонент значения слова. Тем более, в русском языке существует устойчивое

выражение «дурные привычки», что можно рассматривать как полноценное соответствие исходному смыслу. В результате перевода смысл предложения не изменился, однако его эмоционально-оценочная составляющая подверглась существенным изменениям. Следовательно, это может привести к усилению негативной оценки со стороны читателя.

Эмфатизация значения может возникать не только при переводе лексических единиц, но также и при переводе фразеологизмов. В данном случае может возникнуть ситуация, когда переводной вариант оказывается коннотативно сильнее окрашенным, чем оригинальное выражение. Например, в статье «Запрет на усыновление не связан с правами детей» (Guardian) говорится, что Россия издала закон имени Димы Яковлева не для того, чтобы защитить права детей, а чтобы осадить Америку:

Оригинал

Перевод

<p>12. Ultimately, though, this is not about the rights of children. This is about the pride of once great nations. This is about Russia thumbing its nose at America.</p>	<p>В конечном итоге, речь в этом деле идет не о правах детей, а о самолюбии великих когда-то стран. О том, что Россия хочет показать Америке кукиш.</p>
---	--

В этом примере для перевода фразеологической единицы *to thumb one's nose at smb* используется фразеологическая единица *показать кукиш*. Однако следует отметить, что выражение *to thumb one's nose at smb* означает *делать какой-то презрительный жест, показывать нос* (НБАРС, Multitran) (to make a rude sign with your thumb on your nose; to show that you have no respect for someone or something). (OED) В русском языке данный фразеологизм можно сопоставить с выражением *держатъ фигу/ кукиш в кармане - быть несогласным с чем-л., но никак не проявлять публично своего несогласия; быть в пассивной оппозиции*. (СРА) При этом нужно сказать, что само слово *кукиш* содержит в себе обценную семантику а сам жест, «согласно правилам этикета, является неприличным, имеющим целью оскорбить и унижить того, кому его показывают, а также способом выразить крайнее неприятие,

резкий отказ, смешанный с презрением». (СДЭС) Как видно, выражение *показывать кому-либо кукиш* коннотативно сильнее окрашено и не содержит в себе значения «оставаться в пассивной оппозиции», которое присутствует в значении фразы *to thumb one's nose at smb.* Данный контекст может восприниматься как то, что российские власти, пребывая в крайнем недовольстве по поводу подписания акта Магнитского, от безысходности решают предпринять ответный шаг и издать свой закон, накладывающий ограничения на усыновление детей. Говоря о том, что Россия «показывает кукиш» Америке, читателю сразу представляется какое-то резкое и эффективное ответное действие. Возможно, такой вариант перевода был сделан в силу адресной ориентированности переводчика на российского читателя, а также под воздействием российских СМИ, которые говорили об ответе России на американские санкции, как об эффективном средстве. Однако на самом деле российские власти воспользовались первым попавшемся скандалом (в данном случае, связанным с усыновлением детей иностранцами), хотя проблема усыновления детей из России в США существует уже давно, и, к сожалению, в Америке пострадал не один ребенок, усыновленный из России. Таким образом, в данном случае было бы более уместно перевести это выражение как *держатъ фигу/кукиш в кармане* или *показывать нос кому-либо, дразнить*.

Таким образом, усиление оценочности при переводе может неверно передать отношения автора статьи к рассматриваемой проблеме и, соответственно, ввести в заблуждение читателя, вызвав у него неверные ассоциации.

3.2.1.9 Смещение оценочного фокуса при переводе

В некоторых случаях при переводе смещаются акценты, когда ЛЕ единицы переводятся при помощи синонимов, не передающих, однако, эквивалентного значения. В результате таких смещений читатель не получает полного представления об отношении автора к описываемой ситуации.

3.2.1.10 Смещение оценочного фокуса при переводе в экономических текстах

В статье «Спасти Кипристан» (Saving Cyprustan) (The New Republic) говорится о том, что министр финансов Михаллис Саррис вылетел в Россию, чтобы просить Москву о финансовой помощи для выхода из кризиса, после того, как «Кипр отверг европейское предложение и отказался «подстригать» каждый банковский счет в стране»:

Оригинал

13. Flying to wealthy, **flashy** Moscow, which, as we've all heard, has oodles of money in Cyprus, though no one knows exactly how much, was a predictable move, like calling your **spendthrift** millionaire friend when you can't make your rent this month.

Перевод

Отправиться в богатую и **расточительную** Москву, которая, как все мы слышали, держит на Кипре кучу денег, хотя никто не знает, сколько именно, было таким же ожидаемым шагом, как позвонить **щедрому** другу-миллионеру, когда тебе нечем платить за квартиру.

Примечания

Определения:

Flashy - вульгарный, крикливый; бросающийся в глаза (ABBYY Lingvo 12) (ostentatiously attractive or impressive) (OED)

Spendthrift - неэкономный, расточительный (НБАРС) (a person who spends money in an extravagant, irresponsible way) (OED)

В этом примере допущено два сдвига в значении слов, в результате чего можно говорить о смещении на идиоматическом уровне: лексическая единица *flashy* не содержит в себе значения *расточительный*, но указывает на то, что Москва является *показной* и *хвастливой*. Несмотря на то, что отрицательная коннотация сохранилась, в данном случае имеется в виду то, что российские власти намеренно и хвастливо выставляют свои средства напоказ, чтобы показать, насколько богата страна. Слово *spendthrift* напротив означает *неэкономный*, *расточительный*. Однако оно переводится при помощи лексической единицы *щедрый*. Слово *щедрый* в данном

контексте означает *охотно тратящийся на других, не скупой* (ТСРЯ) и имеет положительную коннотацию, в то время как лексическая единица *spendthrift* имеет явно негативный оттенок значения. В итоге оригинальный текст несет в себе достаточно критичную, отрицательную оценку российской власти, называя ее *крикливой* и *расточительной*. Однако использование в переводе лексической единицы *щедрый* некоторым образом смягчает отношение читателя к происходящему. В результате читатель не сможет увидеть подлинной оценки автора данной статьи, касательно происходящих событий.

В статье «Спасение для Кипра – геополитический провал для России» (A bailout for Cyprus, a geopolitical failure for Russia) (The Washington Post) говорится об «агрессивном подходе Москвы» к решению вопроса с Кипром. В этой части статьи приводится ряд неудачных действий России, в том числе и в советское время, в результате чего доверие к стране несколько ослабло. Даже сейчас есть опасения, что Москва может проиграть в сложившейся ситуации:

Оригинал

Перевод

<p>14. He added, “Moscow couldn’t budge the ostensibly enervated EU from its position on the EU member with the closest ties to Russia.”</p>	<p>Москва не смогла сдвинуть явно ослабленный Евросоюз с его позиции по отношению к стране-члену ЕС с самыми близкими связями с Россией».</p>
---	--

В этом примере лексическая единица *ostensibly*, имеющая значение *якобы, по-видимому* (НБАРС) (as appears or is stated to be true, though not necessarily so; apparently) (OED) переведена как *явно*, т.е. *совершенно очевидно*. В данном случае такой перевод слова *ostensibly* не в полной мере оправдан, поскольку в значении лексической единицы *ostensibly* содержится сомнение в правдоподобности того или иного события. В то же время, слово *явно* выражает полную уверенность, очевидность того, что Евросоюз действительно является ослабленным. Следовательно, происходит сдвиг на уровне сомнения/уверенности, деформируя эпистемический модус текста. Таким образом, читатель будет введен в заблуждение

по поводу того, является ли в действительности Евросоюз ослабленным. В данном случае эту лексическую единицу следовало бы перевести как *якобы* или *повидимому*.

Таким образом, в результате смещения акцентов читатель не сможет получить достоверную информацию относительно точки зрения автора статьи.

3.2.1.11 Смещение оценочного фокуса при переводе в социальных текстах

В статье «Резкий рост числа бездомных в Греции» (Greece's Homelessness Spike) (The Daily Beast) рассказывается о том, с какими последствиями столкнулась Греция в результате экономического кризиса

Оригинал

15. Sleeping in doorways, on welcome mats and over subway grates, these people are now one of the most visible symbols of Greece's **perilous** economic situation.

Перевод

Люди, спящие в дверных проходах, на ковровых дорожках и на решетках в метро, теперь стали одним из самых заметных символов **плачевной** экономической ситуации в Греции.

Данный пример был рассмотрен в главе 2 в связи с неверной интерпретацией переводчиком части предложения. Помимо неверной интерпретации в данном примере при переводе также допущен сдвиг в значении слова. При переводе слова *perilous*, имеющего значение *опасный, рискованный* (НБАРС) (full of danger or risk) (OED) использована лексическая единица *плачевный*, означающая *бедственный, достойный сожаления* (ТСРЯ). Такой перевод не совсем оправдан, поскольку в значении слова *perilous* нет значения *плачевный, достойный сожаления*. В данном случае делается акцент именно на той опасной ситуации, в которой оказалась Греция в результате экономического кризиса. Греция может объявить дефолт по выплатам государственного долга, но также страна оказалась не готовой к тому, что ее граждане остались на улице и им негде жить, и государство каким-то образом должно им помочь.

В результате перевода происходит смещение акцента оценки автором по поводу происходящей экономической ситуации, в результате чего читатель будет несколько дезориентирован, поскольку в переводном предложении видно сочувствие автора статьи, в то время как в исходном тексте просто констатируется факт, что ситуация в Греции действительно опасная.

Таким образом, смещение акцентов при переводе отрицательно влияет на восприятие текста читателем. Как правило, смещение акцентов касается оценки какой-либо проблемы, затронутой автором в статье. При переводе используется либо неверный синоним, либо использование значения, которое не содержится в той или иной лексической единице.

3.2.1.12 Неоправданное использование генерализации при переводе

Как правило, при использовании генерализации теряется незначительная часть информации, что незначительно влияет на восприятие переводного текста реципиентом. Однако использование генерализации нежелательно в тех случаях, когда для некоего понятия уже существует эквивалент в ПЯ.

3.1.1.13 Неоправданное использование генерализации при переводе в политических текстах

В статье «Мохаммед Мурси запретил подавать иски и распорядился пересмотреть дело Хосни Мубарака» (The Guardian) говорится о том, что «египетская оппозиция выразила свое крайней недовольство действиями президента, который запретил судам оспаривать законы, принятые с момента его вступления в должность» и упоминается о том, к каким последствиям это может привести:

Оригинал

16. The move is likely to fuel growing public criticism that Morsi and his Muslim Brotherhood have monopolised power while doing little to tackle Egypt's **endemic woes**.

Перевод

Действия президента, вероятнее всего, вызовут еще более резкую критику общественности, которая уверена, что Мурси и его Мусульманское братство монополизировали власть, не предпринимая при этом практически

никаких попыток для того, чтобы справиться с **серьезными проблемами** в стране.

В данном примере не совсем верно передано сочетание слов *endemic woes*, которое переведено, как *серьезные проблемы*. Лексическая единица *endemic* означает *эндемический; свойственный данной местности* (НБАРС) (native or restricted to a certain place; present within a localized area or peculiar to persons in such an area) (OED). Слово *woe* означает *горе, скорбь; бедствие* (НБАРС), *несчастья* (great sorrow or distress (often used hyperbolically) (OED); (woes) things that cause sorrow or distress; troubles) (OED) и принадлежит к книжному слою лексики. При этом слово *endemic* не содержит в себе значения *серьезный* (определение: требующий пристального к себе внимания, чреватый важными последствиями, опасный), т.е. степени важности и опасности. Также в лексическую группу слова *woe* не входит значение *проблема* (т.е. сложный вопрос, задача, требующие разрешения, исследования). В результате, происходит искажение смысла исходного текста, поскольку при переводе были подобраны неверные лексические единицы, искажающие смысл всего сообщения. Также был значительно снижен регистр речи. Таким образом, в результате неверного перевода читатель может быть сбит с толку и может не уловить ту мысль, которую хотел донести автор данной статьи. Возможно, данное предложение можно перевести следующим образом: *...не предпринимая при этом практически никаких попыток для того, чтобы справиться с характерными для этой страны несчастьями.*

3.1.1.14 Неоправданное использование генерализации при переводе в экономических текстах

В некоторых случаях при переводе неоправданно используется генерализация. В статье «Лидеры европейских стран больше не верят Кипру» (Europe's leaders run out of credit in Cyprus) (The Financial Times, Великобритания) говорится о риске, связанном с кризисом на Кипре и отсутствием доверия к этой стране:

Оригинал

Перевод

17. Rather than run even a small risk of an unwanted **financial “haircut”** in the future, the customers of Greek, Spanish, Portuguese or Italian banks might choose to get their money out now.

Вместо того, чтобы подвергать себя пусть даже минимальному **финансовому риску** в будущем, клиенты греческих, испанских, португальских и итальянских банков, скорее всего, захотят забрать свои деньги из банков.

В этом примере при переводе использована переводческая трансформация генерализации, в результате чего общая информация, содержащаяся в тексте, сохранена, однако была опущена фраза *unwanted financial haircut*. Эта лексическая единица является термином и в данном случае обозначает *единовременный антикризисный сбор с банковских депозитов, когда часть вкладов рухнувшего банка списывается в пользу государства (ИТАР-ТАСС а), т.е. «принудительное привлечение средств владельцев крупных депозитов свыше 100 тыс. евро»*. Таким образом, *некоторая доля вкладов будет конвертирована в акции (ИТАР-ТАСС б)* (the percentage by which an asset's market value is reduced for the purpose of calculating capital requirement, margin and collateral levels (Pallante 2009: xxx); *informal* a reduction in the stated value of an asset) (OED). В связи с событиями на Кипре и предпринимаемыми мерами для восстановления экономики, в русском языке стал активно употребляться термин «стрижка», который является калькой с английского термина *haircut*. Данный термин несет в себе то же денотативное значение. Это можно подтвердить, приведя примеры из российских изданий и СМИ: «В то же время, сокрушался глава Центробанка Кипра Паникос Димитриадис, решение о "стрижке депозитов" может привести к оттоку из банков более 10 процентов клиентов буквально в течение нескольких дней». («Шунтирование евро» Российская газета). В этой же газете этот термин употребляется и в заголовке: «В парламенте Кипра начали обсуждать "стрижку депозитов"», а также в заголовке статьи на сайте «Вести Россия»: «Финансовая "стрижка" греческих кредиторов началась успешно» и во многих других авторитетных изданиях. К тому же, оба термина относятся к разговорному слою лексики и совпадают как по денотативному, так и по

коннотативному значениям. Поэтому в данном случае не было необходимости использовать генерализацию. Вполне уместно было бы оставить в переводе этот термин и перевести как *нежелательная финансовая стрижка*. Возможно, такой прием генерализации был использован в связи с тем, что переводчик ориентировался не только на хорошо разбирающихся в экономике читателей, но и в том числе, на реципиента, который может быть не осведомлен о значении нового термина.

В результате перевода общий смысл сообщения не изменился, однако читателю будет не в полной мере ясно, какому именно финансовому риску могут быть подвержены клиенты банков стран, находящихся на грани кризиса, тогда как в исходном тексте этот риск назван вполне определенно.

Таким образом, неоправданное использование генерализации в целом не изменяет ни коннотативного, ни предметно-логического значения, однако при этом не называет конкретного понятия, в результате чего читателю будет не в полной мере ясно, о чем идет речь в сообщении.

3.2.1.15 Проблема разграничения термина и свободного словосочетания (*shady business* и *shadowybusiness*), как причина возникновения лексико-семантических сдвигов

Среди ЛЕ, при переводе которых могут возникнуть сдвиги в значениях слов любопытно рассмотреть пару слов – *shady* и *shadowy*. В статье «Запрет на усыновление не связан с правами детей» (Russia's ban on US adoption isn't about children's rights) из газеты The Guardian, рассматривается и анализируется причина, по которой Россия предприняла ответный шаг на подписание Акта Магницкого, а также рассматриваются ситуации в других странах, усыновление детей характеризуется следующим образом: это прежде всего бизнес, приносящий огромную прибыль, но это и нечистый бизнес:

Оригинал

Перевод

18. The international adoption trade is a **shady business** – the perfect micro-example of how
Усыновление детей в международном масштабе - это **сомнительный и нечистый**

America's concept of itself as a benevolent **бизнес**, идеальный пример того, что superpower is so often at odds with reality. представление Америки о себе самой как о

доброжелательной и великодушной сверхдержаве очень часто не соответствует действительности.

Этот перевод также можно сопоставить с неверным переводом из статьи «Спасение для Кипра – геополитический провал для России» (A bailout for Cyprus, a geopolitical failure for Russia) (The Washington Post):

Оригинал

Перевод

19. “Cyprus now has a binary choice: become a gimp state for Russian gangsta finance, or turn fully towards Europe, close down much of its **shady banking sector** and rebuild its economy on something more sustainable,” Murphy wrote.

«Кипру сейчас предстоит выбрать между двумя альтернативами: стать поручителем гангстерских российских финансов или полностью повернуться к Европе, закрыть большую часть своего **теневого банковского сектора** и перевести свою экономику к чему-нибудь более устойчивому», - написал Мерфи.

Данный перевод неверный, поскольку ЛЕ *shady* означает *ненадёжный, сомнительный, подозрительный, нечистый*; пользующийся дурной славой (АВВУ Lingvo 12) (secret and probably dishonest or illegal (MED)). При этом само выражение *shady business*, в различных словарях определяется, как *dishonest practices* (OED), *business of dubious character or honesty* (CoED). При этом поясняется, что *you can describe activities as shady when you think that they might be dishonest or illegal. You can also use shady to describe people who are involved in such activities* (CoED). Также в лексическую группу данного выражения входят следующие синонимичные понятия: *dirty pool, funny business, malicious tactics, monkey business, skullduggery, unethical behavior*. В русском языке существует такое понятие, как «теневой бизнес», которое непосредственно относится к более общему понятию «теневая экономика» («экономические процессы, которые не афишируются, скрываются их участниками, не контролируются государством и обществом, не фиксируются официальной

государственной статистикой» (БЮС); «большое влияние на рост теневого сектора экономики оказывают чрезмерно высокие налоги, вынуждающие предпринимателей уводить свои капиталы в тень» (ЭС), т.е. уклоняться от налогов). Однако ЛЕ *shady* не содержит такого значения, хотя в электронном словаре АБВУ Lingvo 12 для обозначения данного выражения дается значение *теневой бизнес*. Такое же значение присутствует и в словарной статье словаря Multitran, хотя первое значение в этой словарной статье – *сомнительное, темное дело*. В словаре Ю.Д. Апресяна для данного выражения дается эквивалент *темное, сомнительное дело* (НБАРС). Следовательно, вариант перевода первого примера можно считать правильным, в то время как вариант перевода второго примера неверный.

Ближе по значению к понятию *теневой бизнес* относится выражение *shadowy business*. Так, в статье «Тайны оффшоров: теневая сторона процветающего бизнеса» рассказывается о том, как журналистам из газеты The Guardian удалось «разоблачить необычайно крупную глобальную сеть директоров фиктивных компаний» и «выявить целую процветающую оффшорную индустрию, позволяющую как уклоняться от налогов, так и скрывать активы».

Оригинал

Перевод

21. Offshore secrets revealed: the shadowy side of a booming industry The Guardian 22. Ryle believes the ICIJ's global project, when it is completed next year, will haul into the open a shadowy financial system estimated to conceal the movement around the world of trillions of dollars.	Тайны оффшоров: теневая сторона процветающего бизнеса Райл считает, что глобальный проект ICIJ, когда он в следующем году будет завершен, выведет на свет теневую финансовую систему, предположительно, скрывающую передвижение по миру триллионов долларов.

Само по себе слово *shadowy* означает неотчётливый, туманный, неясный, смутный; призрачный (АБВУ Lingvo 12) (mysterious and secret, or not understood «загадочный и тайный или непонятный») (MED)). Однако, как видно из контекста, в данном случае оно имеет значение именно *теневой бизнес*, т.е. как было сказано ранее «уклонение предприятий бизнеса от уплаты налогов» (причем в оригинальном

тексте для обозначения уклонения от уплаты налогов используется выражение *tax avoidance*, т.е. использование легальных способов уклонения от уплаты налогов (АВВУУ Lingvo 12)). В других источниках это выражение также используется в значении *теневой бизнес*. Например, в статье *The shadowy business of diversion* (размещена на сайте журнала «Fortune»), дается определение данному явлению: *diversion is a big business, with annual sales in the U.S. in the tens of billions of dollars. There is not necessarily anything illegal about diversion. The term simply refers to merchandise that has somehow shifted from the intended distribution channel. But diversion is illegal when it involves fraud (Bandler 2009)*. Таким образом, из контекста следует, что выражение *shadowy business* означает *теневой бизнес*.

Однако данное слово может иметь такое же значение, как и *shady*, т.е. *нечистый, нелегальный*. Так, в рецензии на американский мюзикл *Ghost* передается основное содержание, где говорится, что главный герой мюзикла (Sam) обнаружил, что в фирме где он работает ведутся какие-то махинации, нечистые дела: *Sam discovers that shadowy business is conducted within the company where he works, and he reports it to a manager who himself appears to be corrupt. (NewYorkCity.ca)*

Таким образом, выражение *shady business* представляет собой вполне конкретное значение – *нечистый, сомнительный бизнес, дело*. Выражение *shadowy business* может меняться, в зависимости от контекста и обозначать, как термин *теневой бизнес*, так и обозначать некие нечистые дела.

Итак, среди лексико-семантических сдвигов наиболее часто встречаются неоправданные добавления в текст перевода, среди которых нередко имеет место такая стилистическая погрешность, как плеоназм. Намеренное использования плеоназмов в качестве стилистического приема нередко применяется русскими писателями для усиления выразительности речи, однако при переводе этот прием вызывает дополнительное и зачастую неоправданное эмоционально-оценочное значение. В переводах также можно встретить эмфатизацию того или иного значения слова, которая ведет к дополнительной оценочности, что может в итоге

повлиять на отношение реципиента к описываемым в тексте событиям. Повышение или понижение регистра речи также могут способствовать появлению в тексте дополнительной оценочности, а также исказить индивидуальный стиль автора статьи. Использование приема генерализации, как правило, не влияет на общий смысл сообщения, однако при этом теряется часть информации.

Следует отметить, что сдвиги в значении, как правило происходят на микроуровне, реже их можно увидеть на мезо- и макроуровне. Возможно, это объясняется тем, что сдвиги в значении происходят, в основном, на стилистическом и коннотативном уровнях, не затрагивая предметно-логического компонента значения.

3.2.2. Лексико-семантические смещения при переводе

Под лексико-семантическими смещениями, или расхождениями средней степени подразумеваются такие сдвиги, при которых происходит заметная потеря или изменение информации, затрагивающие несколько компонентов значения, в том числе и предметно-логические семы.

В данной группе смещений, как и в группе лексико-семантических сдвигов встречаются случаи, когда одна ЛЕ переводится при помощи двух слов. Если в предыдущих примерах при таком переводе в основном затрагивался стилистический компонент значения, то здесь затронут предметно-логический. В результате, такой перевод может привести к нежелательным последствиям или ввести в заблуждение читателя.

3.2.2.1 Неоправданные добавления при переводе

К лексико-семантическим смещениям, как в случае с лексико-семантическими сдвигами, относятся неоправданные добавления слов в текст перевода, которые не содержатся в тексте оригинала. Однако в этом случае при добавлении ЛЕ меняется не только коннотативный оттенок значения, но может затрагиваться часть предметно-логического содержания сообщения.

Например, в статье «Отказываясь от Сергея Магнитского» (Abandoning Sergei Magnitsky) в газете Foreign Policy (США) говорится о том, что партия использует молодежь, которой внушили определенные идеи для устрашения иностранных дипломатов и правозащитников:

Оригинал

23. When needed, it buses in crowds of duly indoctrinated youth to **intimidate** foreign diplomats, human rights defenders, and anti-corruption activists.

Перевод

Когда возникает необходимость, она автобусами завозит определенным образом подготовленную молодежь в столицу, и та **запугивает и преследует** иностранных дипломатов, правозащитников и борцов с коррупцией.

В этом примере для перевода лексической единицы *to intimidate* для создания большей экспрессивности текста и для большего воздействия на читателя используются сразу два слова: *запугивать* и *преследовать*, причем второе слово никак не соотносится со значением слова *to intimidate*, которое обозначает «запугивать, устрашать» (НБАРС) (to frighten or overawe (someone), especially in order to make them do what one wants) (OED). Более того, слово «преследовать» неуместно по отношению к дипломатам и вряд ли применимо к остальным указанным категориям: каким образом «юные националисты» могут преследовать борцов с коррупцией? Следовательно, данное добавление является неоправданным и избыточным, внушая читателю ложное представление о происходящем, а также противоречит действительности. Таким образом, использование добавления, которое в некоторых случаях уместно для конкретизации смысла, здесь не оправдано.

В статье «Россия проводит честные выборы» (Russia Holds an Honest Election) из газеты Bloomberg (США) говорится об отмененных несколько лет назад и восстановленных в прошлом году выборах губернаторов в пяти регионах :

Оригинал

Перевод

23. The votes occurred in part because Putin, seeking to calm widespread **anti-corruption protests**, restored gubernatorial elections he had ended years earlier.

Эти выборы состоялись отчасти из-за того, что Путин в своем стремлении успокоить широкомасштабные протесты **против коррупции и злоупотреблений** восстановил отмененные им несколько лет назад выборы губернаторов.

Для перевода лексической единицы *anti-corruption protests* используется лексическая единица *протесты против коррупции и злоупотреблений*. В целях придания большей эмоциональности тексту и для привлечения внимания читателя используется добавление *злоупотребление*, что не совсем оправдано в данном случае, поскольку, во-первых, слово коррупция уже содержит в себе значение «злоупотребление должностными полномочиями» в целях получения личной выгоды, в частности дача или получение взятки, коммерческий подкуп, а, во-вторых, использовав в переводе добавление *злоупотребление*, переводчик несколько сместил акцент, поставленный именно на коррупции, поэтому при прочтении статьи читатель может подумать, что помимо самой коррупции существуют еще какие-то злоупотребления, с ней не связанные. К тому же для обозначения различных видов злоупотреблений в английском языке обычно используется слово *abuse*, которого мы не находим в тексте оригинала. Таким образом, можно заключить, что добавление значения *злоупотребление* является неоправданным и сопровождается заметным расхождением с исходным текстом.

В статье, взятой из газеты The Guardian, неверно передан перевод следующей фразы, где переводчик добавил частицу, которая значительным образом повлияло на смысл исходного сообщения:

Оригинал

Перевод

24. Not as big an election as we think

Не такие уж важные выборы

В переводе создается ощущение некоего пренебрежения к выборам, которого мы не видим в тексте оригинала. Добавив частицу *уж*, переводчик тем самым снизил нейтральный стиль текста оригинала и в русском приблизил его к

разговорному стилю, изменив тем самым стилевой регистр. К тому же, в результате опущения второй-части предложения *as we think*, возникло серьезное смещение акцентов информации, поскольку в переводе данное предложение звучит как неопровержимое утверждение, что эти выборы с самого начала были незначительными, хотя в тексте оригинала делается акцент на том, что «мы думали, что эти выборы окажутся большим успехом, но наши ожидания не оправдались».

Также любопытно рассмотреть еще один пример добавления частицы при переводе ИТ. В статье «Думая о Сирии» (Thinking of Syria) журналист пытается объяснить, какой позиции придерживается Россия в вопросе сирийского кризиса, говоря о том, что нужно «побуждать стороны конфликта к умеренности и участию в инклюзивном политическом диалоге»:

Оригинал

25. Unfortunately it has not been followed through by our partners, tempted by ambivalent ideas of a political transition **imposed on the Syrians**.

Перевод

К сожалению, наши партнеры не пошли на ее (позиции) реализацию, искушаемые смутными идеями о «политическом переходе», который, **якобы, можно будет навязать сирийцам.**

В этом примере переводчик использовал прием добавления и вставил в предложение частицу *якобы*, которая в данном контексте выражает сомнение в чем-либо. Однако в исходном тексте сомнение никаким образом не выражается, а само событие приводится как факт. Также в данном переводе неоправданно употреблено будущее время и модальность, в то время как в тексте оригинала нет ни указания на будущее, ни модальности, т.к. в исходном тексте говорится *political transition imposed on the Syrians*, т.е. уже свершившееся событие – *политический переход, навязанный сирийцам*. Иными словами, в исходном тексте говорится о том, что этот политический переход уже был навязан жителям данной страны. Из этого примера видно, каким образом искажается информация на идиоматическом уровне, данная в исходном тексте. В результате этого читателю будет дана ложная информация, которая, в свою очередь, введет его в заблуждение: естественным выводом при

чтении переводного текста будет представление о том, что событие еще не свершилось, а только возможно, по мнению автора, в неопределенном будущем.

Таким образом, в текст перевода могут добавляться не только синонимы или слова одной лексической группы, но также и те слова, значения которых не присутствуют в тексте оригинала, также в текст могут добавляться частицы, которые вносят дополнительные оттенки значения и значительным образом влияют на смысл сообщения.

3.2.2.2 Неоправданное опущение при переводе

В некоторых случаях при переводе неоправданно опускается лексическая единица, во многом определяющая смысл исходного сообщения. В статье «Путин потопил Кипр?» (Did Putin Sink Cyprus?) (The New York Times) речь идет о том, что люди «утратили доверие» к правительству и поэтому сейчас предпочитают хранить деньги в иностранных банках:

Оригинал	Перевод
26. Russia's middle class lost faith in Mr. Putin after 2008, when in the midst of the global financial crisis, the bureaucracy remained mired in Gogolian incompetence and venality.	Российский средний класс утратил доверие к Путину после 2008 года, когда посреди мирового финансового кризиса российская бюрократия погрязла в некомпетентности и коррупции.

В данном примере неоправданно опущено определение *Gogolian*, относящееся к словам *некомпетентность* и *коррупция*. Данное определение добавляет в текст образность и экспрессивность, в результате чего, человек имеющий представление, о чем писал Гоголь, и к каким произведениям писателя отсылает это определение, сразу понимает суть, заложенную в данное предложение. Опустив это определение, предложение лишается своей образности и экспрессии. Таким образом, читатель не может в полной мере представить себе происходящую ситуацию.

В статье «Владимир Путин, по-видимому, снова станет президентом России» (The Washington Post), где говорится о возможных нарушениях, происходящих во время президентских выборов, и упоминается следующее предложение:

Оригинал

27. If backed by plausible evidence, the allegations would cast further **doubt on the legitimacy** of an election that Prime Minister Vladimir Putin is expected to win easily.

Перевод

Если обвинения будут подкреплены достоверными свидетельствами, они могут **поставить под сомнение** выборы, в которых премьер-министр Владимир Путин должен был легко победить.

В данном примере пропущено (намеренно или же по невнимательности) слово, определяющее смысл всего предложения (legitimacy), что не допустимо, поскольку это создает серьезное смещение и влияет на смысл сообщения в целом, создавая неверное представление о ситуации в России в связи с выборами, так как в данном предложении делается акцент именно на законности/незаконности (легитимности) проводимых в России выборов, а не на выборах, как таковых.

3.2.2.3 Смещение оценочного фокуса при переводе

При смещении оценочного фокуса при переводе затрагивается часть смыслового или предметно-логического содержания в тексте, в результате чего информация в сообщении частично искажается, однако при этом не приводит к полной дезинформации читателя. В результате таких смещений читатель будет введен в заблуждение относительно описываемой в тексте ситуации.

3.2.2.4 Смещение оценочного фокуса при переводе в политических текстах

Довольно часто смещение акцентов имеет место в политических статьях, при этом при переводе затрагивается предметно-логический компонент значения, что может привести к значительному смещению. В статье «Кто бы ни победил сегодня, коллегию выборщиков необходимо отменить» (No Matter Who Wins Today, the Electoral College Has to Go) (The New Republic США) автор рассказывает о том, как он пытался объяснить девочке-иностранке, приехавшей в США по программе

обмена, для чего нужна коллегия выборщиков. В частности, он объясняет, почему американцы не хотят упростить процесс выборов и отказаться от коллегии выборщиков:

Оригинал

28. We Americans love our Constitution so much that we can't bear to change even the stupid parts. It took 74 years and a bloody Civil War to get the Constitution to say that human beings are never property, so don't expect fast action changing a system of choosing presidents that makes most people's eyes glaze over—even if it is an **affront** to most contemporary notions of democracy.

Перевод

Мы, американцы, так сильно любим свою конституцию, что нам невыносимы изменения даже самых глупых ее статей. Понадобилось 74 года и кровопролитная Гражданская война для внесения в конституцию положения о том, что люди не являются собственностью. Так что не ждите быстрых действий по изменению системы избрания президентов, которые заставят людей торжествовать, хотя такая система - это **ВЫЗОВ** современным представлениям о демократии.

Для перевода слова *affront* используется лексическая единица *вызов*. В данном случае такой перевод не совсем оправдан, т.к. слово *affront* означает *оскорбление, унижение, обида* (НБАРС) (an action or remark that causes outrage or offence; a deliberate insult (OED)), в то время как лексическая единица *вызов* в данном контексте означает «выраженное словами, поступками желание вступить в борьбу, спор; поступок, идущий вразрез с чем-н. общепринятым». В исходном тексте слово *affront* скорее употреблено в значении оскорбления, нежели вызова. Данный пример можно считать неоправданной функциональной заменой при переводе, приводящей к лексико-семантическому смещению. В результате читателю может показаться, что Америка намеренно бросает вызов «современным представлениям о демократии», хотя на самом она всего лишь стремится сохранить свои права и традиции, заложенные в Конституцию США. В действительности существование коллегии выборщиков не в полной мере соответствует этим самым современным

представлениям и, таким образом, может рассматриваться как оскорбление этих представлений.

В некоторых случаях смещению оценочного фокуса при переводе могут подвергаться сразу несколько ЛЕ. В статье «Не такие уж важные выборы» говорится о том, как освещаются выборы в США в иностранных СМИ:

Оригинал

Перевод

29. At the same time, this election **has received less serious coverage abroad** than any I can remember. В то же время эти выборы **получают меньше внимания иностранных СМИ**, чем любые другие на моей памяти.

Примечания: Здесь неоправданно опущено слово *serious* обозначающее *серьезный, важный, существенный* (НБАРС) (demanding or characterized by careful consideration or application (OED)), а также неверно передано слово *coverage*, которое означает *охват, освещение событий* (НБАРС) (the extent to which something deals with something else (the treatment of an issue by the media) (OED)). Это слово не содержит значения *внимание*.

В этом примере неверно передана часть предложения, в которой переводчик переводит, что «выборы получают меньше внимания иностранных СМИ», т.е. смещает значение предложения не мезоуровне. В исходном тексте говорится о том, что события, связанные с выборами в США, менее серьезно освещаются в иностранных СМИ (возможно, отчасти из-за того, что эти выборы, как говорилось в предыдущем примере, не оправдывают ожиданий). В данном примере допущено серьезное смещение значения. Здесь затрагивается предметно-логическое значение, т.к. в действительности иностранные СМИ уделяли внимание событиям в США, происходящими во время выборов (достаточно вспомнить тот факт, что в российских СМИ выборы в США широко освещались). В результате неверного перевода произошло искажение смысла предложения. Таким образом, читатель перевода получает неточную информацию о реальном положении дел.

Также встречаются примеры, где часть фразы переводится при помощи одной не вполне эквивалентной в переводческом плане ЛЕ. В статье «Россия проводит честные выборы» (Bloomberg, США) говорится, что В.Путин не заинтересован в

усовершенствовании голосования, при котором можно было бы исключить фальсификации; для того, чтобы «избиратели смогли сопоставить свои политические взгляды со взглядами кандидатов», оппозиционеры создали в Интернете «первичные выборы в попытке избрать лидеров»:

Оригинал

30. They would rather build a working model of democracy than take part in **what passes for it in** Putin's system.

Перевод

Они предпочитают создать работающую модель демократии, нежели принимать участие в **псевдодемократии** путинской системы.

Примечание:

Определения:

Псевдодемократия - О том, (кто) что выдает себя за демократию, не являясь таковым (БТСРЯ). Название одной из систем государственного устройства, сочетающей в себе демократические и авторитарно-бюрократические принципы руководства. Она сочетает в себе демократические элементы построения общества (выборы, альтернативность, сменяемость лидеров и т. д.) с необходимыми корректировками со стороны правящей группы (ТСДНЭ).

Pseudo democracy (illiberal democracy) - is a governing system in which, although elections take place, citizens are cut off from knowledge about the activities of those who exercise real power because of the lack of civil liberties (Roskin 2013).

В этом предложении автор статьи сдержанно критикует ту политическую ситуацию, которая существует в России. Поэтому журналист говорит: «Они предпочитают создать действующую модель демократии, нежели принимать участие в том, можно назвать путинской системой». В исходном тексте не употребляется лексических единиц *pseudo democracy* или *illiberal democracy*, которые являются эквивалентными значениями для слова *псевдодемократия*. Префикс псевдо-, являющийся частью слова «псевдодемократия» и обозначающий «мнимый, ложный, не истинный, не настоящий» (ТСРЯ), придает слову явно негативное значение, как, например, в таких словах, как *псевдогероический*, *псевдонаучный*, *псевдоискусство*. При этом в тексте оригинала мы не находим такого явно отрицательного значения: автор статьи пишет в нейтральном стиле, стараясь дать объективную оценку происходящим в России событиям. В переводе же мы видим субъективное

суждение, при этом отрицательно окрашенное. В результате у читателя может сформироваться негативное отношение к российской системе управления, а автора статьи могут обвинить в неверном освещении событий и даже ложной информации.

В некоторых случаях для перевода неверно выбирается лексико-семантический вариант и не совсем верно передается грамматическая составляющая предложения, в результате чего происходит смещение в ИТ и возникают неверные ассоциации. В статье «Владимир Путин, по-видимому, снова станет президентом России» (Vladimir Putin appears set for reelection as Russian president) из The Washington Post речь идет о президентских выборах и о вероятном победителе на этих выборах. Упомянув В. Путина и срок его нахождения у власти, журналист говорит следующее:

Оригинал

Перевод

31. Putin, who **has ruled** Russia for 12 years...

Путину, который **правил** Россией в течение 12 лет ...

Из данного перевода видно, что неверно передано слово *to rule*, а также неправильно переведено время данного предложения. Слово *to rule*, которое означает в данном контексте «руководить, управлять» (НБАРС), переведенное как *править* сразу же сообщает читателю (особенно, если он не имеет представления о политической ситуации в России), что страна является монархией, где правит царь, что не имеет ничего общего с действительностью, т.к. страна относится к демократическому строю управления. К тому же, неверно выбрав в качестве перевода прошедшее время, переводчик, соответственно, относит читателя к прошлому, как будто этот человек «правил» несколько лет назад, а сейчас у власти находится уже другой человек, хотя в оригинальном тексте используется время Present Perfect, которое сообщает нам, что действие началось в определенный момент в прошлом (в данном случае 12 лет назад) и длится по сей день, т.е. действие происходит в настоящем. Таким образом, смещение в значении лексической единицы и искажение семантики грамматического времени дает читателю в

переводе ложное представление о том, как автор ИТ оценивает современную политическую ситуацию в России.

В некоторых случаях в результате произвольной смысловой модуляции могут происходить смещения при переводе. В статье Басня о скорпионе: Асад, вероятно, считает, что он нужнее России и Западу, чем они ему (The Scorpion's Tale: Did Assad Take Putin for a Ride?) (the New York Times) анализируются о отношения Сирии и России. Говоря о политической ситуации в Сирии, автор заявляет следующее:

Оригинал

32. Opponents also miscalculated the willingness of a critical mass of ordinary Syrians, **including many who dislike Mr. Assad**, to remain quiescent for fear of uncertain alternatives.

Перевод

Противники режима также не учли пассивность критической массы простых — и **зачастую не любящих г-на Асада** — сирийцев, вызванную отсутствием четких альтернатив.

В данном случае при переводе произошел сдвиг в значении фразы, т.е. сдвиг на мезоуровне: *including many who dislike Mr. Assad*. Эта часть предложения была переведена как *зачастую не любящих г-на Асада*, что не совсем верно, поскольку ЛЕ *including* имеет значение *containing as a part of the whole being considered* (OED), что соответствует эквиваленту в русском языке *включая*, т.е. *вместе с кем- или чем-либо, в том числе*. В русском переводе данная ЛЕ была опущена, в результате чего предложение приобрело несколько иное значение. В оригинале говорится о пассивности сирийского населения, в том числе и тех многих, кто не любит сирийского лидера. Таким образом, акцент здесь делается на том, что есть люди, поддерживающие политику Б. Асада, но есть много и тех, кто не доволен действиями сирийского президента, в то время как из перевода следует, что население Сирии большей частью не любят главу государства, что не соответствует мысли, высказанное в оригинальном тексте.

Таким образом, смещение акцентов при переводе приводит неточной передаче информации и, как следствие этого, к неверному восприятию текста реципиентом.

3.2.2.5 Смещение оценочного фокуса при переводе в экономических текстах

Смещение акцентов при переводе встречается также и с экономических текстах. Рассмотрим два примера из одной статьи. В статье «Путин потопил Кипр?» (Did Putin Sink Cyprus?) (The New York Times) рассказывается, почему российские компании и олигархи предпочитают хранить свои деньги в иностранных банках:

Оригинал

33. Simply put, Russian money is frightened of Russia. This is because after Boris N. Yeltsin made the transition to crude capitalism in the 1990s, Mr. Putin never delivered secure property rights. That makes Russian money **paranoid**; since 2008 alone more than \$350 billion in capital has fled the country.

34. Europe, it turns out, is studded with vulnerable, contagious tax islands, and their availability only compounds Russia's deeper problem: it is both too corrupt and too **paranoid** to keep its billions at home.

Перевод

Если говорить просто, российские деньги боятся России. И все из-за того, что после ельцинского перехода к грубому капитализму в 1990-е годы Путин так и не обеспечил защиту прав собственников.

Поэтому российские деньги и **бегут в страхе из страны**. Только с 2008 года общая сумма выведенного за рубеж капитала составила более 350 миллиардов долларов.

Оказывается, в Европе множество уязвимых и заразных налоговых убежищ, и их доступность лишь усугубляет самую глубокую российскую проблему: эта страна слишком коррумпирована и слишком **напугана**, чтобы хранить свои миллиарды у себя дома.

В этом примере в одном случае для характеристики российских денег, а во втором для характеристики самой страны используется лексическая единица *paranoid*, имеющая значение в данном контексте *параноидальный, паранонический*, т.е. *чрезмерно подозрительный* (unreasonably or obsessively anxious, suspicious, or mistrustful) (OED). В обоих случаях она переведена, либо как *напуганный*, либо она тем или иным образом связана со *страхом*. Такой перевод не совсем верен, поскольку слово *паранойя*, от которого образовано прилагательное *paranoid*, имеет значение *психическое расстройство, характеризующееся систематическим бредом*,

манией величия и преследования, переоценкой собственных суждений, склонностью к подозрительности и разоблачительности, конфликтности и сутяжной борьбе, интерпретационной деятельности и конструированию спекулятивных систем. Причем многие словари по психиатрии и психологии (ПЭ, СПП, ОСКМ) отмечают именно нездоровую подозрительность. Таким образом, коммуникативный смысл данного контекста состоит в том, что Россия и российские компании с большим недоверием и подозрительностью относятся к собственному правительству и к собственным банкам, поэтому предпочитают хранить деньги не у себя в стране, а в иностранных банках, где банковская система считается более надежной. В результате перевода у читателя может возникнуть представление, что страна действительно боится хранить собственные средства у себя на родине. Хотя на самом деле вследствие определенных исторических, экономических и других событий страна перестала доверять правительству. К тому же, употребив слова *напуганный, бежать из страха*, у читателя может возникнуть сочувствие ко всему происходящему, в то время как слово *paranoid* содержит в себе отрицательную коннотацию, скорее ироническую, чем сочувственную. Таким образом, лексическую единицу *paranoid* более уместно было бы перевести как *чрезмерно подозрительный, недоверчивый, осторожный*.

Таким образом, смещение акцентов при переводе экономических текстов может вызывать у читателя неверные ассоциации и ввести его в заблуждение.

3.2.2.6 Смещение оценочного фокуса при переводе в социальных текстах

Нередко смещение акцентов встречается при переводе текстов социальной тематики. В статье «Кто бы ни победил сегодня, коллегию выборщиков необходимо отменить» (No Matter Who Wins Today, the Electoral College Has to Go) (The New Republic), в которой объясняется принцип работы коллегии выборщиков, говорится следующее:

Оригинал**Перевод**

35. As the Bush-Gore **debacle** showed, sometimes the Electoral College does more than just exaggerate the margin of victory; sometimes it changes who the victor is.

Как показала **затруднительная ситуация** с Бушем-Гором, иногда коллегия выборщиков не просто преувеличивает процент победы. Иногда она меняет и самого победителя.

В данном примере не совсем верно передана лексическая единица *debacle*, означающая *фиаско, неудача* (АВВУЛingvo) (a sudden and ignominious failure; a fiasco (OED)), которая переведена на русский язык, как *затруднительная* (определение: трудный, сложный (ТСРЯ)) *ситуация*. В данном случае имеется в виду *фиаско* на выборах 2000 года, когда кандидат на пост президента по результатам прямого голосования набрал меньше голосов, чем его соперник, но при этом смог победить по результатам голосования выборщиков, т.е. кандидат, набравший меньшее число голосов, в итоге выиграл на выборах. В данном примере неверно передано денотативное значение слова, поскольку ЛЕ *debacle* не содержит в себе значения затруднительности. К тому же, фраза *затруднительная ситуация* стилистически нейтральная, и не содержит в себе той экспрессии, которая заложена в значении слова *debacle*. В итоге в переводном тексте остается неясным, насколько масштабным и значительным было это событие для американцев.

Смещение акцентов может происходить и на идиоматическом уровне (мезоуровне). В статье «Эксперты: Пора декриминализировать употребление наркотиков» (Decriminalise drug use, say experts after six-year study) (The Guardian) говорится о том, что можно разрешить «хранение небольших количеств контролируемых препаратов», а также разрешить выращивание марихуаны для личного использования, при этом утверждается, что производителей и поставщиков наркотиков нужно строго наказывать:

Оригинал**Перевод**

36. "But at the same time, we need to continue to **bear down on** those producing and supplying **продолжать наступление на** производителей и

illicit drugs. This is particularly important for those spreading misery in local communities." поставщиков незаконных веществ – особенно на тех, которые несут бедствия местным общинам».

В этом примере для передачи лексической единицы *to bear down on*, которая в данном контексте имеет значение *строго наказывать кого-либо* (ABBYYLingvo 12)) (to take strict measures to deal with (OED)), используется фраза *продолжать наступление*, т.е. продолжать преследование и дальнейший захват производителей наркотиков (*наступление* - основной вид военных действий в целях разгрома противника, уничтожения его живой силы, захвата военной техники и овладения важными районами местности (ТСРЯ)). В данном случае такой перевод не совсем оправдан, поскольку из контекста мы видим, что речь идет вовсе не о том, что нужно каким-то образом преследовать этих наркоторговцев. В статье делается акцент на том, что некоторые наркотические вещества можно хранить для личного использования, в том числе выращивать марихуану, при этом этот человек не будет подвергаться уголовному наказанию, возможна даже и полная отмена наказания за хранение подобных веществ. Однако те, кто ради личного обогащения намеренно закупает и распространяет наркотики, прежде всего запрещенные, должны подвергаться строгому наказанию. В результате перевода происходит некоторое несоответствие в противопоставляемых фактах: за хранение небольшого количества контролируемых наркотиков – минимальное наказание или отмена наказания, за хранение и распространение большого количества запрещенных препаратов – строгое наказание. Следовательно, читателю может быть не совсем понятно, как строгость наказания соотносится с «продолжением наступления» на наркоторговцев.

Смещение акцентов может происходить также в результате передачи части фразы при помощи одной ЛЕ, которая не совсем подходит по смыслу. В статье *Что должна предпринять Европа после Брюсселя* (Steps That Europe Must Take Now After Brussels) (the New York Times) речь идет о действиях, которые необходимо предпринять Европейским государствам для борьбы с терроризмом. Автор статьи

также упоминает и о наиболее уязвимых слоях европейского общества, легче всего поддающихся вербовке со стороны террористов:

Оригинал

Перевод

<p>37. And even stronger measures won't work unless attention is paid to the causes that make too many young European citizens of immigrant origin vulnerable to the lure of the Islamic State, which claimed responsibility for the Paris and Brussels attacks.</p>	<p>И даже более жесткие меры не сработают, пока не будет уделено должное внимание причинам, по которым многие молодые европейские граждане из числа иммигрантов примыкают ко взявшему на себя ответственность за теракты в Париже и Брюсселе «Исламскому государству».</p>
---	---

В этом примере не совсем точно передан смысл фразы *vulnerable to the lure*, который переведен как *примыкать*. В данном случае речь скорее идет о том, что мигранты являются наиболее уязвимыми членами европейского общества, которых проще привлечь в ряды террористов из-за бедности и отсутствия постоянного места работы, а также их причастности к некоторым видам преступлений (продажа наркотиков и др.), как это было указано в самой статье. ЛЕ *vulnerable* в данном контексте имеет значение (*of a person*) *in need of special care, support or protection because of age, disability, or risk of abuse or neglect* (OED)). Слово *lure* означает *something that tempts or is used to tempt a person or animal to do something* (OED). Слово *примыкать* имеет значение *присоединяться к кому-либо, чему либо; становиться чьим-либо сторонником, участником какого-либо дела*. Данное определение слова *примыкать* соответствует действительности, поскольку иммигранты в Европе действительно в итоге могут примыкать к террористическим группам. Однако в данном предложении делается акцент на подверженности лиц, которых террористы, согласно многим источникам, «соблазняют» перейти на свою сторону, обещая тем богатства, что и содержится в семантике слова *lure* – *соблазн, привлекательность*. Таким образом, при переводе затронута предметно-логическая составляющая значения слова, в результате чего теряется элемент некоего оправдания со стороны автора статьи некоторых мигрантов, которые

«уязвимы к соблазнам, предлагаемым Исламским государством». Соответственно, читатель не сможет увидеть некоторого сочувственного отношения автора к этим мигрантам.

В результате смещения оценочного фокуса в текстах социальных статей происходит значительная потеря информации.

Таким образом, среди лексико-семантических смещений наиболее часто встречаются произвольная смысловая модуляция, которая ведет к изменению части значения слова или фразы; опущения, в результате которых теряется существенная часть смысла, необходимая для более полного понимания ситуации; сужение значения; добавления, которые в отличие от добавлений при лексико-семантических сдвигах вносят не только дополнительную эмоционально-оценочную окраску, но и дополнительный предметно-логический смысл, который не присутствует в исходном тексте.

Лексико-семантические смещения, равно как и сдвиги происходят в основном на микроуровне, хотя уже чаще встречаются случаи их проявления на идиоматическом уровне.

3.3.3. Лексико-семантические искажения при переводе.

К лексико-семантическим искажениям относятся сдвиги в значении слова, которые существенно влияют на смысл сообщения, могут привести к нежелательной реакции на это сообщение и ввести в заблуждение читателя относительно сказанного в исходном тексте. Основное отличие лексико-семантических искажений от смещений состоит в том, что при смещениях затрагивается лишь часть предметно-логического компонента смысла, в то время как при искажении смысл исходного сообщения может полностью утрачиваться.

3.3.3.1 Неоправданные замены при переводе

В некоторых случаях неоправданное добавление ЛЕ или фразы может привести к искажению. Например, в статье «Отказываясь от Сергея Магнитского»

(Abandoning Sergei Magnitsky) во избежание повторов переводчик использует лексическую единицу «борец с коррупцией»:

Оригинал	Перевод
38. Within a month, Magnitsky was imprisoned by the officials he testified against, tortured for a year, and finally beaten to death by eight officers with rubber batons in a Russian prison.	Его целый год пытали, а в итоге восемь полицейских избили борца с коррупцией до смерти резиновыми дубинками в российской тюрьме.

В исходном тексте для определения С. Магницкого ничего подобного не используется, хотя статья и направлена в защиту погибшего аудитора, однако ни в этом предложении, ни в других рядом стоящих предложениях, его так не называют: речь идет о том, что «он свидетельствует против влиятельных чиновников». Таким образом, в тексте перевода существенно меняется «статус» Магницкого: из нежелательного свидетеля он становится «борцом с коррупцией». По существу, здесь произошла произвольная замена исходной ЛЕ testified (against) на выражение «борец с коррупцией».

3.3.3.2 Неверное истолкование аллюзий при переводе

Нередки случаи, когда не распознается та или иная аллюзия, в результате чего неверно передается информация, содержащаяся в тексте. В статье «Запрет на усыновление не связан с правами детей» (Russia's ban on US adoption isn't about children's rights) из газеты The Guardian, в начале анализа причины, по которой был подписан ответный законопроект, говорится о том, что данные меры, предпринимаемые со стороны двух стран, только лишь негативно отражаются на судьбах обычных людей, в частности сирот:

Оригинал	Перевод
39. Perhaps this how the cold war really ends: not with a bang , but a series of petty policy disputes that savage individual lives and leave both countries looking sordid.	Наверное, именно так заканчивается холодная война: не громом салюта , а чередой разрушающих жизни людей мелких споров, на фоне которых обе страны выглядят жалко и

отвратительно.

В этом примере используется аллюзия на известную поэму Т.С. Элиота «Полые люди» (The Hollow Men), передающую «отчаяние современного человека, понимающего, что цивилизация не имеет ничего общего с истинной культурой, что мир, потеряв нравственные корни, тяготеет к саморазрушению». Отрывок поэмы, на который ссылается автор статьи, звучит следующим образом: *This is the way the world ends/ This is the way the world ends/ This is the way the world ends/ Not with a bang but a whimper* (Eliot, <https://allpoetry.com/The-Hollow-Men>) (Вот как кончится мир/ Вот как кончится мир/ Вот как кончится мир/ Не взрыв но всхлип. (перевод А. Сергеева) (Элиот 2000)). Как видно из данного примера, переводчик не распознал цитату и, соответственно, не передал интертекстуальной связи с образом, снизив его эмоциональную и экспрессивную окраску, что в данном случае недопустимо, так как в результате такого неверного представления информации в переводе возникает искажение текста, и этот текст не отсылает читателя к первоисточнику, который тесно переплетается со смыслом данного предложения и несет основную мысль, отображенную в поэме. Здесь переводчику следовало обратить внимание на структуру и ритм данного предложения и выяснить, является ли оно аллюзией к какому-нибудь произведению (в данном случае, The Hollow Men). А затем следовало обратиться к наиболее известному переводу данного произведения и уже на его основе перевести это предложение. В этом случае стало ясно, что *bang* – это вовсе не «гром салюта» (причем у слова *bang* данного значения в словарной статье не встречается), а взрыв, и что структура самого предложения также должна быть совершенно иной, позволяющей читателю понять, что это цитата. Более целесообразно было бы перевести данное предложение следующим образом: *Вот так кончается холодная война: не взрыв, но череда мелких политической распрей, сводимой к частным нападкам, на фоне которых обе страны выглядят отвратительно.*

Также интересно рассмотреть еще один случай неверного истолкования аллюзий с тем же словом. В статье «После 19 лет переговоров Россия вступает в ВТО» (Russia's entry to WTO ends 19 years of negotiations) (The Guardian), посвященной вступлению России в ВТО, говорится:

Оригинал

Перевод

40. Pascal Lamy, the director-general of the WTO, says Russia's entry is not a "**big bang**" accession. Паскаль Лами (Pascal Lamy), генеральный директор ВТО, говорит, что вступление России в организацию не станет «**большим шоком**».

В данном примере неверно интерпретирована фраза *big bang*. Этот пример является цитатой, основанной на аллюзии к теории большого взрыва, поскольку ЛЕ *big bang* означает «большой взрыв», т.е. «состояние расширяющейся Вселенной в прошлом (около 13 млрд. лет назад), когда ее средняя плотность в огромное число раз превышала нынешнюю. Периодом Большого взрыва условно называют интервал времени от 0 до нескольких сот секунд. В самом начале этого периода вещество во Вселенной приобрело колоссальные относительные скорости (отсюда название)» (БЭС). При этом использованная в переводе лексическая единица *шок* означает «тяжелое расстройство функций организма вследствие физического повреждения или психического потрясения» (ТСРЯ). Следует предположить, что здесь имеется в виду даже не сама теория большого взрыва, употребленная в переносном значении, но мгновенность и стремительность действий (поскольку большой взрыв произошел за считанные доли секунды). Следовательно, данное предложение можно было бы передать следующим образом, сохраняя его основной смысл: вступление России в ВТО не приведет к мгновенным изменениям. Стоит отметить, что Паскаль Лами довольно часто употребляет фразу *big bang* именно в таком значении: *The good news is that much of what I have described is already in motion; it is being done gradually, and not through a **big bang***. Говоря о том, какое Россия сделала снижение налоговых пошлин, он упоминает: *“Apart from these tariff cuts, which are significant but do not represent a **big bang**, Russia has offered improved market access opportunities in certain*

areas of goods and in many services sectors.” (https://www.wto.org/english/news_e/sppl_e/sppl272_e.htm) Призывая членов ВТО предпринимать последовательные действия, он говорит: “*WTO members should adopt step-by-step approach, no big-bang*” (Там же). *К тому же, во многих газетах упоминается, что Паскаль Лами не ожидает быстрых изменений в плане экономической политики России* (WTO Director General Pascal Lamy is also not expecting too much for Russia immediately.(Reuters) (<http://www.reuters.com/article/us-trade-russia-idUSBRE87L03Q20120822>); WTO director-general Pascal Lamy warned not to expect too much of a quick change for the country. (*Financial Times*)) (<http://www.ft.com/intl/cms/s/0/50fc1fe6-ec28-11e1-a91c-00144feab49a.html>), после чего приводится его фраза (“This is not a big bang accession,”). Поскольку в переводном тексте фраза также ставится в кавычки, то читатель может подумать, что это цитата генерального директора ВТО, которая в данном случае может означать, что вступление России не является чем-то значительным. К тому же, значение фразы «большой шок» не относит читателя к идее мгновенности.

Таким образом, при неверном истолковании аллюзий теряется не только образность сообщения, но также и в значительной степени искажается смысл сообщения, в результате чего читатель будет введен в заблуждение и не сможет получить полного представления о ситуации.

3.3.3.3 Ошибочный выбор слова при переводе

Среди различного вида искажений нередко встречаются, случаи, когда переводчик при передаче сообщения с одного языка на другой выбирает неверный вариант перевода, который либо дается в самой словарной статье, но не соответствует смыслу по контексту, либо переводчик в силу других причин (по незнанию или невнимательности) использует неверный эквивалент.

3.3.3.4 Ошибочный выбор слова при переводе в политических текстах

Среди искажений при переводе наблюдается неверный выбор значения слова, которое, однако, присутствует в одном из русско-английских словарей (Multitran), но

отсутствует в английском толковом словаре. В статье «Позорная и трусливая реакция на убийство американского посла в Ливии» (The Craven and Disgraceful Response to the Murder of the American Ambassador in Libya) (the Forbs, США) приводится цитата из статьи Майкла Томакси, который задает риторический вопрос, почему же в Сирии погиб американский посол:

Оригинал

Перевод

41. Because of an incendiary movie promoted by stupid **bigots**.
 Из-за подстрекательского фильма, рекламировавшегося тупыми **мракобесами**.

В этом примере для перевода лексической единицы *bigots* используется слово *мракобесы*, которое не является соответствием в словарном отношении, к тому же здесь не оправдано даже контекстом, то есть не может рассматриваться как контекстуальное соответствие. Использование при переводе данной лексической единицы приводит к смысловому смещению, поскольку слово *bigot* обозначает *слепой приверженец, фанатик* (НБАРС), (a person who has or reveals an obstinate belief in the superiority of one's own opinions and a prejudiced intolerance of the opinions of others: *religious bigots* (OED)) какого-либо дела, идеи или направления. Слово *мракобес* означает *враг прогресса, просвещения, науки, обскурант* (НСРЯ). В данном контексте имеются в виду именно религиозные фанатики, которые не смогли смириться с нанесенным им оскорблением, которое затронуло их религиозные чувства. В результате они ужасным образом отомстили США, убив невинных людей (посла США и трех дипломатов). Читателя, имеющего представление об общем контексте событий, может поставить в тупик употребление лексической единицы *мракобес* (т.е. противник прогресса, хотя в тексте оригинала не упоминается, являются ли эти люди на самом деле противниками прогресса). Возможно, переводчик счел эти два слова взаимозаменяемыми синонимами, поскольку оба понятия имеют общую отрицательную коннотацию. Однако как мы уже убедились, эти два слова имеют совершенно разные значения, поэтому употребление слова *мракобес* в данном контексте не уместно.

3.3.3.5 Ошибочный выбор слова при переводе в экономических текстах

В некоторых случаях может быть неверно переведен термин. В статье «Лидеры европейских стран больше не верят Кипру» (Europe's leaders run out of credit in Cyprus) (The Financial Times, Великобритания) говорится о том, что страны северной Европы неохотно помогают странам южной Европы из-за отсутствия к ним доверия:

Оригинал

42. And yet it is a fact that **tax-evasion** is rife in countries such as Greece and Italy.

Перевод

Тем не менее, то, что в таких государствах, как Греция и Италия, процветает **коррупция**, остается фактом.

Термин «tax-evasion» однозначен, а значит, употреблен в своем единственном значении: «уклонение от уплаты налогов» (АВВУУ Lingvo 12), т.е. «нелегальный путь уменьшения налоговых обязательств, основанный на уголовно наказуемом сознательном использовании методов сокрытия учета доходов и имущества от налоговых органов, а также искажения бухгалтерской и налоговой отчетности» (БЮС) (the illegal non-payment or underpayment of tax (OED) «незаконная неуплата или неполная уплата налога»). Как уже упоминалось выше, данный термин однозначен; он не содержит в себе использованного в переводе значения «коррупция», которое означает «сращивание государственных структур со структурами преступного мира в сфере экономики, а тж. продажность и подкуп политических и общественных деятелей, государственных чиновников». (БЮС). В результате неверного перевода, искажающего смысл текста, читатель будет введен в заблуждение, поскольку в данном случае речь идет именно об уплате налогов, которые могли бы пойти на восстановление экономики таких стран, как Греция и Италия. Однако они (налоги) незаконным образом укрываются, в результате чего замедляется процесс выхода этих стран из экономического кризиса и именно поэтому «жителей северной Европы всегда было сложно убедить в том, что необходимо оказывать финансовую помощь югу».

В данном переводе термина значительно затронут предметно-логический компонент значения слова, что привело к искажению части текста.

3.3.3.6 Ошибочный выбор слова при переводе в социальных текстах

В статье «Кремлевский борец с наркотиками Виктор Иванов выступает за глобальную войну с наркотрафиком» (Kremlin Drug Czar Viktor Ivanov Seeks Global War on Traffickers) (The Daily Beast, США) рассказывается о том, какие меры нужно предпринять для борьбы с наркотиками:

Оригинал

Перевод

43. Kremlin Drug Czar Viktor Ivanov Seeks Global War on Traffickers	Кремлевский борец с наркотиками Виктор Иванов выступает за глобальную войну с наркотрафиком
--	--

В этом примере лексическая единица *drug czar* переводится при помощи фразы *борец с наркотиками*. Слово *czar* в подобного рода текстах обозначает *главный координатор всех государственных программ (по борьбе с наркотиками, деятельности в области разведки и др.)*(ABBYYLingvo 12) (a person appointed by government to advise on and coordinate policy in a particular area) (OED). При этом *борец с чем-либо* означает *человек, который борется во имя защиты, осуществления чего-н. (обычно передового, прогрессивного)*(ТСРЯ). Более того сочетание *drug czar* является термином, который имеет значение *глава управления по борьбе с наркоторговлей* (an official employed by a national government to try to stop the trade in illegal drugs) (MED). В.П. Иванов является директором Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков и председателем Государственного антинаркотического комитета. Таким образом, в переводе из человека, занимающего определенный пост, В.П. Иванов превратился в борца с наркотиками на общественных началах или по собственной инициативе. При этом стоит отметить, что слово *czar* относится к разговорному слою лексики, в то время как *борец с чем-либо* принадлежит к высокому слою лексики. Таким образом, происходит неоправданное повышение стилового регистра речи. В результате

читатель не знакомый с ситуацией в России при виде данного заголовка может подумать, что В.П. Иванов вовсе не занимает никакой государственной должности, но, будучи гражданином своей страны, выступает против распространения наркотиков. Поскольку это заголовок, то, возможно, ЛЕ *борец с наркотиками* была использована для привлечения внимания читателя.

Таким образом, неверный выбор слова или термина при переводе может привести к полному искажению информации, что в результате может препятствовать верному восприятию информации реципиентом.

3.3.3.7 Неоправданное опущение при переводе

При переводе может затрагиваться предметно-логический компонент значения слова, что может привести к искажению. В статье «Исследование: стартовый наркотик это алкоголь, а не марихуана» (Study: The ‘gateway drug’ is alcohol, not marijuana) (The raw Story, США) говорится о том, что наркотиком с которого начинают будущие наркоманы, является вовсе не марихуана, а наиболее распространенный наркотик, доступный даже детям – алкоголь. При этом в статье также упоминается, что от вреда, который наносит алкоголь, страдают не столько те, кто его употребляет, но близкие люди этого человека:

Оригинал

44. The *Lancet* study found that **harms to others near the user** were more than double those of the second most harmful drug, heroin.

Перевод

Еще удивительнее другое: авторы этого исследования выяснили, что вред от алкоголя в два с лишним раза выше, чем от второго по степени вреда наркотика героина.

При переводе была опущена часть предложения, которая определяет смысл всего сообщения. В тексте оригинала говорится о том, что вред, причиняемый близким людям того человека, который употребляет алкоголь, в два с лишним раза выше, чем от героина. В переводе же утверждается, что вред наносится самому употребляющему алкоголь, а не окружающим его близким людям. В данном случае информация не соотносится с действительностью, поскольку разрушающее действие

алкоголя более длительное и не приводит к мгновенной смерти, как например, передозировка наркотика. Хотя при этом близкие люди человека, зависимо от алкоголя, могут страдать больше. В результате опущения части предложения, происходит искажение всего смысла сообщения, что может привести к неверному пониманию читателем текста и дать ложную информацию. Таким образом, искажение происходит на идиоматическом уровне, которое может впоследствии повлиять на восприятии всего текста реципиентом, т.е. отразиться на коммуникативно-прагматическом уровне соответствия.

Таким образом, среди лексико-семантических искажений наиболее часто встречаются произвольная смысловая модуляция, которая может привести к утрате или изменению исходного смысла сообщения, опущения, приводящие к искажению текста, неверное истолкование аллюзий. Искажения, происходящие в тексте, достаточно разнообразны и сложно поддаются четкой классификации, как правило, искажения происходят в следствие неверной интерпретации текста оригинала, либо неверного выбора эквивалентной переводной единицы в словаре, что может привести к искажению. В основном, искажения происходят на микро- и мезоуровне, однако стоит отметить, что допущенные при переводе ошибки, несомненно, отразятся на восприятии всего текста, т.е. на макроуровне.

Выводы по главе 3.

1. Существует два подхода к проблеме оценки качества перевода как в отечественной, так и зарубежной традициях: количественный и неколичественный подходы. При количественном подходе при переводе на определенный отрезок текста допускается или не допускается определенное количество ошибок, где каждой ошибке присваивается своя степень серьезности или «вес», т.е. оценка осуществляется на лексическом уровне. При неколичественная модель оценка производится, в том числе, на макроуровне. При этом важную роль при переводе играет эквивалентность и функционально-стилистические особенности текста. В

русской традиции при оценке перевода наиболее важное место отводится таким понятиям, как адекватность и эквивалентность. При этом в России также широко используется количественная модели для оценки качества переводов нехудожественных текстов.

2. На основе рассмотренных теоретических подходов оценку качества перевода можно представить в виде трехуровневой системы: микроуровень (лексический уровень), мезоуровень (идиоматический уровень), макроуровень (коммуникативно-прагматический уровень). При этом на микро- и мезоуровнях выделяются три вида сдвигов: лексико-семантические сдвиги, под которыми подразумеваются незначительно влияющие на смысл сообщения расхождения в значении слова (сдвиги, затрагивающие стилистическое и коннотативное значение); лексико-семантические смещения, при которых затрагивается несколько компонентов значения и/или часть предметно-логического значения, в результате чего имеет место значительная потеря или изменение информации; лексико-семантические искажения, при которых может полностью измениться информация, которая в результате может ввести в заблуждение читателя и привести к нежелательной реакции на сообщение.

3. Лексико-семантические сдвиги в газетных статьях выражаются в виде неоправданных добавлений в текст сообщения (нередко в виде плеоназмов), которые привносят в сообщение дополнительные оттенки значения, которых нет в тексте оригинала.

4. Среди лексико-семантических сдвигов можно выделить также повышение или понижение регистра речи, которое может проявляться не только на лексическом уровне, но также на фразеологическом уровне; эмфатизацию значения, проявляющуюся в политических и социальных текстах, которая может неверно передать отношение автора к рассматриваемой проблеме; смещение оценочного фокуса при переводе в текстах политической, экономической и социальной тематик, которые не передают точную информацию, заложенную в тексте оригинала;

использование приема генерализации, при котором происходит потеря части информации.

5. Помимо перечисленных выше видов лексико-семантических сдвигов причиной различного рода расхождений может стать, в том числе, проблема разграничения свободного словосочетания и термина (*shady business* и *shadowy business*), которые будут содержать в себе различные понятия и оттенки значения.

6. Среди лексико-семантических смещений наиболее часто наблюдаются добавления, которые могут затрагивать помимо коннотативной, также часть предметно-логического значения, неоправданные опущения, при которых теряется часть информации, смещения оценочного фокуса при переводе, которые возникают в связи с использованием произвольной смысловой модуляции, при которой происходит заметная потеря информации.

7. Искажения возникают в результате добавлений в текст перевода, которые могут привести к полному изменению информации, представленной в тексте оригинала; неверное истолкование аллюзий, которые приводят не только к потере образности, но и в некоторых случаях искажают часть текста сообщения; неверный выбор значения слова в политических, социальных и экономических текстах, приводящих к полной потере информации; искажение предметно-логического значения слова в следствие произвольной смысловой модуляции.

Заключение

Данное исследование было посвящено анализу функционально-стилистических особенностей английских газетных статей, где особое внимание было уделено анализу таких текстообразующих признаков газетного текста, как оценочность и адресованность, их реализация при переводе, а также была проведена попытка создания алгоритма для осуществления оценки качества перевода применительно именно к текстам газетных статей.

В настоящем исследовании был произведен обзор теоретических работ в области оценочности и адресованности с целью обоснования гипотезы относительно взаимосвязи адресной направленности и оценочности текста. В результате исследования было установлено, что адресованность и оценочность являются конститутивными признаками газетного текста: в зависимости от адресной направленности газетной статьи автором будут выбираться соответствующие оценочные средства с целью оказания наилучшего воздействия на реципиента.

Исследование теоретического материала в области оценочности позволило создать собственную трехуровневую классификацию, согласно которой оценочность может проявляться на лексическом уровне, на идиоматическом уровне (что выражается в сочетании отдельных лексических единиц), и на коммуникативно-прагматическом уровне, т.е. на уровне части текста или всего текста, что было продемонстрировано на соответствующем лингвистическом материале.

Анализ адресованности газетного текста при переводе показал, что направленность при передаче текста с одного языка на другой может как совпадать и передавать адресованность оригинала, так и сознательно или неосознанно быть направлена на получателя перевода, в результате чего будет меняться степень восприятия текста реципиентом.

На основании изученных теоретических работ в области оценки качества перевода, была предложена трехуровневая система проведения анализа оценки перевода иноязычного газетного текста. В соответствии с этой системой оценку

качества перевода необходимо проводить на макроуровне, т.е. оценить функциональное соответствие двух текстов, а также определить коммуникативно-прагматических эффект, оказываемый на читателя оригинальным и переводным текстами, соответствие оценочного и адресного компонентов текста; на мезоуровне, т.е. выявить соответствия на уровне словосочетаний и на микроуровне, т.е. определить лексико-семантические соответствия на уровне отдельных слов.

В соответствии с полученными результатами исследования в области оценочного и адресного компонентов газетного текста, а также предложенного алгоритма проведения оценки качества перевода газетных текстов, производится анализ переводов английских газетных статей на микро- и мезоуровнях с целью определения наиболее часто встречаемых видов расхождений, наблюдаемых при передаче текста с одного языка на другой. В результате все расхождения делятся на три вида: лексико-семантические сдвиги, лексико-сементические смещения и лексико-семантические искажения при переводе (данная классификация была предложена Т.А. Казаковой). Далее каждая категория разделяется на подкатегории наиболее часто встречаемых расхождений при переводе газетного текста.

Среди всех трех категорий наиболее часто встречаются приемы добавления при переводе, которые могут привносить дополнительные смыслы, не присутствующие в оригинале. Причем добавления наблюдаются во всех трех типах статей: политических, экономических и социальных. Среди лексико-семантических сдвигов значения слова также довольно часто встречаются повышение или понижение регистра речи, неоправданная эмфатизация значения, смещение оценочного фокуса. Среди лексико-семантических искажений помимо неоправданных добавлений в текст перевода, встречаются неоправданные опущения, а также смещение оценочного фокуса. Среди лексико-семантических искажений наиболее типичным являются неверное истолкование аллюзий, неверный выбор слова при переводе, а также опущения. В целом можно отметить, что наиболее уязвимыми группами, подвергающимися различного рода расхождениям, являются

эмоционально-оценочная лексика, термины, аллюзии.

На основании рассмотренных примеров, можно сделать вывод, что среди трех представленных групп лексико-семантических расхождений наиболее распространенными являются группа лексико-семантических сдвигов, в меньшей степени представлены группа лексико-семантических смещений и лексико-семантических искажений.

В дальнейших работах представляется интересным провести исследование с двумя группами читателей и установить степень воздействия на них оригинально и переведенного текстов.

Список сокращений словарей

1. БТСРЯ – Большой Толковый словарь русского языка.
2. БЭС – Большой энциклопедический словарь.
3. БЮС – Большой юридический словарь.
4. КСОТиОС – Краткий словарь оперативно-тактических и общевоенных слов (терминов).
5. НБАРС –Новый большой англо-русский словарь.
6. ОСКМ – Оксфордский справочник по клинической медицине.
7. ПЭ – Психологическая энциклопедия.
8. СДЭС – Славянские древности. Этнолингвистический словарь.
9. СПП – Словарь практического психолога.
- 10.СРА – Словарь русского арго.
- 11.ССП – Словарь-справочник по психоанализу.
- 12.ТСДНЭ –Толковый Словарь демократического новояза и эвфемизмов
- 13.ТСРЯ –Толковый словарь русского языка.
- 14.ЭС – Экономический словарь.
- 15.AHD – The American Heritage Dictionary.
- 16.CED – Cambridge English Dictionary.
- 17.CoED – Collins English Dictionary.
- 18.DMTA – Dictionary of Military Terms and Acronyms.
- 19.MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners.
- 20.OED – Oxford English Dictionary.

Список литературы:

1. Абрамов В.П. Структурно-семантическое описание глаголов передачи в русском языке : автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1980 – 20 с.
2. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. – СПб: Наука, 1994. – 153 с.
3. Александрова О.В. Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования /Под ред. М.Н. Володиной. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 210-210
4. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. СПб: Филологический факультет СПбГУ. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
5. Аликина Е.В. Оценка качества устного последовательного перевода в реальной и учебной ситуации // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 13. – Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2011. – С. 114-123
6. Арнольд И.В. «Стилистика. Современный английский язык». – М.: Флинта, 2002. – 384 с.
7. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Большой Энциклопедический словарь. Языкознание. Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1998. – С. 136-137
8. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1981. Т. 40. № 4. – С.356 – 367.
9. Ахундова Э.Г. Основные жанры современной периодической печати и проблемы перевода (с азербайджанского на русский и с русского на азербайджанский языки). – Баку: Мутарджим, 2011. – 90 с.
10. Балыхина Т.М., Лысякова М.В., Рыбаков М.А. Русский язык и культура речи. – М.: Изд-во РУДН, 2007. – 480 с.

11. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
12. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
13. Белич А.И. К вопросу о распределении материала по главным грамматическим дисциплинам. // Вестник Моск. ун-та. Сер.8. № 7, 1947.— С. 3-45
14. Беневоленская Т.А. Композиция газетного очерка. – М.: Изд-во МГУ , 1975. – 86 с.
15. Бобков А. К. Газетные жанры. – Иркутск: Иркут. ун-т, 2005. – 64 с.
16. Бобровская Г.В. Газетный дискурс в проблемном поле коммуникативно-прагматической лингвистики. // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания», № 4 (14), 2011. – С. 1-4 [Электронный ресурс] URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1325146149.pdf> (дата обращения: 29.04.2016)
17. Бобровская Г.В. Элокутивные средства газетного дискурса в коммуникативно-прагматическом аспекте (на материале русского языка): автореф. дис. д-ра филол. наук. – Волгоград, 2011. – 50 с.
18. Богданов В.В. Формы Речевого общения. Прагматические и семантические аспекты. Учеб. пособие. – Ленинград: Ленинградский университет, 1990. – 87 с.
19. Богданова Л.И. Стилистика русского языка и культура речи: Лексикология речевых действий. – М: Флинта, Наука. 2011. – 248 с.
20. Быстрова Л.В., Капатрук Н.Д., Левицкий В.В. К вопросу о принципах и методах выделения лексико-семантических групп слов // Филол. науки. 1980. No 6. С. 75 – 78.
21. Валгина Н. С. Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Высшая школа, 2003. – 416 с.
22. Валгина Н.С. Розенталь Д.Э. Фомина М.И. Современный русский язык: Учебник / Под редакцией Н.С. Валгиной. - 6-е изд., перераб. и доп. – М: Логос, 2002. – 528 с

23. Введенская Л.А., Черкасова М.Н. Русский язык и культура речи. 3-е изд. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 384 с.
24. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
25. Виноградов В.В. Русский язык. – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.
26. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
27. Воробьева О. П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста: Дис. на соис. учен. степени д-ра филол. наук. – М., 1993 – 38 с.
28. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. – М., Издательство Московского университета, 2000. – 501 с.
29. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
30. Гальперин А.И. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 462 с.
31. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2006. – 144 с.
32. Гальперин И. Р. О понятии «текст». // Лингвистика текста: Материалы науч. конф. – М., 1974. Ч. 1. С. 67-72.
33. Гарбовский Н. К. Теория перевода. – М: Изд-во МГУ, 2007. – 544 с.
34. Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 348 с.
35. Голуб И.Б. Русский язык и культура речи: Учебное пособие. – М.: Логос, 2010 . – 432 с.
36. Голуб И.Б. Неклюдов В.Д. Русская риторика и культура речи: учеб. пособие. – М.: Логос, 2011. – 238 с.

37. Гончарова Е.А. Тип повествования – Прагматическая перспектива Адресованность художественного текста.// *Studia Linguistica* № 5. Лингвистика и прагматика текста. – СПб: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 1997. – С. 5-12
38. Гончарова Е.А. Стиль как антропологическая дисциплина.// *Studia Linguistica* № 8. Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. – СПб: Тригон, 1999. – С. 146-154
39. Городецкий Б.Ю. К проблеме семантической типологии. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 564 с.
40. Граудина Л. К., Е. Ширяев Н. Культура русской речи. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1999. – 560 с.
41. Гуревич В.В. *English Stylistics / Стилистика английского языка. Уч. пособие. 2-е изд.* – М.: Флинта, 2007. – 72 с.
42. Даниленко В. П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов// *Исследования по русской терминологии* – М: Наука, 1971. – с. 7-67.
43. Дейк ван Т.А. *Познание. Язык. Коммуникация.* – Б: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
44. Демьянков В.З. *Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной лингвистике.* – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 76 с.
45. Елисеева В.В. *Лексикология английского языка.* – СПб: СПбГУ, 2003. – 44 с.
46. Иванова Е.В. *Лексикология и фразеология современного английского языка = Lexicology and Phraseology of Modern English: учеб.пособие для студ.учреждений высш.проф.образования.* – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, М.: Издательский центр «Академия», 2011. – 352 с.
47. Ивин А.А. *Основания логики оценок.* – М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. – 230 с.

48. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. – М: Международные отношения. 1980. – С. 152-153.
49. Казакова Т. А. Асимметричность стиля в переводе // *Studia Linguistica*. Актуальные проблемы современного языкознания. Вып. 18. – СПб: Политехника-сервис, 2009. – С. 250-256.
50. Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика. – СПб.: ООО «Инязъиздат», 2006 – 544 с.
51. Казакова Т. А. Стратегии редактирования перевода / Двенадцатые Федоровские чтения. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2013–
52. Казакова Т.А. Асимметрия как системное отношение в условиях перевода.// Федоровские чтения. Вып. 10. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2009. – С. 225-229
53. Казакова Т.А. Невынужденные отклонения в переводе.// Международная филологическая конференция. Актуальные проблемы переводоведения. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – С. 113-118
54. Казакова Т.А. Перевод как переработка информации.// Федоровские чтения. Вып. 11. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – С. 197-201
55. Казакова Т.А. Практические основы перевода. – СПб.: Союз, 2008. –
56. Казакова Т.А. Смысл как информация в тексте// Международная филологическая конференция. Актуальные проблемы переводоведения. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – С. 44-48
57. Казакова Т.А. Текст как информация в переводе.// Проблемы современного переводоведения. (Сб. в честь 60-летия В.И. Шадрин). – СПб: СПбГУ, 2011. – С. 92-99
58. Калошина Н.А. Редактирование переводов: методические указания к практическим занятиям по дисциплине «Основы редактирования переводов» для студентов 5-го курса направления 6.020303 «Филология» специальности 7.02030304

«Перевод» дневной формы обучения / Сост. Н.А.Калошина. – Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2011. – 52 с.

59. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. – Волгоград: Парадигма, 2010. – 428 с.

60. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 360 с.

61. Караулов Ю.Н. Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса. // Дейк ван Т.А. Познание. Язык. Коммуникация. – Б: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – С. 5-11

62. Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации. – М., 2007, [Электронный ресурс]. URL : <http://kachkine.narod.ru/CommTheory/Contents/Contents.htm> (дата обращения: 20.10.2014)

63. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. (Диссертация в виде научного доклада, составленная на основе опубликованных работ, представленная к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук). – М.: Российская академия наук. Институт языкознания, 2003. – 90 с.

64. Кирилина А.В. Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания / Сост. А. Кирилина. М.: Изд-во "Рудомино". 2000. С. 47-81

65. Клушина Н. И. Общие особенности публицистического стиля. // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования /Под ред. М.Н. Володиной. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 479-495

66. Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000 –2008 гг.) : автореф. дис. д-ра филол. наук. – М., 2008. – 57 с.

67. Княжева Е.А. Зюзина А.Л. Концептуализация качества перевода в обыденном сознании. // Язык, коммуникация и социальная среда: ежегодное научное международное издание. Вып. 9. – Воронеж: ВГУ, 2011. – С. 156-165

68. Княжева Е.А. Переводческий анализ текста и качество перевода // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация.– Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2012. № 1. – С. 170-175
69. Кодухов В. И. Лексико-грамматические группы слов: Лекция. – Л.: ЛГПИ, 1955. – 28 с.
70. Кожина Н.М., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
71. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
72. Кривяков С. В. Теоретический анализ экономических систем (учебное пособие). – Томск: Издательство томского университета, 2007. – 148 с.
73. Крупнов В.Н. В творческой лаборатории переводчика. – М.: Международные отношения, 1976. – 190 с.
74. Кубрякова Е.С. Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М: Филологический факультет им. М.В. Ломоносова, 1997. – 197 с.
75. Кузнецова Э. В. Лексико-семантическая группа слов и методы её описания // Актуальные проблемы лексикологии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1969. – С. 99-101.
76. Кузнецова Э. В. Лексико-семантическая группа слов и методы её описания // Актуальные проблемы лексикологии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1969. – С. 99-101.
77. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. – М. : Высш. шк., 1982– 152 с.
78. Кузнецова Э.В. Части речи и лексико-семантические группы слов // Вопр. языкознания. № 5. – М: Наука, 1975.– С. 78–86.
79. Куниловская М.А. Классификация переводческих ошибок и их разметка в brat // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: сборник научных трудов.

Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 16. Т. 1. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2013. – С. 59-71

80. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – Л.: Просвещение, 1979. – 327 с.

81. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: монография. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 400 с. (Язык. Семиотика. Культура).

82. Лапшина М.Н. Стилистика современного английского языка = English Stylistics: учеб. пособие для студ.учреждений высш. проф. образования. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, М.: Издательский центр «Академия», 2013. – 372 с.

83. Латышев Л.К. Перевод проблемы теории, практики и методики преподавания. – М.: Просвещение, 1988. – 160 с.

84. Латышев Л.К. Технология перевода. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. – 280 с.

85. Лексико-семантические группы русских глаголов/ Под ред. Э.В. Кузнецовой. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. – 180 с.

86. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – Волгоград: Перемена, 2002. – 434 с.

87. Липатов Д.Т. Лексико-семантические группы слов и моносемные поля синонимов // Филол. науки. 1981. № 2. – С. 51–57.

88. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

89. Масленникова, А. А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация [Текст]: автореф. д-ра филол. наук: 10.02.19, 10.02.04 / А. А.Масленникова. – СПб., 1999. –42 с.

90. Меркулова Е.М. Структура семантического гиперполя характерологических прилагательных // Семантико-функциональные поля в лексике и грамматике : межвуз. сб. науч. тр. – Л. : Изд-во ЛГПИ, 1990. – С. 87–96.

91. Микоян А.С. Проблемы перевода текстов СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования /Под ред. М.Н. Володиной. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 443-455.

92. Минченков А.Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка). Авт. реф. дисс. д-ра филол. наук – СПб, 2008. – 43 с.
93. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. – М.: Московский Лицей, 1996. – 208 с.
94. Миронова Н.Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа. // Известия АН. Серия Литературы и языка. Т. 56 № 4, 1997. – С. 52-59
95. Мисуно Е. А. Шаблыгина И. В. Перевод с английского языка на русский язык. Практикум. – Минск: АБЕРСЭВ, 2009. – 256 с.
96. Моисеенко Г. Практический справочник переводчика и редактора. – М: Москва, 2014. – 123 с.
97. Мороховский А.Н., Воробьева О.П., Лихошерст Н.И., Тимошенко З.И. Стилистика английского языка. – Киев, 1984. – 241 с.
98. Москальская О.И. Грамматика текста. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.
99. Новиков А.И., Ярославцева Е.И. Семантические расстояния в языке и тексте. М. : Наука, 1990. – 136 с.
100. Огородникова Т. В. Мезоуровень исследования экономического поведения: проблемы методологии./ Известия ИГЭА, 2012, № 3 (83). – С. 5-8
101. Орел М.А. Передача терминологии как основа качества экономического перевода. // Проблемы перевода, лингвистики и литературы: сб. науч. тр. Сер. «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 15. Т. 1. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2012. – С. 116-130
102. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
103. Полевые структуры в системе языка. Коллективная монография./ Науч. Редактор З.Д. Попова. – Воронеж: Издательство ВГУ, 1989. – 198 с.
104. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Источник, 2007. – 250 с.

105. Поспелов Н.С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке. // Учен. зап. МГУ. 137. / Тр. кафедры русского языка 2. 1948. – С. 31-41.
106. Почепцов Г.Г. О коммуникативной типологии адресата // Речевые акты в лингвистике и методике. Межвузовский сборник научных трудов. – Пятигорск, 1986. – С. 10-17
107. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – К.: Ваклер; М.: Рефл-бук, 2001. – 656 с.
108. Пустовалов П.С. «Канцелярит» и речевые штампы// Литературная учеба. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.lych.ru/online/0ainmenu-65/32--s32008/98--1-> - (дата обращения 14.07.2016)
109. Репецкая Р.С. К выбору лексико-семантической группы глаголов (на материале глаголов демонстрации, показа, манифестации в современном английском языке) // Проблемы словообразовательной семантики : межвуз. сб. науч. тр. – Пятигорск : Изд-во Пятигорск. гос. пед. ин-та иностр. яз., 1984. – С. 80-85
110. Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста. – Ленинград: Наука, 1983. – 216 с.
111. Реформатский А. А. Что такое термин и терминология// Вопросы терминологии (Материалы Всесоюзного терминологического совещания). – М: Изд-во академии наук СССР, 1961. – с. 46-54
112. Рецкер Я. И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский. – М. 1982. – 159 с.
113. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика. – М.: ОНИКС 21 век, 2001. – 381 с.
114. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. – М.: Айрис-Пресс, 2002. – 448 с.

115. Романова Н.Л. Языковые средства выражения адресованности в научном и художественном текстах (на материале немецкого языка): автореф. дис. канд. филол. наук. – СПб, 1996. – 14 с.
116. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1999. – 384 с.
117. Русский язык и культура речи: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп./Под ред. проф. О.Я. Гойхмана. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 240 с.
118. Рябцева Н.К. Прикладные проблемы переводоведения. Лингвистический аспект (учебное пособие). – М.: Флинта : Наука, 2016. – 224 с.
119. Сапожникова О.С. Критика перевода: поиски объективных критериев. // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Вып. 6. – Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. – С. 11-18
120. Сдобников В. В, Петрова О. В. Теория перевода. – М.: Восток-запад, 2006. – 448 с.
121. Сдобников В. В. Адекватность и эквивалентность как критерии оценки качества перевода // Информационно-коммуникативные аспекты перевода: Сб. науч. трудов. – Ч. I. – Н.Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 1997. С. 109-124.
122. Сдобников В.В. Оценка качества перевода (коммуникативно-функциональный подход): монография. – М.: Флинта : Наука, 2015. – 112 с.
123. Солганик Г.Я. Стилистика текста: Учеб. пособие. – М.: Флинта, Наука, 1997. – 256 с.
124. Солганик Г.Я. Язык СМИ на современном этапе/ Мир русского слова, № 2. – М: МИРС, 2010 – с. 21-24
125. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. – М.: Восток-Запад, 2007. – 206 с.
126. Суперанская А. В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. М: ЛКИ, 2007, 248 с.

127. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
128. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
129. Тишин Д. Приложение 17. О приемах формализованной оценки качества перевода. [Электронный ресурс] // Союз переводчиков России. Санкт-Петербургское отделение. URL: http://philologist.com/joomla/index.php?option=com_content&view=article&id=227:приложение-17-о-приемах-формализированной-оценки-качества-перевода&catid=110:рекомендации&Itemid=538 (дата обращения: 20.11.2015)
130. Тотрова Д.Б. О понятиях «лексико-тематическая группа» и «лексико-семантическая группа»// Бюллетень Владикавказского института управления. – Владикавказ: НОУ ВПО «Владикавказский институт управления», № 37, 2011. – С. 124-137
131. Тураева З.Я. Лингвистика текста. – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.
132. Тюленев С.В. Теория перевода: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2004. – 336 с.
133. Успенский Ю.Л. О профилактике типичных ошибок в письменном переводе и критерии оценки его качества. // Проблемы обучения переводу в языковом вузе: тез. докладов Первой международной научно-практической конференции. 16-17 апреля 2002г. – М.: МГЛУ, 2002. – С. 42-45
134. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. – М: Либроком, 2011. – 208 с.
135. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 416 с.
136. Фесенко Т.А. Перевод в зеркале когнитивной науки.// С любовью к языку (сборник научных статей. Посвящается Е.С. Кубряковой). – Москва-Воронеж: Институт языкознания РАН. 2002. – С. 65-71

137. Фесенко Т.А. Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода: Учеб. пособие. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – 228 с.
138. Фигуровский И.А. От синтаксиса отдельного предложения к синтаксису целого текста. // Русский язык в школе, 1948, № 3, – с. 21-32.
139. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Езиковедски исследования в чест на акад. Стефан Младенов. – София, 1957. – С. 523-538
140. Филиппов К.А. Лингвистика текста: Курс лекций. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. – 336 с.
141. Ци Ванчжи Термины в языке газеты. автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2006. – 20 с.
142. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. Учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 2006. – 136 с.
143. Швейцер А.Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). – М.: Наука, 1988. –
144. Шевнин А.Б. Эрратология: монография. – Екатеринбург: Уральский гуманитарный университет, 2003. – 216 с.
145. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра. // Жанры речи. – Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра “Колледж”, 1997. – С. 88-98
146. Щирова И.А., Гончарова Е.А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. – СПб: ООО «Книжный Дом», 2006. – 172 с.
147. Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: Учеб. пособие. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. – 472 с.
148. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – с.
149. Secara A. Transaltion Evaluation – A State of the Art Survey. Centre for Taranslation Studies. – Leeds: University of Leeds, 2005. – С. 39-44.
150. АТА (American Translators Association) [Электронный ресурс]. URL : http://www.atanet.org/certification/aboutexams_error.php (дата обращения: 20.11.2015)

151. Baker M. In Other Words. A Coursebook of Translation. – London; New York: Routledge, Taylor&Francis Group, 2011 – 332 p.
152. Basnett S. Translation studies. – New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2005. – 176 p.
153. Boase-Beier J. A Critical Introduction to Translation Studies, – London: Continuum, 2011– 187 p.
154. Catford J.C. A Linguistic Theory of Translation. – Oxford: Oxford University Press, 1965 – 103 p.
155. Catford, J. C. Translation Shifts// The Translation Studies Reader. Ed. Lawrence Venuti. – London: Routledge, 2000. – P. 141 – 148.
156. Delpech E. M. Comparable Corpora and Computer-assisted . – London: ISTE Ltd, 2014. – 304 p.
157. Dijk van Teun A. Ideology. A Multidisciplinary Approach. – London: SAGE Publications, 1998. – 365 p.
158. Grice H. P. Logic and conversation. – In: «Syntax and semantics», v. 3, ed. by P. Cole and J. L. Morgan, – N. Y.: Academic Press, 1975. – p. 41– 58.
159. Halverson S.L. A Cognitive Linguistic Approach to Translation Shifts// Belgian Journal of Linguistics, 2007. – P 105-121
160. Harris Z. S. Discourse analysis // Language. 1952. Vol. 28. – P. 1-30.
161. House J. Translation Quality Assessment: A Model Revisited. – Tübingen: Günter Narr Verlag, 1997– 209 p.
162. House J. Translation Quality Assessment: linguistic Description versus Social Evaluation / Meta: Translator's Journal, vol. XLVI, № 2, Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal, 2001. – C. 243-256
163. Hurtado Albir A. Traducción y Traductología. Introducción a la Traductología. – Madrid: Catedra, 2011. – 650 p.
164. Jakobson Roman On Linguistic Aspects of Translation. In: R.A. Brower (ed.). “On Translation”. – New York: Oxford University Press, 1966. – p. 232-239.

165. Kazakova T.A. Strategies of Literary Translation // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences (Vol. 8, Issue 12). – Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2015. – С. 2842- 2847
166. Kenny D. Equivalence//Routledge Encyclopedia of translation studies, ed. by M. Baker. – London; New York: Routledge, Taylor&Francis Group, 2001. – 77-80 pp.
167. Leonardi V. Equivalence in Translation: Between Myth and Reality. // Translation Journal. V.4 № 4. 2000. [Электронный ресурс] URL: <http://translationjournal.net/journal/14equiv.htm> (дата обращения: 03.02.2015)
168. Bell R. Translation and translating theory and practice. – Longman: London and New York, 1991. – 298 p.
169. MacCabe C. Theoretical Essays: Film, Linguistics, Literature. – Manchester: Manchester University Press, 1985. – 153 p.
170. Munday, J. (2000).Introducing Translation Studies. Theories and applications. – London and New York: Routledge, 2001. – 222 p.
171. Newmark P. Approaches to Translation. – New York: State University of New York Press, 1981. – 200 p.
172. Newmark P. ATextbook of translation. – London: Prentice Hall, 1988. – 293 p.
173. Nida E. Towards a Science of Translating, – Leiden: E. J. Brill, 1964– 331 p.
174. Nida E., C.R. Taber The Theory and Practice of Translation, – Leiden E. J. Brill, 1969 – 218 p.
175. Nord Ch. Translating as a Purposeful Activity: a Prospective Approach/ TEFLIN Journal, vol. 17. № 2, 2006, – P. 131-143
176. Nord Ch. Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained. – Florence, KY, USA: Routledge, 2014. – 161 p.
177. Pym A. Exploring Translation Theories. – London; New York: Routledge, Taylor&Francis Group, 2010. – 179 p.

178. Pym A. Exploring Translation Theories. – London, New York: Routledge, 2014. – 255 p.
179. Pym A. Western translation theories as responses to equivalence. 2009. [Электронный ресурс] URL: <http://www.journalogy.net/Publication/14334735/western-translation-theories-as-responses-to-equivalence> (дата обращения: 11.10.2015)
180. Quiroga-Clare C. Language Ambiguity: A Curse and a Blessing.// Translation Journal. V. № 1. 2003. [Электронный ресурс] URL: <http://translationjournal.net/journal/23ambiguity.htm> (дата обращения: 03.02.2015)
181. Reiss K. Translation Criticism – the Potentials & Limitations. Categories and Criteria for Translation Quality Assessment. – London, New York: Routledge, 2000. – 127 p.
182. Schiffrin D. Discourse Markers. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 364 p.
183. Sdobnikov V. V. Translation Quality Assessment in Various Communicative Situations: the Problem of Assessor// Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2, 2014. – P. 305-311
184. SEA Translation Quality Metric [Электронный ресурс]. URL: http://www.apex-translations.com/documents/sae_j2450.pdf (дата обращения: 20.11.2015)
185. Snell-Hornby M. “What’s in a name?” On metalinguistic confusion in Translation Studies// The Metalanguage of Translation. Ed. by Yves Gambier and Luc van Doorslaer. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007. – P. 313-325
186. Snell-Hornby, M. Translation Studies: An Integrated Approach. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988/1995. – 173 p.
187. The Measurement of Quality in Translation in Translation. Using Statistical Methods. 43rd ATA Conference – Atlanta 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.translationquality.com/files/QualityMeas2002.pdf> (дата обращения: 20.11.2015)

188. Toury G. *Descriptive, Translation Studies and Beyond*. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1995. – 311 c.
189. Venuti L. *The Scandals of translation*, – London; New York: Routledge, Taylor&Francis Group, 1999 – 210 p.
190. Venuti L. *The Translator's Invisibility*, – London; New York: Routledge, Taylor&Francis Group, 1995 – 353 p.
191. Vinay, J.P. and J. Darbelnet *Comparative Stylistics of French and English: a Methodology for Translation*, – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1995 – 358 p.
192. Williams M. *The application of argumentation theory in translation quality assessment*. // *Meta: journal des traducteurs / Meta : Translators' Journal*, vol. 46, № 2. – Montréal(Canada): Université de Montréal, 2001 – P. 326-344.
193. Williams M. *Translation Quality Assessment: An Argumentation-Centered Approach*. – Ottawa: Univeristy of Ottawa Press, 2004 – 188 p.
194. Yebra V.G. *Traduccion: Historia y Teoria*. – Madrid: Biblioteca Romanica Hispanica Editorial Gredos, 1994. – 466 p.
195. Znamenskaya T.A. *Stylistics of the English Language. Fundamentals of the Course*. – Едиториал УРСС, 2002. – 208 с.

Список словарей и справочных материалов

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – М: Русские словари, 1999 – 433 с.
2. Апресян Ю. Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. и др. Новый большой англо-русский словарь. М.: Русский язык, 2003. – 832 с.
3. Архипов А. И. Экономический словарь, М: Проспект, 2013. – 663 с.
4. Белояр А. Толковый Словарь Демократического Новояза и Эвфемизмов Редакция 2, 2007. – 321 с.
5. Большой энциклопедический словарь / Ред. А.М. Прохоров . 2-е изд., перераб. и доп . – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000 . – 1456 с.
6. Борисов А.Б. Большой юридический словарь, М: Книжный мир, 2010. – 848 с.
7. Головин, С.Ю. Словарь практического психолога Текст. /С.Ю. Головин. – Минск.: Харвест, 1998. – 800 с.
8. Елистратов В.С. Словарь русского арго. – М.: Русские словари, 2000. — 694 с.
9. ИТАР-ТАСС 20.03.2013 а. «Кипрский парламент проголосовал против введения налога на депозиты». URL:<http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/638234> (дата обращения 06.10.2014)
10. ИТАР-ТАСС 26.07.2013 б. «Стрижка» депозитов в Банке Кипра согласована на уровне 45 процентов». URL:<http://itar-tass.com/obschestvo/545923> (дата обращения 06.10.2014)
11. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
12. Левкиевская Е. Е. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И.Толстого. Т. 3. – М: Международные отношения , 1995, – с. 26-27.
13. Лейбин В. М. Словарь-справочник по психоанализу. – М: АСТ Москва, Neoclassic, АСТ. Серия Psychology, 2010. – 960 с.
14. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – М.: Оникс, 2008. – 736 с.

15. Психологическая энциклопедия. Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха, 2-е изд. – СПб.: Питер 2006. – 1096 с.
16. Раджагопалан С., Уилкинсон Я. Лонгмор М. Оксфордский справочник по клинической медицине. – М: Бином. Лаборатория знаний, 2009 – 856 с.
17. Словарь ABBYY Lingvo 12 (CD-ROM)
18. Словарь Multitran URL:www.multitran.ru (последняя дата обращения 31.10.2014)
19. Шкодунович Н.Н. (ред.). Краткий словарь оперативно-тактических и общевоенных слов (терминов) – М.: Военное издательство Министерства обороны союза СССР, 1958. – 324 с.
20. Эллиот Т.С. Полые люди : [Авторский сборник] / Сост., предисл. и примеч. В.Л. Топорова; пер. с англ. Н.Н. Берберовой, О.А. Седаковой, А. Я. Сергеева, Я.Э. Пробштейна, В. Л. Топорова. – СПб.: ООО «Издательский Дом „Кристалл“», 2000. – 464 с.
21. Dictionary of Military Terms and Acronyms, – USA: Praetorian Press Llc, 2011, – 894 с.
22. Bandler James «The shadowy business of diversion». Fortune, 04.08.2009. URL:http://archive.fortune.com/2009/07/31/news/companies/product_diversion.fortune/index.htm (дата обращения 14.10.2014)
23. Cambridge English Dictionary <http://dictionary.cambridge.org/> (CED)
24. Collins English Dictionary URL:www.collinsdictionary.com (последняя дата обращения 31.10.2014)
25. Eliot T.S. The Hollow Men. URL: <https://allpoetry.com/The-Hollow-Men> (дата обращения: 26.12.2015)
26. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, London: Macmillan Publishers Limited, 2007 1748с.

27. NewYorkCity.ca: Ghost on Broadway New York.
URL:<http://www.newyorkcity.ca/ghost-on-broadway-new-york/> (дата обращения 14.10.2014)
28. Oxford English Dictionary (URL: www.oxforddictionaries.com)
29. Pallante T. From Your Wallets to Their Pockets: Understanding the Credit Crisis: Privatizing Profits and Socializing Losses. – Bloomington, IN (USA): iUniverse, 2009. – 204 p.
30. Roskin M. G. Political Science: An Introduction, 13th Edition. – New York, USA: Pearson, 2013. – 360 p.
31. The American Heritage Dictionary [Электронный ресурс] URL: <https://ahdictionary.com/word/search.html?q=RUB>

Список источников примеров

1. A bad day for Britain, Mr Cameron (the Guardian) [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/jun/29/after-juncker-blunder-where-now-david-cameron> (дата обращения: 20.02.2016)
2. A bailout for Cyprus, a geopolitical failure for Russia. (The Washington Post) [Электронный ресурс] URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2013/03/25/a-bailout-for-cyprus-a-geopolitical-failure-for-russia/> (дата обращения: 20.10.2014)
3. Abandoning Sergei Magnitsky. (Foreign Policy) [Электронный ресурс] URL: <http://foreignpolicy.com/2012/06/21/abandoning-sergei-magnitsky/> (дата обращения: 20.10.2014)
4. An Arab Spring Update of Orwell's "Animal Farm". (The Daily Beast) [Электронный ресурс] URL: <http://europa.newsweek.com/arab-spring-update-orwells-animal-farm-65863?rm=eu> (дата обращения: 20.10.2014)

5. At Easter, let's bring joy into other lives (The Telegraph) [Электронный ресурс]
URL: <http://www.telegraph.co.uk/opinion/2016/03/27/at-easter-lets-bring-joy-into-other-lives/> (дата обращения: 04.05.2016)
6. Behold, the \$1M electric super car no one asked for and no one needs (The Washington Post) [Электронный ресурс] URL:
<https://www.washingtonpost.com/news/innovations/wp/2016/02/26/behold-the-1m-electric-super-car-no-one-asked-for-and-no-one-needs/> (дата обращения: 04.05.2016)
7. Can Egypt and Syria Be Saved? (The National Interest) [Электронный ресурс]
URL: <http://nationalinterest.org/commentary/can-egypt-syria-be-saved-6449> (дата обращения: 20.10.2014)
8. Christian leaders attempt to fix global date for Easter (The Guardian) [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2016/jan/15/easter-justin-welby-christian-attempt-fix-date> (дата обращения: 04.05.2016)
9. Cyprus finds not all nations are equal. (The Financial Times) [Электронный ресурс] URL: <https://www.ft.com/content/e109906e-9718-11e2-8950-00144feabdc0> (дата обращения: 25.10.2014)
10. Decriminalise drug use, say experts after six-year study. (The Guardian) [Электронный ресурс] URL:
<https://www.theguardian.com/politics/2012/oct/15/decriminalise-drug-use-say-experts> (дата обращения: 25.10.2014)
11. Designing cars that women want to buy (The Telegraph) [Электронный ресурс]
URL: <http://www.telegraph.co.uk/motoring/10077069/Designing-cars-that-women-want-to-buy.html> (дата обращения: 04.05.2016)
12. Did Putin Sink Cyprus? (The New York Times) [Электронный ресурс] URL:
<http://www.nytimes.com/2013/04/03/opinion/putins-role-in-cypruss-collapse.html> (дата обращения: 25.10.2014)

13. Do You Ignore Homeless People? (AlterNet) [Электронный ресурс] URL: <http://www.alternet.org/poverty/psychology-behind-why-people-react-way-they-do-homeless-person-asking-help> (дата обращения: 25.10.2014)

14. Eight anti-ageing beauty tips from celebrities that are more inventive than 'get more sleep' (The Telegraph) [Электронный ресурс] URL: <http://www.telegraph.co.uk/beauty/people/eight-celebrity-anti-ageing-beauty-tips/> (дата обращения: 25.10.2014)

15. Europe, Unemployment and Instability. (Stratfor) [Электронный ресурс] URL: <https://www.stratfor.com/weekly/europe-unemployment-and-instability> (дата обращения: 25.10.2014)

16. Europe's leaders run out of credit in Cyprus. (The Financial Times) [Электронный ресурс] URL: <https://www.ft.com/content/cd6ad842-8fc0-11e2-ae9e-00144feabdc0> (дата обращения: 25.10.2014)

17. Europe's Refugee Crisis Isn't about Economics—It's about Culture (The National Interest) [Электронный ресурс] URL: <http://nationalinterest.org/feature/europes-refugee-crisis-isnt-about-economics%E2%80%94its-about-14250> (дата обращения: 04.05.2016)

18. Eurozone agrees €130bn bailout for Greece. (The Telegraph) [Электронный ресурс] URL: <http://www.telegraph.co.uk/finance/financialcrisis/9094994/Eurozone-agrees-130bn-bailout-for-Greece.html> (дата обращения: 15.03.2015)

19. Getting Human Rights Sanctions Right. (The National Interest) [Электронный ресурс] URL: <http://nationalinterest.org/commentary/getting-human-rights-sanctions-right-7794> (дата обращения: 15.03.2015)

20. Greece's Homelessness Spike. (The Daily Beast) [Электронный ресурс] URL: <http://www.thedailybeast.com/articles/2012/02/01/greece-s-homelessness-spike.html> (дата обращения: 15.03.2015)

21. Greek fury at plan for EU budget control. (The Financial Times) [Электронный ресурс] URL: [http://ftalphaville.ft.com/2012/01/30/856501/greek-fury-at-plan-for-eu-budget-](http://ftalphaville.ft.com/2012/01/30/856501/greek-fury-at-plan-for-eu-budget-control/?Authorised=false&_i_location=http%3A%2F%2Fftalphaville.ft.com%2F2012%2F01%2F30%2F856501%2Fgreek-fury-at-plan-for-eu-budget-control%2F&_i_referer=https%3A%2F%2Fwww.google.ru%2F6666cd76f96956469e7be39d750cc7d9&classification=conditional_registered&iab=barrier-app)

[control/?Authorised=false&_i_location=http%3A%2F%2Fftalphaville.ft.com%2F2012%2F01%2F30%2F856501%2Fgreek-fury-at-plan-for-eu-budget-control%2F&_i_referer=https%3A%2F%2Fwww.google.ru%2F6666cd76f96956469e7be39d750cc7d9&classification=conditional_registered&iab=barrier-app](http://ftalphaville.ft.com/2012/01/30/856501/greek-fury-at-plan-for-eu-budget-control/?Authorised=false&_i_location=http%3A%2F%2Fftalphaville.ft.com%2F2012%2F01%2F30%2F856501%2Fgreek-fury-at-plan-for-eu-budget-control%2F&_i_referer=https%3A%2F%2Fwww.google.ru%2F6666cd76f96956469e7be39d750cc7d9&classification=conditional_registered&iab=barrier-app) (дата обращения: 15.03.2015)

22. Kremlin Drug Czar Viktor Ivanov Seeks Global War on Traffickers. (The Daily Beast) [Электронный ресурс] URL: <http://europe.newsweek.com/kremlin-drug-czar-viktor-ivanov-seeks-global-war-traffickers-64381?rm=eu> (дата обращения: 15.03.2015)

23. Libya Epitomizes Clinton's Not-So-Smart Power (The National Interest) [Электронный ресурс] URL: <http://nationalinterest.org/blog/the-skeptics/libya-epitomizes-clintons-not-so-smart-power-15130> (дата обращения: 03.04.2016)

24. Illuminati celebrate election victory. (The Daily Mash) [Электронный ресурс] URL: <http://www.thedailymash.co.uk/news/international/illuminati-celebrate-election-victory-2012110747974> (дата обращения: 15.03.2015)

25. Magnitsky: A New Human-Rights Law for Russia—and the World. (The Daily Beast) [Электронный ресурс] URL: <http://www.thedailybeast.com/> (дата обращения: 20.10.2014)

26. Mansion tax: most voters are with Ed Miliband, not Myleene Klass (The Guardian) [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/nov/19/mansion-tax-myleene-klass-ed-miliband-self-deception-rich> (дата обращения: 15.03.2015)

27. Merkel as Europe's Debt Crisis Iron Lady Bucks German Street on Greek Aid. (Bloomberg) [Электронный ресурс] URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2012-02-20/merkel-as-europe-s-debt-crisis-iron-lady-bucks-german-street-on-greek-aid> (дата обращения: 21.06.2015)

28. Mohamed Morsi bars court challenges and orders Hosni Mubarak retrial (The Guardian) [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/world/2012/nov/22/mohamed-morsi-mubarak-retrial-egypt> (дата обращения: 03.04.2016)

29. No Matter Who Wins Today, the Electoral College Has to Go. (The New Republic) [Электронный ресурс] URL: <https://newrepublic.com/article/109677/electoral-college-abolish-it-please> (дата обращения: 20.05.2016)

30. Obama Rebukes Donald Trump's Comments on Nuclear Weapons (The New York Times) [Электронный ресурс] URL: http://www.nytimes.com/2016/04/02/world/middleeast/obama-nuclear-security-summit-iran.html?_r=0 (дата обращения: 21.06.2015)

31. Offshore secrets revealed: the shadowy side of a booming industry. (The Guardian) [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/uk/2012/nov/25/offshore-secrets-revealed-shadowy-side> (дата обращения: 20.10.2014)

32. Putin will be rubbing his hands at the prospect of Brexit (The Guardian) [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/jan/05/putin-rubbing-hands-brexit-david-cameron-eu> (дата обращения: 21.06.2016)

33. Reaction to the Russian elections: 'Dear Vlad. The Russian people are crying too'. (The Guardian) [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/world/2012/mar/05/russian-elections-vlad-russian-people> (дата обращения: 21.06.2015)

34. Record number of people fleeing Syria, UN reports. (The Guardian) [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/world/2012/sep/04/syria-refugees-asylum-un> (дата обращения: 21.06.2015)

35. Ruling Party Shows Strength Amid Low Turnout in Russian Vote. (The New York Times) [Электронный ресурс] URL:

<http://www.nytimes.com/2012/10/15/world/europe/russia-elections.html> (дата обращения: 21.06.2015)

36. Russia & WTO: buy Aeroflot, sell GAZ. (The Financial Times) [Электронный ресурс] URL: http://blogs.ft.com/beyond-brics/2012/08/16/russia-wto-buy-aeroflot-sell-gaz/?Authorised=false&_i_location=http%3A%2F%2Fblogs.ft.com%2Fbeyond-brics%2F2012%2F08%2F16%2Frussia-wto-buy-aeroflot-sell-gaz%2F&_i_referer=http%3A%2F%2Finosmi.ru%2Fe0d67e8b3d19c69282124c82606a3d10&classification=conditional_registered&iab=barrier-app (дата обращения: 21.06.2015)

37. Russia chafes as House passes Magnitsky Act. (The Washington Post) [Электронный ресурс] URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/russia-chafes-as-house-passes-magnitsky-bill/2012/11/16/b589e544-300f-11e2-a30e-5ca76eeec857_story.html (дата обращения: 21.06.2015)

38. Russia Holds an Honest Election. (Bloomberg) [Электронный ресурс] URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2012-10-17/russia-holds-an-honest-election> (дата обращения: 14.09.2014)

39. Russia May Face Debt Crisis Like Greece. (Bloomberg) [Электронный ресурс] URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2011-06-23/russia-may-face-debt-crisis-like-greece-by-2030-world-bank-says> (дата обращения: 21.06.2015)

40. Russia promises 'harsh' response over progress of Sergei Magnitsky bill. (The Guardian) [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/world/2012/jun/27/russia-harsh-response-sergei-magnitsky-bill-us-senate> (дата обращения: 10.11.2015)

41. Russia's move on adoptions discouraging. (The Washington Times) [Электронный ресурс] URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2012/dec/23/russias-move-on-adoptions-discouraging/> (дата обращения: 10.11.2015)

42. Russian citizens question vote count. (The Washington Post) [Электронный ресурс] URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/russian-citizens-question-vote-count/2012/03/07/gIQAZ2dzwR_story.html (дата обращения: 10.11.2015)

43. Russia's ban on US adoption isn't about children's rights. (The Guardian) [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/dec/28/russia-ban-us-adoption-children-rights> (дата обращения: 10.11.2015)

44. Russia's entry to WTO ends 19 years of negotiations. (The Guardian) [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/business/economics-blog/2012/aug/22/russia-entry-world-trade-organisation?newsfeed=true> (дата обращения: 10.11.2015)

45. Russia's view on the US elections. (The Guardian) [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/world/2012/nov/05/russia-view-us-elections> (дата обращения: 10.11.2015)

46. Saving Cyprustan How Russia Sees Cyprus. (The New Republic) [Электронный ресурс] URL: <https://newrepublic.com/article/112762/cyprus-bailout-russia-could-buy-friend> (дата обращения: 10.11.2015)

47. Study: The 'gateway drug' is alcohol, not marijuana. (The raw story) [Электронный ресурс] URL: <http://www.rawstory.com/2012/07/study-the-gateway-drug-is-alcohol-not-marijuana/> (дата обращения: 10.11.2015)

48. The Craven and Disgraceful Response to the Murder of the American Ambassador in Libya. (Forbes) [Электронный ресурс] URL: <http://www.forbes.com/sites/markadomanis/2012/09/12/the-craven-and-disgraceful-response-to-the-murder-of-the-american-ambassador-in-libya/> (дата обращения: 09.09.2014)

49. The end of Putinism. (The Washington Post) [Электронный ресурс] URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/putins-future-in-doubt-in-russia/2012/03/01/gIQAm0cWrR_story.html?utm_term=.15c9dc650c52 (дата обращения: 10.11.2015)

50. The mansion tax: pure class envy (the Telegraph) [Электронный ресурс] URL: <http://www.telegraph.co.uk/finance/property/news/11118873/The-mansion-tax-pure-class-envy.html> (дата обращения: 04.03.2016)

51. The Scorpion's Tale: Did Assad Take Putin for a Ride? (The New York Times) [Электронный ресурс] URL: http://www.nytimes.com/2016/03/23/world/middleeast/bashar-al-assad-syria-russia-west.html?_r=2 (дата обращения: 03.04.2016)

52. The tricky triangle of Iran, Russia and Israel (The Guardian) [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/world/iran-blog/2016/apr/25/iran-russia-israel-tehranbureau> (дата обращения: 03.04.2016)

53. There will always be anti-semitism, but let's also remember how protected and valued we Jews in the UK are (The Independent) [Электронный ресурс] URL: <http://www.independent.co.uk/voices/comment/there-will-always-be-anti-semitism-but-let-s-also-remember-how-protected-and-valued-we-jews-in-the-9991035.html> (дата обращения: 10.11.2015)

54. Thinking on Syria. (Huffington Post) [Электронный ресурс] URL: http://www.huffingtonpost.co.uk/alexander-yakovenko/russia-thinking-on-syria_b_1892531.html?utm_hp_ref=uk (дата обращения: 10.11.2015)

55. Trump and Cruz's war on wives reveals the male violence lurking in US politics (The Guardian) [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/mar/25/donald-trump-ted-cruz-male-violence-us-politics-american-psycho> (дата обращения: 04.05.2016)

56. Vladimir Putin appears set for reelection as Russian president. (The Washington Post) [Электронный ресурс] URL: https://www.washingtonpost.com/world/russians-voting--and-watching/2012/03/04/gIQA3j6CqR_story.html (дата обращения: 10.11.2015)

57. We Europeans must face up to our own security challenges (The Guardian) [Электронный ресурс] URL:

<https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/feb/13/europeans-must-face-own-security-challenges-ukraine-us> (дата обращения: 10.11.2015)

58. А вы замечаете бездомных людей? (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/world/20130210/205691505.html> (дата обращения: 25.10.2014)

59. Акт Магнитского - новый закон в защиту прав человека в России и в мире. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/russia/20121126/202623973.html> (дата обращения: 20.10.2014)

60. Арабская весна как новая версия «Скотного двора» Оруэлла. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/asia/20111213/180135829.html> (дата обращения: 20.10.2014)

61. Басня о скорпионе: Асад, вероятно, считает, что он нужнее России и Западу, чем они ему (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/politic/20160328/235895387.html> (дата обращения: 03.04.2016)

62. Взгляды России на выборы в США. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/russia/20121106/201835484.html> (дата обращения: 10.11.2015)

63. Владимир Путин, по-видимому, снова станет президентом России. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/politic/20120305/187463230.html> (дата обращения: 10.11.2015)

64. Граждане России сомневаются в честности выборов. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/politic/20120308/187744714.html> (дата обращения: 10.11.2015)

65. Греция в ярости от плана ЕС по контролю над ее бюджетом. (ИноСМИ) <http://inosmi.ru/europe/20120130/184341943.html> (дата обращения: 15.03.2015)

66. Думая о Сирии. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/world/20120920/199466937.html> (дата обращения: 10.11.2015)

67. Еврозона согласилась предоставить Греции кредит в \$130 млрд. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/telegraph/20120222/186566564.html> (дата обращения: 15.03.2015)

68. Европа: безработица и нестабильность. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/europe/20130306/206663387.html> (дата обращения: 25.10.2014)

69. Железная леди Меркель продвигает курс Германии в отношении помощи Греции. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/europe/20120221/186456869.html> (дата обращения: 21.06.2015)

70. Запрет на усыновление не связан с правами детей. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/russia/20121229/203963391.html> (дата обращения: 10.11.2015)

71. Иллюминаты празднуют победу на выборах. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/world/20121107/201892541.html> (дата обращения: 15.03.2015)

72. Иран, Россия и Израиль: сложный треугольник (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/politic/20160426/236299784.html> (дата обращения: 03.04.2016)

73. Исследование: стартовый наркотик это алкоголь, а не марихуана. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/world/20120707/194601516.html> (дата обращения: 10.11.2015)

74. Кипру пришлось понять, что не все страны равны. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/world/20130328/207482221.html> (дата обращения: 25.10.2014)

75. Конец путинизма. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/politic/20120305/187496319.html> (дата обращения: 10.11.2015)

76. Кремлевский борец с наркотиками Виктор Иванов выступает за глобальную войну с наркотрафиком. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/russia/20120813/196536638.html> (дата обращения: 15.03.2015)

77. Кто бы ни победил сегодня, коллегия выборщиков необходимо отменить. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/world/20121106/201850140.html> (дата обращения: 20.05.2016)

78. Лидеры европейских стран больше не верят Кипру. (ИноСМИ) URL: <http://inosmi.ru/world/20130320/207161319.html> (дата обращения: 25.10.2014)

79. Можно ли спасти Египет и Сирию? (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/asia/20120204/184882457.html> (дата обращения: 20.10.2014)

80. Мохаммед Мурси запретил подавать иски и распорядился пересмотреть дело Хосни Мубарака. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/world/20121123/202535994.html> (дата обращения: 03.04.2016)

81. Наплыв беженцев в Европу — не экономическая, а культурная проблема (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/world/20151106/231211230.html> (дата обращения: 04.05.2016)

82. Отказываясь от Сергея Магнитского. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/world/20120622/193951995.html> (дата обращения: 20.10.2014)

83. Позорная и трусливая реакция на убийство американского посла в Ливии. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/world/20120913/199122383.html> (дата обращения: 09.09.2014)

84. После 19 лет переговоров Россия вступает в ВТО. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/economic/20120823/197099964.html> (дата обращения: 10.11.2015)

85. Правящая партия демонстрирует свою силу на фоне низкой явки на выборы в России. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/> (дата обращения: 21.06.2015)

86. Путин потирает руки в ожидании выхода Британии из ЕС (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: http://inosmi.ru/reg_europe/20160107/234991410.html (дата обращения: 21.06.2016)

87. Путин потопил Кипр? (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/russia/20130404/207697092.html> (дата обращения: 25.10.2014)

88. Разобраться в правозащитных санкциях. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/russia/20121204/202952688.html> (дата обращения: 15.03.2015)

89. Реакция на выборы в России. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/politic/20120306/187615128.html> (дата обращения: 21.06.2015)

90. Резкий рост числа бездомных в Греции. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/europe/20120203/184785174.html> (дата обращения: 15.03.2015)

91. Рекордное количество беженцев покидает Сирию. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/world/20120905/198628968.html> (дата обращения: 21.06.2015)

92. Российский закон против усыновлений – неприятная новость. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/russia/20121224/203730877.html> (дата обращения: 10.11.2015)

93. Россия и ВТО: стоит покупать «Аэрофлот» и продавать ГАЗ. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/russia/20120817/196795982.html> (дата обращения: 21.06.2015)

94. Россия может столкнуться с долговым кризисом, аналогичным греческому. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/economic/20110624/171148479.html> (дата обращения: 21.06.2015)

95. Россия обещает «жесткий» ответ в случае принятия закона Магнитского. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/> (дата обращения: 10.11.2015)

96. Россия проводит честные выборы. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/russia/20121018/201083115.html> (дата обращения: 14.09.2014)

97. Россия раздражена решением американских законодателей по «закону Магнитского». (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/usa/20121117/202277106.html> (дата обращения: 21.06.2015)

98. Спасение для Кипра – геополитический провал для России. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/russia/20130326/207381979.html> (дата обращения: 20.10.2014)

99. Спасти Кипристан. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/russia/20130326/207395457.html> (дата обращения: 10.11.2015)

100. Тайны оффшоров: теневая сторона процветающего бизнеса. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/europe/20121127/202668391.html> (дата обращения: 20.10.2014)

101. Черный день для Британии, г-н Кэмерон (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/world/20140630/221333192.html> (дата обращения: 20.10.2014)

102. Эксперты: Пора декриминализировать употребление наркотиков. (ИноСМИ) [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/world/20121015/200935325.html> (дата обращения: 20.10.2014)